

Антон Грановский Посланники тьмы

Гиблое место – 4

Антон Грановский Посланники Тьмы

Если ты охотишься на чудовищ, опасайся, чтобы самому не превратиться в чудовище. Ведь если ты долго смотришь в бездну – бездна начинает смотреть на тебя.

Ф. Ницше

Глава первая

1

Осторожно и неторопливо пробирался молодой ходок Дивлян по Гиблой чащобе. Лес вокруг был темный и густой. Серого тумана в этом месте было поменьше, чем в окружающих ложбинах. Он стлался на земле брюхом, как живой, с коварной ласковостью обвивал сапоги Дивляна, поднимался до колен.

Кое-где клочья тумана висели между черными деревьями, не опускаясь и не поднимаясь. Натыкаясь на такие обрывки, Дивлян всякий раз останавливался и напряженно в них вглядывался.

Тишина в лесу стояла мертвая. Ни птиц, ни ветра. Лес будто бы впал в тяжелый, беспробудный сон.

Больше года назад вся чащоба затянулась непроницаемым серым туманом, и держался тот туман целый месяц. А как сошел – Гиблое место изменилось. Будто посуровело. И нечисть в нем завелась новая. И ходоки, которые сунулись туда, стали какими-то странными и неразговорчивыми, они не рассказывали никому о том, что видели. Двое ходоков опосля похода удавились, а еще один стал хлестать водку и допился до смерти.

Охотник-промысловик по прозвищу Вислоус, заплутав в тумане, забрел случайно в

Гиблое место. Вернулся он оттуда через два дня, полностью поседевший.

Вислоус рассказывал, что видел в сером тумане какие-то быстрые тени и слышал вой столь жуткий, что умер бы со страху, если бы вместо него не умерли его волосы.

Хозяин постоялого двора дал охотнику лучшую комнату. А ночью из этой комнаты донесся оглушительный вопль. Когда охоронцы вбежали туда, они увидели, что Вислоус сидит на полу, сжимая в левой руке меч, и испуганно глядит в темный угол.

Потрогав Вислоуса за лицо, охоронцы поразились. Кожа его была так холодна, а мышцы так тверды, будто помер Вислоус не только что, а, по меньшей мере, день тому назад.

После смерти охотника по княжеству пошли слухи, что теперь всякого, кто сунется в Гиблое место, ожидает смерть – даже если он вернется из чащобы живым и невредимым.

...Тропа устремила в низину, наполненную серым туманом. Дивлян не без робости ступил туда. Эх-эх... Не отправился бы он в Гиблое место, кабы не крайняя нужда. Пришел к нему три дня назад купец Бава Прибыток, а с ним еще двое, нездешних, и положили на стол большой кошель, туго набитый золотыми солидами.

«Твой будет, – сказали, – коли сделаешь, как мы велим».

«Я не слишком опытен», – пробовал отбрезаться Дивлян.

А Бава усмехнулся в усы, пригладил ладонью бороду, да и говорит:

«Слыхал я, Дивляша, что ты ходил в учениках у самого Глеба Первохода. Это дорогого стоит. К тому ж никто из ходоков больше в Гиблое место не шастает. Набили себе карманы серебром да золотом, обленились. А ты, я слыхал, бос да гол. И сестры твои – немощные калеки. Деньги-то, небось, нужны».

А кошель с золотом все лежал на столе, и глаз от него отвести было невозможно. Как тут не согласиться?..

Согласился.

...Спустившись в низину, Дивлян прошел всего несколько шагов, когда заметил, что в одном месте туман стал сгущаться. Сгусток тумана шевельнулся и вдруг неторопливо поплыл в сторону Дивляна. Чем ближе он был, тем четче становились его очертания. И вот уже не сгусток тумана, а человек – призрачный, туманный – шел бесшумно по сырой, темной траве.

Дивлян открыл от изумления рот и попятился назад. Под каблуком его сапога тихонько хрустнул мокрый валежник. Туманный человек остановился и повернул голову в сторону Дивляна. Ходок поспешно отпрянул за дерево, но пред тем успел заметить, что вместо лица у странного туманного человека пустое, ровное место.

Так вот какие новые чудовища появились в Гиблом месте!

Дивляна пробрал лютый ужас. Колени его ослабли, волосы на голове встали дыбом.

«Бог Семаргл, не дай мне пропасть! – беззвучно взмолился ходок. – Клянусь, никогда больше не сунусь в Гиблое место! Дай только унести отсюда ноги, дай вернуться к мамке и сестрам! Они без меня пропадут!»

Выждав немного, Дивлян осторожно выглянул из-за дерева – выглянул и чуть не обделался со страху. Безликий человек стоял прямо перед ним.

Дивлян вскрикнул, повернулся и бросился бежать. Однако пробежать удалось всего несколько шагов. Потом что-то сильно толкнуло Дивляна в спину, он потерял равновесие и упал на землю. Хотел подняться, но туман навалился на него, словно огромное, потное, смрадно дышащее животное, и придавил к земле.

Дивлян поднатужился, выхватил из ножен меч и рубанул мечом по туману, но меч увяз в этом тумане, как в глине. И вдруг кто-то с силой вырвал меч из пальцев Дивляна. Ходок увидел, как что-то черное стремительно приближается к нему сквозь туман, а в следующее мгновение что-то схватило его за ноги и подняло в воздух.

В этот миг Дивлян забыл, что он уже мужчина, забыл, что ему уже восемнадцать лет и что в жилах у него бежит кровь потомственного охотника. Он набрал полную грудь воздуха и закричал:

– Мама!

Левая рука ходока дернулась, горячие капли брызнули ему на лицо. Дивлян скосил глаза влево и увидел, что руки у него больше нет, а вместо нее торчит белая, страшная, измазанная кровью кость.

Что-то темное мелькнуло у Дивляна перед глазами, и вслед за тем серое, безликое лицо, сотканное из клубящегося тумана, приблизилось к его лицу. Словно это сама тень Дивляна глядела на него.

– Кто ты? – с ужасом и тоской крикнул он в эту тень. – Что ты такое?

На мгновение Дивлян показалось, что он увидел два черных, бездонных глаза, и тут чашобу потряс громкий, гортанный, нечеловеческий смех.

Дивлян снова хотел закричать, но холодная черная мгла устремилась ему в рот, втекла в глаза и выморозила ему внутренности.

2

Месяц спустя, северный берег большого Эльсинского озера

– Еще что-нибудь? – поинтересовался толстый целовальник Назарий, протирая оловянный стаканчик сухим рушником.

– Угу, – с холодноватой усмешкой отозвался парень, сидевший на лавке у деревянной стойки. – Вербку и шаткий стул.

Парень был широкоплеч и строен – смуглое, худощавое, сосредоточенное лицо, уверенные легкие движения. Одет он был в короткую меховую куртку, а волосы имел темные и длинные. По виду – молодой охотник-промысловик. Впрочем, не такой уж и молодой. Лет тридцать, наверно, не меньше.

Целовальник вскинул бровь.

– Ты сегодня не в духе, Первоход?

Парень раздраженно дернул щекой:

– Сон дурной приснился.

– Опять? И что за сон?

– Да чепуха. Как будто выхожу я в праздничный день на площадь, шляюсь в толпе, покупаю пряники, пью медовуху. И вдруг гвалт смолкает, и наступает мертвая тишина. И в этой тишине все люди – все до единого – молча смотрят на меня. Сначала мне все это странно, а потом до меня вдруг доходит...

Глеб Первоход сделал паузу, чтобы отхлебнуть из кружки.

– Доходит – что? – спросил Назарий.

Глеб поставил кружку, посмотрел целовальнику в глаза и сухо проговорил:

– Что на этой площади лишь я один – человек. А остальные только притворяются людьми. Гляжу на них, а у них вместо лиц – темные дыры. Я хватаюсь за меч, а меча нет. Тянусь к кобуре, но и она пуста.

– Эвона как, – завороченно проговорил целовальник. – И что было дальше?

Глеб хмыкнул:

– Дальше все было хорошо. Дальше я проснулся.

Назарий нахмурился и покачал головой.

– Сон твой и впрямь страшен, – тихо сказал он. – А мне сны вообще не снятся. Раньше я тревожился, но потом понял – лучше совсем никаких снов, чем такие, как бывают у тебя.

Целовальник сполоснул в ведре с водой второй оловянный стаканчик и принялся тщательно натирать его рушником.

– Что северные купцы? – поинтересовался он, меняя тему. – Купили твою свеклу?

Глеб оживился.

– Все купили, – ответил он. – И свеклу, и клубнику, и крыжовник. Золотом заплатили.

– Прибыльное, значит, дело – огородничество?

– Смотря что выращивать. Вот ты, например, знаешь, что такое огурец?

Назарий покачал головой:

– Нет.

– А скоро его во всех русских землях есть станут.

– Это вряд ли, – возразил целовальник. – Русский человек иноземную пакость в рот никогда не возьмет.

Глеб хотел высказаться, но вдруг замолчал и прислушался.

– Что это там за шум? – спросил он.

Прислушался и целовальник. С улицы доносились приглушенные голоса, и звучали они угрожающе. Целовальник нахмурился.

– Никак опять бродяги у кружала людей обирают, – с досадой проговорил он. – Совсем испаскудился народ. Ни богов, ни княжьей власти не страшится.

– Пойду посмотрю, – сказал Глеб.

Назарий посмотрел на него опасливо.

– Не ходил бы, – осторожно проронил он. – Бродяги нынче границ не знают, чуть что – за нож хватаются.

– Ничего. – Глеб поставил кружку на стол. – Посторожи мой сбитень.

Он слез со скамьи, поправил, откинув полу длинного плаща, ножны и зашагал к выходу.

На улице похолодало и свечерело. Черная, мокрая земля поблескивала в свете слюдяного фонаря. Снег в здешних местах и в январе был редкостью, а в марте его совсем не осталось. Глеб успел немного соскучиться по настоящим белым сугробам, серебрящимся в свете луны.

Чуть в стороне от кружала он увидел то, что ожидал. Трое здоровенных бродяг окружили богато одетого человека, который только что спешился с рослого вороного коня, и вымогали у него деньги.

Этап жалобного скулежа они уже миновали и теперь перешли к прямым угрозам. Глеб услышал, как странник приглушенно проговорил:

– Нету денег, мужики! Сварогом клянусь – нету!

Один из лиходеев ощерился.

– Чего ж тогда к карманам не пускаешь? Дай сами поглядим!

– Это мои карманы, – ответил путешественник, угрюмо глядя на бродягу. – И, кроме меня, туда никто руку не запустит.

– Карманы твои, – согласился другой верзила, еще выше прежнего, со смуглой разбойничьей физиономией. – А то, что в них, – наше. Кто по этой дороге идет, нам мзду платит. Плати и ты.

Глеб увидел, что двое из бродяг сунули правые руки в карманы залатанных кафтанов. Путешественник тоже, как бы невзначай, положил пальцы на рукоять сабли.

Поняв, что сейчас начнется кровавая драка, Глеб шагнул вперед и вышел из тени.

– Эй, вы! – грубо окликнул он бродяг. – Оставьте человека в покое!

Уличные громилы повернулись на голос и зыркнули на Глеба холодными глазищами.

– Не нарывайся, огородник, – сказал один из них, самый низкорослый и широкоплечий. – Этот мытарь – наша добыча.

– Иди поли свою репу, а в наши дела не суйся! – рявкнул другой.

Бродяги снова повернулись к мытарю.

– Так не дашь обыскать карманы? – спросил самый рослый из них.

Мытарь насупил брови и тихо ответил:

– Не дам.

– Ну, пеняй на себя. Мочи его, ребята!

Двое молодчиков выхватили из карманов раскладные ножи, а третий, самый низкий и широкоплечий, схватил огромной пятерней руку мытаря, лежащую на рукояти сабли, и крепко сжал ее.

Лезвие ножа чиркнуло путешественника по предплечью, он вскрикнул и шатнулся в

сторону, но тут второй верзила саданул его ножом в бок. Но мытарю снова удалось увернуться. Лезвие ножа лишь распороло его кафтан и слегка прорезало кожу.

Мытарь выхватил из ножен саблю, но тут коренастый бродяга ударил его по запястью камнем, и сабля со звоном упала на мерзлый кругляш замощенной площадки.

Мытарь попятился и прижался спиной к стене кружала. Он стоял, тяжело дыша, придерживая рукой порезанный бок, и смотрел на окруживших его головорезов сверкающими глазами загнанного в ловушку зверя.

Решив, что самое время вмешаться, Глеб с лязгом выхватил меч из ножен и шагнул к бродягам. Движения его были быстрыми и точными. Первым же ударом он выбил нож из руки самого рослого бандита, затем ударил его ногой в колено и двинул в челюсть крестовиной меча. Верзила рухнул наземь.

Второй бродяга бросился на Глеба, но получил встречный удар голом меча в лоб и грохнулся в покрытую тонкой коркой льда лужу.

Увидев, что приятели повержены, коренастый головорез подхватил с земли саблю и приставил ее острие к горлу мытаря.

– Сделаешь еще шаг, перережу мытарю горло! – процедил он сквозь зубы, поглядывая на Глеба свирепыми глазами.

Глеб вложил меч в ножны, затем спокойно достал из заплечной кобуры ольстру и направил ее дуло бродяге в лоб.

– Давай, – просто сказал он. – Перережь ему горло, а я прострелю тебе башку.

Несколько секунд Глеб и коренастый разбойник смотрели друг другу в глаза. Затем негодяй усмехнулся и медленно опустил саблю.

– Положи ее на землю! – скомандовал Глеб, качнув стволом ольстры.

Бродяга подчинился.

– Теперь бери своих дружков за шиворот и тащи их отсюда прочь, – приказал Глеб. – И запомни: еще раз увижу вас возле кружала, убью.

Коренастый сделал все в точности, как велел Глеб, схватил бродяг за шиворот и одним рывком поставил их на ноги.

– Еще свидимся, огородник! – тихо, с едва заметной усмешкой, проговорил он и потащил дружков прочь.

Бродяги скрылись за углом.

Глеб сунул ольстру в кобуру и взглянул на мытаря. Тот уже поднял свою саблю. Кафтан на его правом боку промок от крови.

– Сильно они тебя? – спросил Глеб.

Мытарь мотнул головой:

– Нет. Ты вовремя подоспел. – Он вложил саблю в ножны и взглянул на Глеба: – Кто ты такой, негаданный защитник?

Глеб усмехнулся.

– Я светлый лучик в беспросветной тьме твоей жизни, мытарь. Идем в кружало. Нужно обработать твои царапины.

Мытарь неуверенно посмотрел на своего вороного скакуна, переминающего копытами у коновязи.

– А как же конь? – спросил он. – Эти мерзавцы его не украдут?

– Нет, – ответил Глеб. – В здешних краях почитают бога Камоку. У него лошадиная голова, и он ненавидит конокрадов. Местные бродяги скорее размозжат голову женщине или старику, чем украдут лошадь. Идем!

Глеб повернулся и первым зашагал к кружалу. Мытарь, пораздумав секунду, последовал за ним.

– Садись. – Глеб помог мытарю усесться на лавку. – Назарий, дай нам водку и чистую тряпицу. Да, и еще одну кружку для моего приятеля.

Целовальник кивнул и пошел в чулан. Мытарь посмотрел, как Глеб берет кружку с недопитым сбитнем, и сказал:

– Они называли тебя огородником. Ты правда огородник?

Глеб хлебнул сбитня и кивнул:

– Угу.

Целовальник вышел из чулана и опустил на стойку кубышку с водкой и чистые тряпичные лоскуты.

Глеб поставил кружку на стойку, взял лоскут и повернулся к мытарю.

– Снимай кафтан и задирай рубаху.

Мытарь скинул дорогой кафтан и обнажил разрезанный бок.

– Ты ведь не просто огородник, верно? – слегка поморщиваясь от боли, поинтересовался он, глядя на то, как быстро и ловко Глеб накладывает повязку.

– Почему ты так решил?

Мытарь хмыкнул:

– Скажем так: на своем веку я повидал немало огородников, и ты не похож ни на одного из них.

Глеб закончил дело и смахнул с колен тряпичные нитки.

– Ошибаешься, – сухо проговорил он. – Если захочешь, могу продать тебе капусту или баклажаны, выращенные собственными руками. Одевайся.

Пока Глеб наполнял кружку мытаря хмельным сбитнем, тот заправил рубаху в штаны и натянул теплый, подбитый соболями кафтан. Глянув на приклад обреза, торчащий из кобуры Глеба, он вдруг сказал:

– А я понял, кто ты. Твоя ольстра тебя выдала. Ты ведь Первоход, верно? Ходок в места погиблые.

Глеб не ответил. Он молча повернулся к стойке и взялся за свою кружку. Но мытаря, казалось, охватил новый приступ любопытства, и остановиться он уже не мог:

– Что ты делаешь в этой дыре, Первоход?

– Живу, – ответил Глеб, прихлебывая сбитень.

– Живешь? – Мытарь прищурился. – В Хлынском княжестве про тебя ходят легенды. Говорят, что ты был лучшим ходоком! И что самая злобная нечисть обходила тебя стороной! А теперь ты простой огородник?

Глеб покачал головой и едва заметно усмехнулся.

– Не простой. Я лучший огородник на всем Северном побережье.

Мытарь тихо засмеялся:

– Ну, пусть будет так. – Он взял свою кружку и осторожно глотнул. – М-м... А это вкусно! – Сделав еще глоток, мытарь поставил кружку на стойку и спросил, понизив голос: – Послушай-ка, Первоход, а молодой ходок Дивлян – не твой ли ученик?

– Дивлян? – Глеб прищурил недобрые глаза. – Возможно. А тебе что за дело?

Охотник хлебнул сбитня и облизнул сладкие губы.

– С месяц назад ходок Дивлян вернулся из Гиблого места.

– Вот как? – Глеб недоверчиво нахмурился. – А я слышал, что в Гиблое место уже никто не ходит.

– Верно, – кивнул мытарь. – Дивлян был последним. Говорят, Бава Прибыток отвалил ему за это целый пуд золота.

– Вот как, – неопределенно проговорил Глеб. – И что Баве понадобилось в Гиблом месте?

– Того никто не ведает, – ответил странник. – Сговор у них был тайный. Дивлян пропадал в Гиблом месте три дня, а вернулся с культипой вместо левой руки. С тех пор он жил в своей конуре один, ни с кем из старых знакомцев не разговаривал, а на улицу, сказывают, выходил только по вечерам.

Глеб немного помолчал, попивая сбитень, затем покосился на странника и глухо спросил:

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

Мытарь пожал плечами:

– Сам не знаю. Думал, тебе интересно. Дивляна-то убили. С неделю назад.

Несколько секунд Глеб молчал. Лицо его потемнело, глаза замерцали мрачным огнем. Потом он облизнул губы и хрипло спросил:

– Как это случилось?

Мытарь пожал плечами:

– Да ведь никто не знает. Известно только, что смерть его была страшной. Точно не ведаю, но рассказывают, что Дивлян сидел на полу, весь иссохшийся, будто из него выпили все соки. Глаза вытаращены и смотрят в угол комнаты. – Мытарь передернул плечами и обмахнул себя охранным знаком от нечисти, после чего договорил: – А в глазах его стоял такой ужас, что даже князьему дознавателю стало не по себе.

Глеб молчал, о чем-то размышляя. Мытарь тем временем допил сбитень и вытер рукавом рот.

– Жалко Дивляна, – сказал он со вздохом. – Совсем ведь еще мальчишка был. Говорят, у него остались сестры-калеки. Теперь пойдут по миру.

Глянув на молчаливого Глеба, мытарь сдвинул брови и сказал:

– Ладно, Первоход, мне пора. Спасибо, что помог отбиться от лихоедеев.

Мытарь поднялся с лавки и оправил дорогой кафтан. Затем взял со стойки соболью шапку и нахлобучил на голову.

– Слышь, ходок, – тихо позвал он, – ты только не возвращайся в Хлынь. Слышал я, что за твою голову князь назначил щедрую награду.

Глеб продолжал молчать, стиснув в пятерне кружку со сбитнем и нахмутив смуглый, обветренный лоб.

– Ну, ладно. Бывай здоров!

Мытарь повернулся и торопливо вышел из кружала.

Целовальник вернулся с другого конца стойки и, взглянув на Глеба, спросил:

– О чем задумался, Первоход?

Глеб качнул головой и посмотрел на целовальника туманным взглядом, как человек, только что вышедший из глубокой задумчивости. Затем нахмурился и сказал:

– Присмотришь за моим хозяйством?

– Конечно. А ты далеко ли собрался?

– Далеко, – ответил Глеб.

Назарий сдвинул брови и внимательно посмотрел на Глеба.

– Хочешь отправиться в Хлынь?

Глеб промолчал.

– Зря ты это затеял, – хмуро проговорил целовальник. – Знаешь ведь, как тебя там встретят.

– Да уж знаю. Нет пророков в своем отечестве. А людская любовь переменчива. Сегодня тебя носят на руках, а завтра втоптывают в грязь.

– Ты послушался князя, – напомнил Назарий. – А это хуже любого преступления. Кабы не твои ратные подвиги, не выпустили бы тебя из Хлыни живым.

На это Глеб ничего не сказал.

– Я слышал, ваш князь набрал охоронцев из викингов, – снова заговорил Назарий. – Рассказывают, лютее и сильнее их не найти. Убьют они тебя.

– Пусть попробуют, – мрачно проговорил Глеб. – Ладно. Мне тоже пора.

Он достал из кармана охотничьей куртки связку ключей, снял один ключ и брякнул его на стойку. Затем убрал всю связку обратно в карман, положил на стойку пару медных монеток, повернулся и зашагал к выходу.

Назарий посмотрел ему вслед, вздохнул и покачал головой.

в гостиных рядах позакрывались. Иные купцы обезденежели от лютых княжьих поборов, другие припрятали товары до лучших времен.

То, что осталось, стоило дорого, а качества было отвратительного. Рыба и та стала будто бы мельче и тощее после войны. Как писали в старинном романе – озлобленно, праздно и голодно шумел большой город.

Глеб въехал в город в сумерках, в складчинной телеге, на которой помимо него сидели, закутавшись в шубы и шали, трое замерзших купчиков. У гостиных рядов Глеб спрыгнул с телеги, взял свою суму, сшитую из оленьей кожи, и махнул возчику, чтобы ехал дальше.

На обочине дороги сидел на деревянной тележке безногий калика. Глеб сунул в его грязную ладонь монетку и спросил:

– Как тут у вас?

– В Хлыни-то? – Калика сверкнул на Глеба лукавыми глазами. – Да по-всякому. То нас дерут, то мы деремся. А пузо у всех одинаково пухнет – у богатого от брашна, у бедного – с голодухи.

Глеб улыбнулся.

– Язык-то у тебя длинный, калика, – заметил он. – Гляди, подрежут.

– Оно и к лучшему, – отозвался калика. – В последние месяцы я им все равно ничего не лижу, кроме купецких задниц. А для этого дела и без меня охотники найдутся.

Глеб засмеялся, поправил на голове охотничью шапку, закинул сумку на плечо и зашагал по мостовой.

Мимо проскользила кавалькада из трех расписных саней. Перед санями бежали фонарики со слюдяными фонарями на длинных древках. Знатные, видать, поехали купцы. Уж не сам ли Бава Прибыток?

Глеб усмехнулся, перешел через дорогу и, дойдя до торжка, свернул в темный переулок. По нему он шел минут двадцать, после чего снова вывернул на большую дорогу, прошел еще чуток и остановился возле постоянного двора Дулея Кривого, огороженного высоченным забором.

Сторожу, топчашемуся под слюдяным фонарем с колотушкой в руке, Глеб дал резаную медяшку и спросил:

– Сестры-калики все еще здесь живут?

– Здесь, – ответил тот. – Но к ночи съедут.

– Чего это вдруг?

– Дулей их гонит в шею. Живут, а не плотют.

– Ясно.

Глеб прошел мимо сторожа, распахнул калитку и, поскрипывая снежком, зашагал к большому дому.

Комната, где жили сестры ходока Дивляна, располагалась на первом этаже, сразу за хозяйственными помещениями, и была, без сомнения, самой ветхой и плохо обставленной конурой в доме Дулея Кривого.

Дверь они не запирали, потому как каждый знал, что красть у сестер нечего, а на их колченогую красоту никто не зарился. Завидев на пороге Глеба, обе сестры вскочили с лавок и с радостными криками захромали ему навстречу.

– Глеб!

– Глебушка!

Глеб крепко их обнял, и девушки зарыдали у него на груди.

– Ну-ну-ну, – улыбнулся Глеб, крепко обнимая девушек и поглаживая их по вздрагивающим спинам. – Все будет хорошо. Все наладится.

– Глеб, Дивляна сгубили...

– Да, я знаю.

Он вновь погладил сестер по худым спинам. Затем неловко проговорил:

– Ну, будет... Будет вам. Дайте я на вас посмотрю.

Как и каждый раз, когда Глеб встречался с сестрами Дивляна, он удивился

несправедливости природы, которая наградила девушек изумительной красотой, но при этом, словно издеваясь сама над собой, сделала их хромоножками.

Через тысячу с лишним лет, в начале двадцать первого века, их лица неплохо бы смотрелись на глянцевого обложке «Воуга» или «Вэнити фэйр». А их точеным фигуркам позавидовали бы лучшие манекенщицы. Но из-за хромоты девушки считались в городе едва ли не самыми жуткими уродинами. Да и себя наверняка считали таковыми. Кроме того, по здешним меркам они были излишне худосочны.

Внешне Рожена и Божена были совершенно неотличимы. Но Божена была милой и приветливой девушкой, и улыбка у нее была милой и приветливой, а Рожена улыбаться почти не умела, от постоянной хмурости между бровей у нее обозначилась тонкая поперечная морщинка.

Вытерев мокрое от слез лицо платком, Рожена сказала:

– Глеб, как мы рады, что ты вернулся!

– Мы по тебе скучали! – с улыбкой добавила Божена.

– Жаль, что Дивлян не дожил до твоего возвращения!

– Проходи к столу!

Глеб вошел в горницу, прошел к столу и сел на лавку.

– Как вы? – спросил он.

– Ничего, живем. Прости, нам совсем нечего подать на стол.

– Это не беда.

Глеб скинул с плеча сумку, ослабил стяжку и сунул в нее руку. Сестры, несмотря на то что глаза их все еще были на мокром месте, уставились на сумку замороженными взглядами, словно дети, с восхищением ожидающие, что же достанет из своего мешка Дед Мороз.

Глеб выгрузил на стол каравай хлеба, кусок вяленого мяса, сырную голову и кожаный бурдючок с красным византийским вином. Сестры зарделись.

– Глеб, мы...

– Только не надо слов, – спокойно сказал он. – Дивлян не раз выручал меня. Теперь моя очередь.

Пока сестры накрывали на стол, Глеб порезал хлеб, мясо и сыр, разлил вино по глиняным стаканчикам.

Сестры стеснялись есть при Глебе, и ему приходилось едва ли не силой заставлять их проглатывать очередной кусок. Посчитав наконец, что Рожена и Божена сыты, Глеб заговорил о деле. Начал он почти издалека:

– Мне жаль, что так случилось с Дивляном. Он не заслужил такой смерти.

– Он был хорошим братом, – тихо сказала Божена. – Никогда не обижал нас.

– А если кто пытался обидеть, всегда нас защищал, – добавила Рожена.

– Да, он был славным малым. – Глеб снова наполнил вином стаканчики. – Давайте выпьем за то, чтобы ему нашлось место в блаженном Уграе.

Они выпили, не чокаясь. Рожена заела вино кусочком сыра, глянула на Глеба грустными глазами и тихо сказала:

– Дивлян постоянно говорил о тебе.

– Правда?

Она кивнула:

– Да.

– Только не в последние дни, – призналась Божена. – После своего возвращения из Гиблого места он к нам заходил редко.

– С тех пор, как Дивлян вернулся из Гиблого места, он был сам не свой, – подтвердила Рожена. – С нами почти не разговаривал. Да и ни с кем не разговаривал. Ходил угрюмый. А то, бывало, уставится в пустой угол и дрожать начинает. Будто что-то там видит.

– А где он жил? – поинтересовался Глеб.

– Да здесь же, у Дулея Кривого, – ответила Рожена. – Его комната была наверху, окнами на торжок. Он всегда уходил через «черную» дверь, так что мы с ним почти не

встречались.

– Вот как. – Глеб вновь наполнил стаканчики. – Я слышал, что вы сегодня съезжаете, – сказал он. – Где собираетесь остановиться?

Сестры еще больше погрузнели.

– Пока не знаем, – ответила за обеих Рожена. – Платить нам нечем. Может, кто согласится приютить нас в долг. А ты надолго ли в Хлынь?

Глеб пожал плечами.

– Пока не знаю. Дел много, а времени мало. Вот и к вам забежал всего на минутку. – Он залпом выпил свое вино и поставил стаканчик на стол. – Ладно. Рад был вас увидеть.

– Может, останешься? – тихим голосом спросила Божена. – На дворе скоро ночь.

– Мы постелим тебе на лавке, а сами ляжем на пол, – поддержала сестру Рожена. – Оставайся, Глеб. Уверена, Дулей согласится погодить до утра.

Глеб качнул головой:

– Не могу. Дел неупрочот. Лучше я зайду к вам завтра.

Он поднялся с лавки и закинул на плечо сумку. Сестры встали его проводить. У двери Божена спросила тихим, смущенным голосом:

– Глеб, а ты правда придешь завтра?

– Да. Наверное. Если не случится ничего непредвиденного.

– Я буду ждать, – пролепетала Божена, отвела взгляд и слегка покраснела.

Рожена посмотрела на нее насмешливо. Затем перевела взгляд на Глеба и сообщила:

– Эта дура в тебя влюблена.

– Не говори ерунды, – еще больше покраснела Божена. – Просто я... Просто я волнуюсь за тебя, Глеб. В Хлыни нынче неспокойно. А за твою голову обещана награда.

– Ничего, – сказал Глеб и улыбнулся Божене. – Бог не выдаст, свинья не съест. Не скучайте.

Он наклонился и по очереди поцеловал сестер в теплые щеки. Затем повернулся и вышел из комнатки.

4

Достучаться до хозяина постоянного двора оказалось делом непростым. Решив, что в руках проку нет, Глеб саданул по двери сапогом.

– Чего там? – послышался из-за двери хриплый, пьяный голос.

– Дулей, открой дверь! – крикнул в ответ Глеб.

– А это кто стучится?

– Глеб! Глеб Первоход!

– Врешь! – гаркнул в ответ хозяин. – Глеба Первохода прибили князьи дружинники! Ступай прочь, бродяга, пока я тебя не поколотил!

Глеб вновь громыхнул по двери ногой.

– Открой или вышибу дверь!

– Только попробуй! У меня за стеной живут наемные охоронцы! Кликну их, они тебе враз наваляют!

Время переговоров истекло. Глеб отошел на пару шагов от двери, затем разогнался и ударил в дверь плечом. Легкий засов вылетел из старых, давно нуждавшихся в замене досок.

Распахнув дверь, Глеб увернулся от брошенного ему в голову глиняного кувшина, шагнул вперед и легонько врезал хозяину кулаком в челюсть, чтобы привести его в чувство.

Дулей грохнулся на лавку и удивленно заморгал.

– Первоход! – дрогнувшим голосом прохрипел он.

Хозяин постоянного двора был невысок, но кряжист и пузат и видом своим напоминал бочку. Толстые руки его были волосаты, голова плешива, один глаз выбит, а нос своим видом и цветом напоминал недозревшую сливу.

– Вот это да! – снова выдохнул Дулей. – А я думал, ты в тридевяти царстве.

– Теперь нет. – Глеб пододвинул к себе расписную скамью и сел на нее.
– Да уж вижу. – Дулей усмехнулся. – Ежели про тебя доложат князю... – Он не договорил и облизнул толстые губы. – Зачем ты здесь, Первоход?

– По делу.

– Если тебе нужна комната, я найду. Сегодня как раз одна освобождается.

– Освобождается?

– Угу. – Дулей взял со стола кувшин с брагой, отхлебнул через край и вытер рот рукавом грязной рубахи. – Живут тут две кособокие девки. Денег уж вторую седмицу не платят. Хотел их проезжим по копейке за ночь продавать, да кто ж таких тощих да кривобоких возьмет?

Глеб наклонился вперед, сгреб Дулея за рубаху и приблизил свое лицо к его физиономии.

– Эти девки – сестры моего друга, – глухо проговорил он. – Выгонишь их из дома, пеняй на себя.

Дулей поежился под холодным взглядом Глеба.

– Что ты, Первоход, – примирительно проговорил он, – нешто я не понимаю? Да только за житье платить надо. Ты человек сурьезный, но ведь и я свою правоту имею.

Глеб выпустил Дулея, достал из кармана кошель и ослабил тесьму. Дулей уставился на кошель.

Глеб достал серебряную резанку и швырнул ее на стол.

– Это за сестер Дивляна, – сказал он. – А это... – Глеб вынул еще одну резанку и положил ее рядом с предыдущей. – За разговор.

Дулей посмотрел на деньги и шумно задышал. Затем перевел взгляд на Глеба и спросил подрагивающим от волнения и алчности голосом:

– За какой такой разговор?

– Ходок Дивлян жил в угловой комнате, верно?

Дулей кивнул:

– Ну да.

– В тот день, когда его нашли, ты был тут?

– Тут. Я его и нашел.

– Расскажи мне об этом.

– А чего тут рассказывать? Сидел я у себя в комнате, бражничал. Вдруг слышу – крик. Ну, думаю, неужто ходок напился? А время уж позднее, постояльцы спят. Вот я и отправился к Дивлян, чтобы заткнуть ему рот. Пришел, а он уже мертв.

– Что было потом?

– Потом? Да то же, что и всегда. Я послал холопа за княжьими охоронцами. А следом за ними пришел и дознаватель.

– Который из дознавателей?

– Замята.

Глеб задумчиво потер пальцами щеку и спросил:

– Дивлян жил один?

– Ну да. А что?

– К нему кто-нибудь заживал?

Хозяин постоялого двора криво усмехнулся.

– Какое там. Даже сестры к нему не совались. Иногда он передавал им пряники да баранки через моего мальчонку. И раз в неделю вносил плату за их постой.

Глеб обдумал его слова и протянул руку.

– Дай мне ключ от комнаты Дивляна.

– Зачем? – насторожился Дулей.

– Хочу осмотреться.

Несколько секунд хозяин постоялого двора пялился на ладонь Глеба, затем вдруг побагровел, выпятил грудь колесом и сверкнул глазом.

– Чего это ты тут раскомандовался, ходок?! – хрипло гаркнул он. – Я тебе не слуга, а ты мне не хозяин!

Глеб вздохнул. Дело осложнилось.

– Дулей, – терпеливо проговорил он, – ты уже крив, не вынуждай меня выбивать тебе второй глаз. Я просто хочу...

Хозяин постоянного двора метнулся к лавке, схватил лежащий на ней меч и выставил его перед собой.

– А как тебе это? – ощерился он на Глеба. – Иди отведай! Понравится, дам еще!

– Меч? – Глеб усмехнулся. – И давно ты им в последний раз махал?

– Давно али недавно, какая разница? Рука у меня крепка, а твоя голова к шее не гвоздями прибита! Махну мечом, да и срежу под корень!

Глеб положил руку на приклад ольстры, торчащий из жесткой кожаной кобуры, и пристально посмотрел на хозяина постоянного двора.

– Не связывайся со мной, Дулей, – негромко, но твердо проговорил он. – Ты был хорошим ратником, но времена те давно прошли. Опустить меч и дай мне ключ от комнаты Дивляна. Не вынуждай меня применять силу.

Дулей опасливо покосился на ольстру, хотя и не верил до конца, что Глеб решится стрелять.

– Ладно, – неохотно проговорил он. – Твоя взяла. – Дулей опустил меч и швырнул его на лавку. – Не так уж ты и силен. Кабы не огнестрельный посох, скрутил бы я тебя и запер в кладовке.

Пройдя к деревянному щиту, прибитому к стене и утыканному гвоздями, Дулей снял с одного из гвоздей ключ и швырнул Глебу.

– Держи!

Глеб поймал ключ, повернулся к двери и вышел из комнаты.

Выждав немного, Дулей встал с лавки, просеменил к двери, открыл ее и выглянул в коридор, дабы убедиться, что Первоход ушел. Затем плотно прикрыл дверь, подошел к стене, сдвинул в сторону кусок грубой рогожи, открыв черную дыру, и крикнул в эту дыру:

– Лочок! Лочок, сучий сын!

– Чего, дяденька Дулей? – гулко откликнулся из дыры мальчишечий голос.

– Живо беги за княжьими охоронцами! Скажи – Первоход здесь!

– Хорошо, дяденька Дулей!

Дулей отпрянул от дыры и занавесил ее куском рогожи. Посмотрел на дверь злым взглядом и пробормотал:

– Хотел бы я посмотреть, как ты будешь храбриться, когда тебя растянут на дыбе.

5

Обшарпанная, бедно обставленная комната. Старенькая, закопченная до черноты печь в углу. Исцарапанная, изгаженная пятнами столешница. Деревянная кровать с тощим соломенным тюфяком. У маленького окна, затянутого потемневшей слюдяшкой, старый сундук.

Глеб откинул крышку сундука и заглянул внутрь. Несколько пустых берестяных туесков и больше ничего.

Глеб достал из кармана коробку с бутовыми самокрутками, вынул одну и сунул в обветренные губы. Щелкнул зажигалкой, выпустил дым и еще раз огляделся.

– Что же с тобой произошло, Дивлян? – проговорил Глеб задумчиво. – Не верю, что ты просто так взял да и помер. А если тебя убили, то за что? – Глеб выпустил облако дыма, посмотрел, как расплывается оно под потолком, и прищурил глаза. – Может, ты что-то скрывал?

Он снова огляделся. Да, комнатка была бедная. И никаких признаков того, что здесь недавно жил живой человек.

Уровень потребностей Дивляна был ненамного выше, чем у дворовой собаки. Но ведь во всем виновата нужда.

Глеб снова тщательно обыскал комнату, разглядывая вещи Дивляна и пытаясь представить себе его жизнь. Представить и понять, что в ней могло привести парня к гибели, да еще такой ужасной.

Но как Глеб ни старался, он не нашел ни одного подходящего места для тайника, и не было даже ни малейших намеков, что Дивлян пробовал что-то прятать.

Остановившись посреди комнаты, Глеб закурил самокрутку и тихо проговорил:

– Давай, Дивлян. Покажи: что это было? За что тебя прикончили? Ты что-то спрятал или что-то видел?

Выпустил облачко сизого дыма, Глеб по привычке проследил взглядом, как расплывается оно в воздухе, и вдруг прищурил глаза. Под самым потолком Глеб увидел слегка отошедшую от стены доску.

Глеб поспешно пододвинул к стене лавку, забрался на нее и без труда отодрал выпятившуюся доску. Затем достал зажигалку и выщелкнул язычок пламени.

Огонь осветил деревянную, запыленную полку, но полка эта была пуста. Глеб вгляделся внимательней и увидел, что в одном месте пыли не было. Прежде там явно что-то стояло. Предмет был небольшим – глиняная крынка или берестяная шкатулка.

– Так-так, – прищурился Глеб. – Значит, что-то ты все-таки прятал. И где же это теперь?

Глеб провел ладонью по полке, быстро простучал стены, однако больше ничего интересного не обнаружил и спустился с лавки на пол.

– Подытожим, – сказал сам себе Глеб. – Либо вещь, которую Дивлян прятал, унес тот, кто его убил. Либо... – По лицу Глеба пробежала тень. – Чертовы дознаватели! – хрипло выругался он.

Покидая двор Дулея, Глеб услышал стук копыт. Перемахнув через забор, он не ушел, а присел и заглянул в щель между досками.

Во двор въехали три всадника в бронях и суконных плащах. На головах у них поблескивали шеломы, о бедра бились украшенные серебром ножны.

Это были княжьи охоронцы.

– Где он? – грубо спросил рыжебородый десятник.

Дулей почтительно склонил голову, ощерил рот в подобострастной улыбке и проговорил:

– Убег. Опоздали вы, господа охоронцы. Не обессудьте.

– Не обессудьте? – Ратник сдвинул густые брови. – Знаешь ли ты, что за ложный вызов должен заплатить виру?

– Не обессудь, – снова пролепетал хозяин постоянного двора.

Десятник оглядел двор цепким, внимательным взглядом.

– Крепкое у тебя хозяйство, Дулей, – похвалил он. – Домище из цельных дубовых бревен. А каков частокол! В четыре локтя, не меньше. Не у каждого князя частокол так же высок и крепок, как твой. Немалое богатство ты стяжал, Дулей.

Хозяин двора поклонился и робко пробормотал:

– Все трудами, господин десятник. Трудами и молитвами. – Дулей выпрямился и слащаво проговорил: – Не изволите ли перекусить с дороги?

При этих словах угрюмое выражение покинуло лица ратников.

– А что у тебя есть? – заметно оживившись, поинтересовался рыжий десятник.

Хозяин двора сдавленно улыбнулся.

– Э-э... Свинка с мочеными грибочками. А к ним – пиво.

– Пиво кто варил?

– Моя сватья.

– Это Гудониха, что ли?

Дулей улыбнулся и кивнул:

– Она.
 Лицо десятника просветлело.
 – Что ж, пожалуй, перекусим. Но сперва дело разрешим. За ложный вызов должен ты нам серебряный дирхем или денарий.
 Единственный глаз Дулея Кривого вылез из орбиты, а бровь изумленно приподнялась.
 – Кормилец, что ты! Нету у меня дирхемов! Перуном клянусь, нету!
 – Нету, говоришь?
 – Нету!
 Десятник нахмурился:
 – Плохо. Ну, ничего. Мы возьмем, что глянется.
 Рыжеволосый десятник махнул рукой – двое его спутников спешили и, сунув за пояс рукавицы, молча зашагали к амбару. Холопы Дулея Кривого, переминающиеся возле амбара, при их приближении разбежались в стороны.
 Дулей запричитал что-то о трудных временах, о высоких ценах на припасы, но десятник его не слушал и не перебивал. Он ждал возвращения своих людей, и вскоре они вернулись, таща большой мешок с зерном.
 – Ну, вот, – удовлетворенно кивнул десятник. – Это и будет твоя вира. А теперь можно и свинки твоей отведать. Да, и прикажи своей челяди накормить наших коней. Идемте в дом, братцы! Мешок пока положите под навес – его никто не тронет!
 Десятник первым двинулся к дому. Ратники, аккуратно положив мешок с зерном под навес и сверкнув на Дулея свирепыми взглядами, заспешили за своим начальником.
 Дулей подождал, пока охоронцы зайдут в дом, затем воздел руки к небу и взмолился:
 – Боги Перун и Велес, пошто вы меня так наказываете?
 – Это потому что ты предатель и прохвост, – сказал из-за забора Глеб.
 Дулей отскочил от забора и изумленно уставился на доски.
 – Пе... Первоход? Ты, что ли?
 – Я. И не вздумай бежать к дому или орать. Ты у меня на прицеле. Значит, ты рассказал обо мне княжьим охоронцам.
 – Я не хотел. Первоход, смилуйся. Меня заставили!
 – Тише, не вопи, – грубо осадил его Глеб. – Знай, Дулей, что теперь у меня на тебя зуб. Выслужишься, прощу. Не послужишься, убью. Казню самой лютой смертью. Свяжу по рукам и ногам, отвезу в Гиблое место и брошу там на съеденье нечисти.
 Угроза была столь страшна, что Дулей затрясся.
 – Пе... Первоход, – вновь стал заикаться хозяин двора. – Не казни... Все, что прикажешь, для тебя сделаю.
 – Хочешь выслужиться? – Глеб хмыкнул. – Здравая мысль. Я подумаю, как тебя использовать. А пока – ступай в дом и про меня помалкивай. Знай, в твоём доме есть холоп, которого я подкупил. Он мне все про тебя рассказывает.
 – Холоп? – Дулей растерянно моргнул. – А который?
 Глеб усмехнулся:
 – Ты, я вижу, совсем от браги и березовицы ословел. Ступай в дом и веди себя хорошо. Иначе сделаю из тебя упыря, а потом сам же вырву тебе сердце. Все, иди!
 Дулей будто только и ждал этого приказа, он повернулся и на подгибающихся от страха ногах зашагал к дому.
 Глеб перевел дух. Что ж, запугать алчного дурака Дулея оказалось совсем несложно. Нужно было только напомнить ему о Гиблом месте. Угроза подействовала безотказно. Стоит ли удивляться? Для жителя Хлыни нет страшнее беды, чем помереть в Гиблом месте и превратиться в упыря.
 Глеб поднялся с корточек, сунул в рот самокрутку и зашагал по примятому, подтаявшему снежку, доставая на ходу зажигалку.

Княжий дознаватель Замята пил вторые сутки подряд и никак не мог напиться. Порою ему казалось, что он даже хмеля в голове не чувствует.

Был Замята высок, худ, темен и морщинист ликом, как сухое дерево. А нос имел столь длинный, что мог бы запросто облизать его языком.

Сидя у стола в одних подштанниках, он скосил глаза на кровать, где сладко посапывала во сне гулящая девка. Одеяло сползло с ее живота, обнажив срамное, и Замята подумал, что надо бы ее накрыть. Однако вставать с лавки было лень.

Откуда девка взялась, Замята помнил плохо. Помнил лишь, как шел с ней от кружала в обнимку, как светила полная луна и как весело поскрипывал снег у них под валенками.

Как занимался с ней любовью – помнил плохо. Может, и вовсе не занимался?

Замята снова посмотрел на раскинувшуюся на постели девку и прислушался к себе – не откликнется ли в чреслах сладострастная истома? Не откликнулась. Во всем теле была лишь вялость. Значит, заездила его девка до полусмерти, истомила.

Что ж, это хорошо.

Замята зевнул и протянул руку за кувшином с хмельной березовицей, однако промахнулся и ухватил пальцами пустоту. Хмель все же играл в голове.

Тогда Замята решил не рисковать и не лить березовицу в кружку, а потому приложился губами прямо к кувшину. Хмельной напиток прохладной волной побежал по глотке...

Перед глазами у Замяты помутилось и поплыло. Несколько мгновений он глупо таращился на комнату, потом голова его упала в тарелку с недоеденной жареной рыбой, глаза закрылись, а из глотки вырвался прерывистый, нездоровый храп.

И приснилась Замяте река, полная хмельной березовицы. А берега у той реки были сплошь покрыты шелковистой травой, такой мягкой, что, раз улегшись на эту траву, никто бы уж не пожелал встать обратно. А на берегу водили хоровод голые девки! Их полные, сочные груди подпрыгивали в такт движениям! Замята глядел на девок сквозь ветви дерева и чувствовал томление в штанах.

Но вдруг случилось ужасное: одна из разлапистых веток ожила, потянулась к Замяте, ухватила его за шиворот и гаркнула человеческим голосом:

– Проснись, Замята! Проснись, сучий сын!

Неумолимая сила подняла Замяту кверху и хорошенько встряхнула.

Замята открыл осоловелые глаза и увидел перед собой незнакомое лицо. Худощавое, не по-здешнему загорелое, с коротко подстриженной бородой.

– Ты кто? – недоуменно спросил Замята.

– Гость, – ответил незнакомец.

– Чей? – не понял Замята.

– Твой, – последовал ответ.

– Поди прочь, – сказал Замята и снова закрыл глаза.

И снова пришел сон. Сладкий, волнующий – с голыми девками и рекой, полной березовицы. Сон был такой...

Но проклятый гость, кем бы он ни был, не дал Замяте насладиться зрелищем.

– Вставай, говорю! – гаркнул он в самое ухо.

Замята открыл глаза, хрипло вдохнул воздух и недоуменно уставился на незнакомца.

– Ты проснулся или как? – спросил тот.

– Это чего? – изумленно спросил он.

– Кадка с водой, – спокойно ответил незнакомец. – Я макнул тебя туда головой.

– Ты? Меня?

Парень кивнул:

– Да. И буду макать, пока не протрезвешь.

Внезапно Замяту охватил гнев. Вот наглец! Мало того, что приперся в чужой дом и прогнал блаженный сон, так еще и в кадку макает! Ну, мяфа!

Замята сжал кулаки.

– Ах ты, мяфа! – рявкнул он. – Да я тебя...

Замята считался отличным кулачным бойцом, но незнакомец легко увернулся от его крепкого кулака, перехватил руку и завернул ее Замяте за спину.

Замята тихонько взвыл.

– Да ты хоть знаешь, кто я?! – выкрикнул он.

– Знаю, – ответил гость.

– Я княжий дознаватель!

– Я же сказал: знаю.

– Я растяну тебя на дыбе! Сам! Вырву тебе груди калеными щипцами! А после, когда устану рвать, велю всыпать тебе десять плетей с железным охвостком!

– Да ты, брат, еще во хмелю, – с угрюмой насмешливостью проговорил незнакомец. – Ну, ничего, я тебя вылечу.

Он рывком поднял дознавателя на ноги, снова подтащил его к кадке, схватил за волосы и макнул в воду.

Замята вынырнул, вытаращил глаза и отплюнулся.

– Хватит! – взмолился он. – Прошу тебя, хватит!

– Протрезвел? – поинтересовался гость. – Или макнуть еще?

– Протрезвел! Клянусь Велесом, протрезвел!

Незнакомец швырнул Замяту на лавку и кинул ему рушник.

– Утрись.

Замята взял рушник и вытер мокрую рожу. Отложив рушник, он угрюмо посмотрел на незнакомца.

– Хорошо! – прорычал он. – Твоя взяла. Но потому лишь, что я пьян. Был бы я трезв...

Замята наткнулся на твердый, холодный взгляд незнакомца и замолк. Ему и прежде приходилось видеть такие взгляды. И ничего доброго они не предвещали.

На всякий случай Замята решил пока помалкивать. Так сказать, до выяснения. Если человек спокойно входит в горницу к князьему дознавателю и макает его головой в чан с водой, значит, может иметь на то полное право.

Почувствовав холод, Замята снова взял рушник и вытер шею и голую, мокрую, волосатую грудь.

Пока он вытирался, незнакомец достал из кармана берестяную коробку, вынул из нее что-то и сунул в рот. Затем щелкнул огнивом, почмокал губами и выпустил изо рта клуб дыма.

Дым... Дымящийся сучок... Бутовая трава...

Что-то забрезжило на самой изнанке сознания Замяты. Кто-то ему уже про такое рассказывал. Дескать, есть в Хлыни один ходок, который дымит бутовым сучком и... И что?.. Замята сдвинул брови и наморщил лоб... Нет, не вспомнить.

Он тряхнул головой и поднял взгляд на незнакомца.

– Слышь, гость, ты кто ж такой будешь? – глухо и осторожно спросил он.

– Меня зовут Глеб, – спокойно ответил тот. – Глеб Первоход.

– Перво... – Замята оцепенел, во все глаза уставившись на гостя. – Вот лешье вымя! Так ты тот самый Первоход, которого вышвырнули из княжьего града?

Глеб кивнул. Затем усмехнулся и сказал:

– Хорошая, я вижу, по мне осталась память. А про то, что я спас князя Егру и его войск от нелюдей и войска Голяди, ты не слышал?

– Что-то такое говорили... – промямлил Замята, настороженно глядя на то, как сжимаются кулаки гостя. – Да я, признаться, не запомнил. Слаб я памятью, Первоход. Уж не обессудь.

Кулаки гостя разжались, и Замята незаметно перевел дух – слава Сварогу. Гость был явно сильнее, чем выглядел, и при желании мог легко пересчитать Замяте зубы.

– Пока тебя не было в Хлыни, тут многое переменялось, – произнес Замята примирительным голосом.

Первоход кивнул.

– Знаю.

– В Гиблое место никто не ходит, – продолжил Замята. – И твоему договору с князем пришел конец. Ты уже не можешь просто так махать кулаками, Первоход. Если князь дознается, что ты вернулся, тебя схватят и бросят в подземелье. На вечные муки.

– Все сказал? – Первоход прищурил недобрые глаза. – Во-первых, князь ничего не знает. А во-вторых: плевать я хотел на твоего князя.

Глеб сел на лавку, посмотрел на голую девку, храпящую на перине, нахмурился и отвернулся. Затем снова взглянул на Замяту и сказал:

– Мне нужна твоя помощь, дознаватель.

– Помощь? – Замята облизнул губы. – Что ж... Отчего ж не помочь хорошему человеку. Но прежде чем просить меня о помощи, помоги мне сам. Будь добр, подай со стола кувшин.

Первоход взглянул на кувшин и насмешливо поинтересовался:

– А не хватит тебе, дознаватель?

– Не бойся, Первоход, я свою меру знаю.

Глеб покачал головой, взял со стола кувшин и вручил дознавателю.

Замята хлебнул березовицы, подождал, пока она скатится по глотке в живот, и облегченно вздохнул. Жизнь, кажется, налаживалась. Суровый гость явно не собирался убивать его, и даже больше – был заинтересован в дружбе.

Замята приосанился, взглянул на Первохода прямым взглядом и спросил:

– Так о какой помощи ты хотел говорить, Первоход? И как мне за нее отплатишь?

– Отплачу серебром, – сказал гость.

Замята поскреб пальцами волосатую мускулистую грудь и прищурился:

– И чего же ты от меня хочешь?

– Неделю назад в доме Дулея Кривого убили ходока Дивляна. Ты проводил дознание?

– Ну, я, – неохотно ответил Замята и слегка поежился. – Рожа у этого парня была – не приведи Белобог увидеть снова!

– Ты проводил дознание, – повторил Первоход. – Что тебе удалось узнать?

В Замяте вдруг проснулся дух сопротивления. Он скосил глаза на меч, лежащий на лавке в углу горницы, приосанился и с вызовом проговорил:

– А с какой стати я должен тебе рассказывать?

Гость, не говоря ни слова, достал из кармана серебряную резанку, положил ее на стол и швырнул щелчком пальца к Замяте. Замята ловко поймал резанку и сунул ее подхудосочный зад.

– Вообще-то я не должен тебе ничего рассказывать, – сказал он, прищутив глаза. – Но так и быть. Дивлян сидел на полу, у окна. Рожа и тулово у него иссохлись. А глаза такие... – Замята сам вытаращил глаза и передернул плечами. – Будто пред тем, как кончиться, увидел лешего и его лешиху, да от страха и помер!

– Значит, он чего-то испугался?

Замята хмыкнул и угрюмо обронил:

– Испугался? Да не дай Белобог увидеть то, что увидел перед смертью Дивлян.

Глеб потер пальцами щеку.

– Дивлян был ходоком, – задумчиво проговорил он. – А напугать ходока – это надо здорово постараться. Скажи-ка, дознаватель, вещи в комнате были целы?

Замята небрежно махнул рукой:

– Да какие там вещи. Пустой мешок да соломы клочок.

– Все было на местах, ничего не перевернуто и не сломано?

– Да нет... – Замята снова потянулся за кувшином, но гость накрыл кувшин ладонью и сурово проговорил:

– После выпьешь. Говори дальше.

– Да чего говорить-то? – воскликнул с досадой Замята.

– Были там какие-нибудь странности?

Замята усмехнулся:

– Кроме того, что Дивлян весь иссохся?

– Да, кроме этого.

– Ну... Кой-какие были.

Глаза Глеба блеснули:

– Какие?

Замята вздохнул и, поморщившись, проговорил:

– Да рот у твоего Дивляна был весь изгажен.

– Это как? – не понял Глеб.

– Да так. На губах какая-то пакость, навроде черной слизи. А рот и глотка – пропеченные, будто он перед смертью горячих углей наглотался.

– Гм... – Глеб сдвинул брови и побарабанил пальцами по столу. Затем бросил на дознавателя быстрый взгляд из-под насупленных бровей и коротко спросил: – Дивляна не вскрывали?

– Чего? – не понял Замята.

– Живот ему не взрезывали?

Дознаватель недоуменно захлопал глазами.

– Это зачем же?

– Ты сам говорил про горячие угли. Может, его и впрямь пытали?

Замята прищурил глаза:

– Чудной ты, Первоход. Я еще не спятил, чтоб покойников потрошить.

Глеб досадливо поморщился.

– Ладно, забудь. А что насчет ран, синяков и царапин?

– Насчет синяков? – Дознаватель на секунду задумался, потом покачал головой и сказал: – Нет, ничего такого не было.

– Уверен?

– К гадалке не ходи.

Глеб кивнул, похмурил немного лоб, размышляя, и продолжил допрос:

– Ответь мне на другой вопрос: зачем Дивлян ходил в Гиблое место?

Замята пожал плечами:

– Кто ж его знает. Он мне не докладывал.

– Но слухи-то ведь какие-то ходили? Может, купцы в кружале что-нибудь рассказывали?

Лицо Заматы помрачнело.

– Ничего не знаю, – отрезал он. – Пойди да расспроси самого Баву Прибытка.

– А ты сам не спрашивал?

Замята ухмыльнулся.

– Его расспросишь. Мне, слышь, пока жить-то не надоело. У Бавы Прибытка охоронцы – сплошь степняки да горцы. Срежут голову с плеч и прозвище не спросят.

Глеб приподнял от удивления брови.

– Что я слышу? Княжий дознаватель боится людишек купца?

– «Людишек», – с горечью повторил Замята. – Бава своим «людишкам» платит серебром, а не медью. За такой куш дикари будут сражаться, даже если разрубишь их на куски.

– А как же князь допускает?

Замята невесело усмехнулся.

– Не допустишь тут. Князь Егра еще не оправился после войны с Голядью. Казна пуста, и расти ей не с чего – бурую пыль в Гиблом месте больше не добывают. Дружинники на князя косятся, за спиной его шепчутся. Того гляди, Бава их всех с потрохами купит и себе служить заставит.

– Но ведь у Бавы, я слышал, тоже дела идут неважно.

– Ну, это как сказать. Секрет водки, что ты ему продал, он по-прежнему при себе

держит. Да и срамные дома прибыль дают. – Замята покачал головой: – Не-ет, Бава – купец тертый, его так просто не спихнешь.

Глеб долго молчал, то ли обдумывая слова Замяты, то ли о чем-то размышляя. Замята подождал-подождал, да и изрек:

– Хочешь знать, что я думаю? Отравился твой Дивлян. Гадости какой-то наглотался и весь на понос изошел. Потому и выглядел так.

Глеб покосился на дознавателя, но ничего не сказал.

– Ты уж мне поверь, – продолжил с самодовольной ухмылкой Замята. – Я в этом деле собаку съел.

– Может, и съел, – задумчиво проговорил Глеб. – Но мнится мне, что тут было зверье другой породы.

Воспользовавшись задумчивостью гостя, Замята сгреб со стола кувшин и хорошенько к нему приложился. Затем вытер мокрый рот костлявыми пальцами и посоветовал:

– Не забивай себе голову, Первоход. У тебя и без Дивляна проблем много. Слушай-ка, а правду говорят, что ты упырей и оборотней голыми руками ловил?

Глеб, все еще о чем-то размышляя, покачал головой.

– Нет. Упыри и оборотни – не свора бродячих шавок, их голыми руками не поймаешь.

– А что двуглавого пса Драглака в поединке одолел?

Глеб кивнул:

– Это было.

Замята улыбнулся, внезапно почувствовал к гостю симпатию.

– Знатным ты был ходоком, Первоход, – сказал он. – Жаль, что теперь в Гиблое место никто не ходит. Купцы сказывали, что Бава Прибыток сталкивал темных тварей лбами и брал за сие зрелище звонкую монету. Вот бы посмотреть!

– А ты не видел?

Замята покачал головой:

– Нет. Я в Хлынь как раз после тумана приехал. Ходоки уже в Гиблое место не хаживали и нечисть не ловили. – Дознаватель вздохнул: – Они и теперь туда носа не суют. Говорят, после тумана Гиблое место не то, что прежде, и нечисть там иная. И откуда он только взялся, этот туман?

Глеб откинул с лица прядь волос и сказал, глядя дознавателю в глаза:

– А теперь давай поговорим о том, что ты нашел в комнате Дивляна.

– Что? – Замята прищурился. – О чем ты?

– О том, что Дивлян хранил в стене. Под самым потолком.

Лицо дознавателя дернулось, словно по нему пробежала судорога.

– Дурак ты, Первоход, – в сердцах проговорил он. – Нешто ты думаешь, что я тут главный?

– А кто главный?

– Дед Пихто! И резанки те, что Дивлян в стену спрятал, я не себе присвоил!

Глеб прищурил темные глаза:

– Так там были серебряные резанки?

– А ты думал – золотые солиды? – По губам Замяты скользнула горестная усмешка. – Кабы в кувшине было золото, я бы тут с тобой не сидел. И вообще бы нигде не сидел. Ради такого богатства и дознавателю свернут шею.

– Неужто твой начальник так суров и жаден?

Замята нахмурился и процедил сквозь зубы:

– Следи за тем, что говоришь, ходок.

Несколько секунд они глядели друг другу в глаза, затем Глеб кивнул и сказал примирительным голосом:

– Хорошо. Я забуду про резанки. Но скажи хоть, сколько их там было?

Замята отвел взгляд и ответил:

– Много. Почти четверть пуда.

Глеб присвистнул:
– Ого! Откуда ж у Дивляна такие деньжищи?
– Не знаю. Но честным трудом такого богатства за всю жизнь не заработаешь.
– А чем Дивлян зарабатывал себе на жизнь?
– Работал на пристани. Выгружал товар с ладей.
– Это одной-то рукой? Не смеши меня.
– Я и не пытаюсь. Дивлян был однорук, но ухватист. Да и жалели его купцы. Все знали про его сестер.
Глеб прищурил темные глаза и усмехнулся.
– Никогда прежде не видел жалостливого купца. Под чьим началом он работал?
– Под началом приказчика Перипяты.
– Как мне его узнать?
– Узнаешь сразу. Как только увидишь горбуна, иди к нему. Это и будет приказчик Перипята.
Первоход поднялся с лавки.
– Не говори никому, что я в городе, – глухо сказал он. – Пока молчишь, буду приносить тебе каждые три дня по серебряному дирхему.
Замята ухмыльнулся.
– Смотри не опоздай. Новая княжья мучительница Ядвига будет рада поджарить тебе хвост. Видел бы ты, как эта баба управляется с дыбой – любо-дорого посмотреть!
– Не слишком-то веселись, – посоветовал Глеб глухим, рокочущим голосом, от которого по коже Заматы прошел мороз. – И завязывай с выпивкой.
– Чего это? – удивленно отозвался дознаватель.
– Во хмелю ты слишком болтлив. А это опасно. Бывай!
Глеб повернулся и вышел из комнаты.

7

Солнце закатилось за горизонт, отдавая город ранним сумеркам. А на пристани все еще кипела работа.
– Эй, дядька Елдын! – задорно прокричал молодой голос. – Дашь свою Елдыниху за титьку подержать?
– Я бы дал, да куда тебе! – ответил пожилой. – Мал, как сверчок!
– Уж ты большой. Пудовик!
Мужики захохотали, но кто-то грубо прикрикнул на них, и хохот смолк.
Глеб вынул изо рта окурок бутовой сигареты и щелчком пальца запустил его в черную воду реки.
– Эй, друг! – окликнули его сзади. – Ты чего тут позабыл?
Глеб обернулся и увидел огромного мужика, шагающего к нему по черному, подтаявшему снежку.
– Мне бы повидать приказчика Перипяту, – сказал Глеб. – Он здесь?
– Перипяту? – Мужик остановился и спокойно и неторопливо оглядел Глеба с ног до головы: – А на кой тебе наш Перипята?
Глеб дружелюбно улыбнулся:
– Хочу испросить работу.
– Для кого?
– Для себя.
Верзила осклабился и покачал головой.
– Не похож ты на грузчика, паря. Ты ведь охотник-промысловик?
– А ты как догадался?
– Вашего брата сразу видать. Даже когда оружия не носите. Вы на человека смотрите, будто из лука целитесь или обдумываете, как бы его к капкану и ловушке вернее подогнать.

Глеб засмеялся:

– Раскусил ты меня, брат! Только нынче и у промысловиков нелегкое житье. Хоть зубы на полку клади.

– Да уж, – усмехнулся грузчик. – От хорошего житья жилы надрывать не станешь. Тем паче – на пристани. Нет тяжелей работы, чем здесь.

– Но платят-то хоть хорошо?

– Хорошо, – согласился детина. – Но мало.

Глеб усмехнулся, покивал. Затем сказал:

– Знаешь, у меня тут дружок работал. Может, слышал – Дивляном звался.

– Дивляном? – Детина прищурил раскосые глаза. – Знал я одного Дивляна. Но уж лучше бы не знал.

– Отчего же так?

Верзила открыл рот, чтобы ответить, но тут из-за коробов вышел горбатый мужик в затасканном шушуне и с длинными, словно у паука, ручищами.

– Квасура, сучий сын! – гаркнул он. – А ты какого лешего тут лясы точишь? А ну, топай к сходням!

– Охолони, Перипята, – басовито парировал детина. – Тут вон про тебя спрашивают.

Горбун повернул массивную голову и воззрился на Глеба.

– Это ты, что ли, про меня спрашиваешь? – грубо спросил он.

– Я, – ответил Глеб.

– И зачем я тебе понадобился?

– Разговор есть.

Горбун прищурился:

– Какой еще разговор?

– Интимный. С глазу на глаз.

Приказчик сверкнул на детину глазами.

– А ты чего уши развесил? Топай немедленно к сходням или оставлю без хлеба!

Детина пробурчал что-то себе под нос, развернулся и неохотно побрел к деревянным сходням, по которым сновали туда-сюда с мешками и деревянными коробами на спинах мужики-грузчики.

Горбун снова взглянул на Глеба. Взгляд у него был тяжелый и недобрый, а сами глаза сидели так глубоко, что их было почти не видеть под нависшими мохнатыми бровями.

– Ну? – грубо спросил приказчик. – И чего тебе от меня надо?

Глеб окинул приказчика быстрым, внимательным взглядом и ответил:

– Поговорить.

– Ну, говори.

– Под твоим началом работал мой друг. Звался Дивляном. Грузы таскал одной рукой, потому что другой не было, а две седмицы назад взял да и помер.

Приказчик посмотрел на Глеба недоверчивым взглядом.

– Так говоришь, Дивлян помер?

Глеб кивнул:

– Угу.

Приказчик Перипята поскреб пятерней в затылке и рассеянно проговорил:

– Вот те на.

– А ты не знал?

Голова горбуна качнулась.

– Нет. Отчего ж он помер?

Глеб прищурил глаза и ответил:

– От смерти.

Перипята усмехнулся, смерил Глеба недобрый взглядом и сказал:

– А ты, я вижу, шутник. Но у меня нет времени на шутки. Так что, если ты пришел, чтобы...

– Вот. – Глеб протянул приказчику серебряную резанку. – Это тебе. Теперь ты знаешь, как дорого я ценю твое время и твои слова.

Приказчик взял резанку, неуверенно на нее посмотрел, затем перевел взгляд на Глеба и заявил:

– Да ты богач.

– Не бедняк, это точно, – отозвался Глеб. – А теперь мы поговорим. Сколько Дивлян у тебя зарабатывал?

– По полмедяка в день. Но работал он лишь по два дня в седмицу.

– Почему так мало?

Горбун усмехнулся:

– «Мало». Я и эти-то два дня кое-как для него выпросил. Он ведь безрукий калека. Кому такой нужен?

Глеб прищурил темные глаза и спросил:

– И как он работал?

– Упорно. Брал мешки да коробки и тащил, куда прикажут. Крепкий был парень, да одной рукой работать несподручно. Бывало, что и в воду коробки ронял.

– Он тут с кем-нибудь дружил?

Приказчик покачал головой:

– Нет. Угрюм был и неразговорчив. С такими никто не дружит.

– Значит, держался особняком?

– Точно, – кивнул Перипята. Он сдвинул косматые, паучьи брови и протянул резанку Глебу. – Держи свое серебро, парень. Сам видишь: мне нечего тебе рассказать.

– Погоди возвращать, – остановил его Глеб. – Лучше напряги память. С мужчинами Дивлян не дружил, это я понял. А как насчет девок? Девка-то у него была?

Приказчик задумчиво наморщил лоб.

– Девка?.. Гм... А ведь ты прав. Была у него девка.

– Кто такая? – быстро спросил Глеб.

– Да у нас в учетном доме работала. Тут же – на пристани.

– И чем она тут занималась?

– Учет грузам вела.

– Это как?

– Просто. Кресты и палки на учетных досках нацарапывала.

– Она сейчас здесь?

Приказчик покачал головой:

– Нет. С утра не вышла на работу. Видать, ушла в загул.

– Стало быть, она гулящая?

Перипята усмехнулся, стрельнув на Глеба паучьими глазками.

– Стало быть, так.

– Гм... И что же, никто не беспокоился ее отсутствием? Никто за ней не ходил?

– А чего за ней ходить? Нынче времена тяжелые, люди за работу зубами держатся. Не хочет – не надо. Молчан, это наш набольший, еще в полдень ей замену нашел и богам чашу молока в дар отдал. Истомила она его совсем.

– Чем же?

Приказчик ухмыльнулся и объяснил:

– Девка красивая, но шальная и болтливая. Молчан раз пять ее выгнать собирался, да где там. Придет она к нему, посмотрит своими глазищами, проворкует сладким голосом ласковые словечки, у Молчана руки и опускаются. Но теперь все. Даже если назад вернется, место ее уже занято.

– Ясное дело, – кивнул Глеб. – Скажи-ка, ты знаешь, где она живет?

– Под Скуфьей горой.

– Одна?

– С теткой. Если пойдешь к ней, передай, чтобы носа сюда больше не казала. Сунется,

своими клешнями нос ей отстригу. Ладно, заболтался я тут с тобой. Резанку-то свою обратно возьмешь?

– Нет. Она твоя.

– Ну, как знаешь.

Приказчик повернулся и зашагал к сходням.

– Эй, Перипята! – окликнул его Глеб. – А зовут-то ее как?

Горбун обернулся.

– Кого?

– Вашу учетчицу.

– Зовут? Да по-разному. Кто Веданой, а кто Веданкой. А есть такие, что Ведушкой. Только смотри, парень, не поведись на ее чары. Удачи!

И снежок снова заскрипел под башмаками горбатого приказчика.

8

На столе, подрагивая, горела свеча. В печи уютно трещали сосновые поленья. В носу у Веданы защекотало. Она чихнула и высморкалась в измятый платок.

– Ох, тетя Ирица, – горестно проговорила она болезненным голосом, – и худо же мне.

Ведана сидела в постели, подложив под спину подушку и натянув одеяло до пояса. Одета она была в белую рубашку из тонкой ткани, подаренную ей одним из богатых ухажеров.

– Тетка Ирица! – снова окликнула Ведана.

– Чего тебе, деточка, – отозвалась старушка, не отводя глаз от мелькающих в ее морщинистых пальцах вязальных спиц.

– А твой муж, дядька Пакомил, был хороший?

– Да, деточка. Хороший.

– Ты его любила?

– Было время, что любила. А потом привыкла. Да и какая уж любовь в наши-то годы.

Ведана усмехнулась и опять чихнула. Высморкалась в платок и заговорила снова:

– А ты скучаешь по нему?

– По кому? – не поняла старушка.

– По дядьке Пакомилу.

– А то как же. – Тетка Ирица вздохнула и поправила на голове платок. – Много я от него дурного видела, но и хорошее было.

– Сегодня девять дней, как он помер, – сказала Ведана. – А мне одна товарка с пристани говорила, что на девятый день покойники приходят проститься с родными. Только мы их не видим. Как думаешь, правда?

– Кто ж его знает. Может, и приходят. Нам то неизвестно.

Ветер за окном усилился. Ведана посмотрела на темное окно и непроизвольно натянула одеяло до подбородка.

– Я бы не хотела, чтобы дядька Пакомил пришел к нам, – тихо сказала она. – Не люблю мертвых.

Тетка Ирица спустила со спиц несколько петель и принялась заново вязать рядок.

– Дядька Пакомил был добрый мужик, – сказала она. – Беспутный, но добрый. Он за всю жизнь никому не сделал зла.

– Это пока он был живой, – возразила Ведана. – Но кто знает, каким он стал после смерти.

Тетка вздохнула.

– Болтаешь ты много, милая, – тихо проговорила она.

– Болтаю? А вот и нет. Да и не был он добрым. Порой так на меня смотрел, что мне не по себе делалось.

– О чем это ты? – не отрывая взгляда от спиц, спросила тетка Ирица.

– О чем, о чем, – проворчала Ведана, нахмурившись. – А то сама не знаешь. Мужики не могут на меня просто так смотреть. Вот и дядька Пакомил не мог.

– Болтаешь ты много, – снова повторила тетка Ирица равнодушным голосом.

– А вот и нет! Один раз, когда пьяный из кружала вернулся, встал у моего окна, постучал камушком и позвал тихим голосом: «Ведана, отомкни мне дверцу».

– А ты чего?

– Я? Да ничего. Сказала ему, чтобы шел спать, а то тебя кликну. Он вздохнул и ушел.

– И все?

– И все.

Тетка Ирица принялась за новый рядок, а Ведана уставилась на темный квадратик окна.

– А если он сейчас смотрит на нас в окно? – сказала она вдруг.

– Кто? – снова не поняла тетка Ирица.

– Да твой муж, дядька Пакомил.

Тетка Ирица оторвала взгляд от вязания и взглянула на окно. На какое-то мгновение ей и впрямь показалось, что чье-то бледное, темноглазое лицо приникло к окошку и тут же снова отпрянуло, растворившись в темных сумерках.

Старуха невольно прочертила в воздухе пальцем маленький охоронный знак.

– Ох, девка, – вздохнула она, – запугала ты меня совсем своей болтовней. Недоброе мерещится. Ты спи. Хорошо поспишь, завтра здоровой проснешься. Спи, а я еще немного подле тебя посижу.

Во дворе на кого-то залаяла собака. И вдруг лай оборвался, и снова наступила тишина.

– Что это там был за шум? – спросила Ведана тревожным голосом.

– Не знаю, – отозвалась старуха. – Брешет пес, а на кого – сам не знает. Ты спи, спи.

Ведана еще немного посидела, думая о своем, потом зевнула и улеглась поудобнее. Ей показалось, что она продремала всего миг, но когда она вновь открыла глаза, тетки Ирицы рядом не было. Вязание ее лежало на комод.

– Тетка Ирица! – позвала Ведана.

Ответа не последовало. Лишь ветер гудел в оконных щелях. И вдруг что-то тихо цокнуло. Ведана вздрогнула и уставилась на окно.

– Ведана... – позвал чей-то тихий, скрипучий голос.

– Что? – Девка сжала в пальцах край одеяла и испуганно спросила: – Кто это меня зовет?

– Отомкни... – вновь проскрипел голос. – Отомкни мне дверь...

Ведана задрожала и зажмурила глаза.

– Это просто ветер, – хрипло прошептала она. – Матушка обережица, спаси твою непутевую дочку, отведи темный сглаз да дурной навет.

Она открыла глаза и уставилась на окно. Все было тихо и покойно, никаких теней, никаких шорохов. Постепенно Ведана успокоилась.

– Померещится же, – с легкой досадой прошептала она.

За шторкой, отделяющей угол Веданы от горницы, тихонько скрипнула дверь. Ведана улыбнулась и позвала:

– Тетка Ирица, это ты?

Но никто не отозвался. Ведана нахмурилась. Ей снова стало не по себе. Почти не сознавая, что делает, девка протянула руку к комоду и взяла ножик, которым днем лущила орехи.

Вдруг по комнате прошелестел холодный сквозняк, и свеча, горящая на столе, потухла. Комната погрузилась во мрак.

– Тетка Ирица, – дрогнувшим голосом позвала Ведана.

Во мраке колыхнулась занавеска, и чьи-то тихие, почти неслышные шаги зашаркали по полу.

Ведана закричала. Однако с губ ее не сорвалось ни звука, крик рванулся обратно и канул во тьме ее души, словно камень в глубоком, бездонном колодце.

Дрожа всем телом, Ведана протянула руку к столу и нашарила бронзовое огниво, подаренное одним смазливym купчиком. Попыталась выщелкнуть огонь. С первого раза у нее не получилось. Со второго между пластинами пробежала искра, и крохотный пучок сухого сена, воткнутый в щель огнива, полыхнул огнем.

Ведана зажгла свечу и положила огниво на стол. Затем повернулась к шторке, ожидая увидеть перед собой тетку Ирицу, и – окаменела.

Тетка Ирица и впрямь стояла у ее кровати. Голая, простоволосая, бледная, с обвислыми, морщинистыми грудями и испачканным грязью ртом. Все ее тело было покрыто сгустками черной жидковатой грязи, будто она только что выбралась из выгребной ямы.

Но то, что стояло рядом с теткой Ирицей, было во сто крат страшнее. Это был высокий, худой старик, одетый в сермяжный кафтан, сутулый, с бледными губами и недобрым взглядом.

– Дядька Пакомил... – выдохнула Ведана севшим от ужаса голосом.

При звуках своего имени старик вздрогнул, будто вышел из сна, медленно поднял взгляд и уставился на Ведану. Губы его медленно расползлись в улыбку.

– Ведана... – проговорил он странным, сиплым голосом.

Ужас перехватил Ведане горло. Она судорожно махнула ножиком, но мертвец поймал ее запястье и сжал его холодными пальцами. Чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди, Ведана отвернулась, чтобы не видеть мертвеца, но он схватил ее ледяными пальцами за подбородок и стал медленно и неумолимо поворачивать ее голову к себе, чтобы Ведана взглянула в его мертвое, темное лицо.

Черное облако вытекло у него изо рта и, извиваясь, как червь, устремилось к Ведане.

9

Сумерки сгустились. Небо потемнело, а воздух стал синим и словно подернулся полупрозрачной дымкой.

Во дворе ветхой избы, у тлеющего костерка, сидела на бревне баба и грела над огнем руки. Баба была так густо замотана и закутана в тряпки и телогрейки, что понять, толста она или худа, не было никакой возможности. Лица ее тоже было не видать из-за надвинутого на глаза платка. Намотанная на шею тряпка скрывала ее подбородок и нос.

Баба явно замерзла, даже на расстоянии Глеб почувствовал, как дрожит под телогрейками и тряпками ее озябшее тело.

– Эй, мать! – негромко окликнул ее Глеб. – Тут ли Ведана живет?

Баба подняла взгляд на Глеба, оглядела его с ног до головы и ответила старческим, но странным, скрипучим голосом:

– Тут. А ты кто ж будешь? Ухажер?

– Что-то вроде этого, – усмехнулся Глеб. – Дома она сейчас?

– Не знаю. Давно ее не видела. А ты взойди на крыльцо да постучи. Может, и откроет.

Глеб взойшел на крыльцо, остановился у двери и прислушался. На душе у него отчего-то было тревожно.

– Чего встал-то? – басовито окликнула баба. – Иди к своей зазнобе, ходок.

Глеб поднял руку для стука, но вдруг замер. Обернулся к старухе и спросил:

– А ты откуда знаешь, что я ходок?

Несколько секунд старуха сидела молча, потом вдруг вскочила с бревна и опрометью бросилась к забору. Мгновение Глеб думал, что делать – кинуться за ней вдогонку или войти в дом.

Этого мгновения странной бабе хватило, чтобы добежать до забора и ловко перемахнуть через него.

Когда Глеб подбежал к забору и выглянул наружу, улица уже была пуста. Глеб нахмурился. Что за странная старуха? Вероятно, переодетый княжий доносчик. Их теперь, поговаривают, в городе больше, чем торговцев.

– Что же тут происходит? – тихо пробормотал Глеб, поежившись от неприятного предчувствия.

Он взглянул на избу. Изба стояла как стояла, света в окнах не было, из трубы тоненькой струйкой вился дымок.

Ладно, черт с ней, с этой старухой.

Взойдя на крыльцо, Глеб переложил берестяной факелок, купленный полчаса назад на торжке, в левую руку, а правой осторожно постучал в дверь. Потом негромко окликнул:

– Ведана!

Никто не отозвался.

Глеб снова постучал – на этот раз громче и снова позвал:

– Ведана, открой! Открой, я от Дивляна!

Но и на этот раз ответа не последовало. Тогда Глеб отошел на шаг от двери и с размаху ударил по ней ногой. Дубовый засов вылетел, и ветхая дверь распахнулась.

Глеб шагнул внутрь избы. В лицо ему тут же пахнуло странным запахом.

– Ведана! – снова окликнул он. – Не бойся! Я пришел, чтобы поговорить о Дивляне!

Ответа не последовало. Глеб достал из кармана зажигалку и запалил факел. Яркий язык пламени осветил крохотные сени. Глеб миновал сени, вошел в горницу и остановился на пороге.

На полу валялась сорванная с веревки занавеска. За занавеской стояла кровать. Ведана лежала на кровати лицом кверху, раскинув руки и ноги. Тело ее, одетое в белую ночную рубашку, высохло так, что напоминало завернутые в желтоватый пергамент кости. Одеяло было откинута, а подол рубашки задран девке до пояса.

Но страшнее всего было лицо. Щеки запали, нос заострился, а глаза вывалились из орбит. Эти распахнутые глаза смотрели на Глеба с таким невыразимым ужасом, что по спине его пробежала ледяная волна, и он обернулся, опасаясь, что тайный враг – кем бы он ни был – стоит у него за спиной.

Однако сзади никого не было.

Глеб вновь повернулся к девке, поборол приступ тошноты и шагнул к кровати, чтобы разглядеть тело внимательнее. Он хотел зажать нос, но понял, что это не понадобится. Несмотря на ужасный вид, тело Веданы не смердело. От него исходил запах сухих трав, и Глебу этот запах показался странно и жутковато знакомым.

Он склонился над Веданой и осветил ее лицо. Губы девки были вымазаны какой-то черной дрянью, похожей на слизь.

Глеб протянул руку к ее рту и осторожно раздвинул губы. Зубы Веданы покрывал бурый налет, десны почернели и выглядели так, словно обуглились.

Запах сухой травы, исходивший от высохшего тела, вблизи казался еще гуще и насыщенней. И вдруг сердце Глеба судорожно дернулось в груди, а кулаки сжались сами собой – он узнал этот запах. Это был запах Гиблого места.

Немного поразмыслив, Глеб решил осмотреть дом, пока за окном не стемнело. А решив – тут же взялся за дело.

Однако обыск ничего не дал. Переворотив всю избу, Глеб не нашел ни тайников, ни кубышек с серебром.

Перед тем как уйти, Глеб снова подошел к топчану и снова осмотрел иссохшееся тело девушки, старательно обходя взглядом ее вытаращенные, остекленевшие глаза.

Глеб обнаружил, что ногти на ее пальцах сломаны, а некоторые – содраны. Очевидно, она пыталась защитить себя. Чуть ниже левой груди темнел синяк, и Глеб почти не сомневался, что ребро у девушки в этом месте сломано.

Опустив взгляд еще ниже, Глеб содрогнулся. Он понял, что перед тем, как прикончить Ведану, убийца изнасиловал ее. Сероватые, не слишком свежие простыни были испачканы пятнами крови. Кровь была и на бедрах Веданы, а ее промежность была разорвана.

Резкий порыв ветра сотряс окошко. По комнате пробежал сквозняк, и факел в руке Глеба потух.

– Твою мать... – тихо выругался Глеб и полез в карман за зажигалкой.

И вдруг Глеб ясно ощутил, что он в этой комнате не один. Стоило ему это почувствовать, и страх – как приступ паники – тут же ворвался в его душу, подкатил к горлу комом, заставив Глеба шумно и хрипло задышать.

Что-то стремительно и бесшумно надвигалось на него во мраке. Сжав зубы, чтобы унять охватившую тело дрожь, и положившись на свои инстинкты, Глеб выхватил меч и рубанул тьму перед собой.

Меч его с чавканьем воткнулся во что-то мягкое и вязкое. Рукоять меча сильно дернулась и выскользнула у Глеба из пальцев. И тут же кто-то навалился на Глеба и сбил его с ног.

Холодные пальцы сдавили Глебу шею, а лицо его обдало гнилостным старческим дыханием. Глеб пробовал отбиться и вырваться, но все было бесполезно. Пальцы противника все крепче сжимали его шею.

– Нет... – в ужасе прохрипел Глеб. – О, боги... Нет...

Задышавшись и почти теряя сознание, Глеб зашарил рукой по полу, надеясь найти меч. Пальцы его наткнулись на выпавшую из кармана зажигалку. Глеб схватил зажигалку и судорожным движением выщелкнул пламя.

Язычок огня взвился вверх, озарив комнату тусклым, подрагивающим, рыжеватым светом. И в то же мгновение холодные пальцы выпустили шею Глеба. Скосив глаза, он успел заметить, как темная тень отпрянула от него и быстро переместилась к двери.

Хлопнула входная дверь, по комнате вновь пробежал ледяной сквозняк, заставив Глеба заслонить зажигалку ладонью. Затем все стихло.

Глеб сел на полу и закашлялся, морщась от боли в распухшем горле. Затем взял факел и зажег его. При свете факела он поднял с пола меч и крепко сжал его в руке.

Он не чувствовал досады из-за того, что упустил убийцу, который почти был у него в руках. Он чувствовал облегчение и радость от того, что остался жив.

Взгляд Глеба упал на большое черное пятно на полу, метрах в полутора от него. Приглядевшись, он увидел, что это не просто пятно, а ошметки черной пены. Ошметки эти с тихим чавкающим звуком таяли прямо у него на глазах, стремительно впитываясь в щели между половицами.

Глеб облизнул пересохшие от страха губы и хрипло пробормотал:

– Пора отсюда убраться.

Затем тяжело поднялся на ноги и, держа факел в одной руке, а меч в другой, зашагал к двери, уверенный, что увиденного и испытанного им в этом доме хватит на дюжину кошмарных снов.

10

Следующий день выдался солнечным. Глеб, остановившийся на постой в доме старого приятеля, проспал почти до полудня. Поднялся он с тяжелой головой и, бормоча под нос проклятия браге, олусу и хмельному сбитню, сунул ноги в поношенные ичиги.

Умылся из бадьи ледяной водой. Почистил деревянной жеваной щеточкой зубы. Затем неторопливо оделся. Кожаные штаны, рубаха, шерстяная поддевка, короткая меховая куртка, благодаря которой многие принимали его за охотника-промысловика... Сверху широкий пояс, а на нем – ножны с мечом. В заплочной кобуре – ольстра.

Довершили дело длинный суконный плащ с капюшоном, который Глеб скрепил на плече массивной медной пряжкой, и охотничья кожаная шапка.

Выйдя на улицу, Глеб набросил на голову капюшон и зашагал по дороге к торжку, весело поскрипывая утоптанном снегом. В животе урчало от голода. Вот и торжок.

Возле крайней лавки мужик в каком-то странном ватнике пытался развернуть телегу, дергая лошадку за узду. Сбруя на лошадке была гнилая – одни узлы. Видать, дела у торгового человека шли плохо.

Впрочем, были здесь и успешные торговцы. И кони у них были сытые, и сани да телеги справные. Кое-где у ворот и дверей стояли, дожидаясь хозяев, запряженные розвальни да роскошные сани с расписными задками.

На торжке Глеб сразу двинулся к лавкам с едой.

– Гляди, какой красавчик! – услышал он веселый бабий голосок. – Эй, господин хороший да пригожий, купи баранок!

Глеб повернулся и зашагал к девкам, закутанным в цветастые платки и весело шурящимся на солнце. Остановился возле одной, с лотком, на котором красовались леденцы и свежее печево.

– Откуда ты такой красивый да ладный взялся? – поинтересовалась, лукаво улыбаясь, девка. – Не видела я тебя тут раньше.

– Я не здешний, – ответил Глеб, оглядывая лоток.

– Откуда ж ты?

– Из Поморских земель.

– Эй, Милана! – окликнула девку подружка, продававшая пирожки. – Поделись красавцем!

– Сама себе ищи! – весело ответила Милана.

– Где ж таких найдешь? Красавцы стадами по улицам не ходют!

Девки засмеялись.

Глеб тоже улыбнулся. Он вдруг вспомнил о том, что Дивлян приносил сестрам баранки и леденцы, глянул на девку и спросил наудачу:

– Слушай, красавица, а ты, случайно, Дивляна-ходока не знаешь?

– Дивляна? – Милана прищурилась. – Погоди-ка... Это тот, у которого сестры-калики?

– Он самый.

Она улыбнулась, блеснув полоской белоснежных, ровных зубов.

– Как же, знаю! Раньше он на торжок часто приходил. Баранки да пряники сестрам покупал. А ты почему спрашиваешь?

– Так. По одному делу. И когда он приходил в последний раз?

– Да давно уж!

Глеб вздохнул.

– Ясно. Дай мне пяток баранок посвежее.

Милана сняла с веревочки пять баранок и протянула Глебу. Он сунул баранки в карман охотничьей куртки и протянул девке медную денежку.

– Премного благодарна! – улыбнулась Милана. – Приходи еще, когда захочешь полакомиться!

– Приду, – пообещал Глеб.

Девка вдруг прищурила голубые глаза и проговорила, понизив голос:

– А я ведь не только про баранки да пряники говорю.

Глеб окинул девку любопытным взглядом и сказал:

– Я тоже.

Несколько секунд они молчали, затем Глеб кивнул в знак прощанья, повернулся и хотел идти, но девка его окликнула:

– Погоди-ка!

Он остановился и снова взглянул на Милану.

– Про Дивляна-то я тебе недосказала. Видела я его недавно.

– Недавно? – наострил уши Глеб. – Когда?

– Когда? Да вчера.

Брови Глеба приподнялись.

– Ты уверена?

– Конечно. Хотя... – Милана пожала острыми плечиками. – Может, это и не Дивлян был.

Глеб наморщил лоб:

– Погоди-погоди, давай все по порядку. Для начала скажи, где ты его видела?

– Да вон там! – Милана указала красной рукавичкой на дощатый забор. – У самого заборчика. Прошмыгнул, как тать, и был таков. Весь какой-то скрюченный, руки в карманах, шею замотал тряпкой, а на глаза шапку нахлобучил.

– Значит, лицо его было скрыто? Почему же ты тогда уверена, что это был он?

Милана снова пожала плечами.

– Да я и не уверена. Вот ты сейчас усомнился, и я тоже сомневаться стала.

Глеб задумался, потер пальцами лоб. Снова взглянул на Милану.

– Значит, говоришь, до вчерашнего дня Дивлян здесь часто появлялся.

– Да, почитай, через день. Денег на сестер не жалел. Только вот за последние две или три седмицы ни разу на торжок не свернул.

– Ясно, – кивнул Глеб.

«Должно быть, девка просто обозналась», – подумал он. А вслух сказал:

– Благодарствую за баранки, красавица! Еще увидимся!

– Увидимся? – быстро проговорила Милана. – Когда же?

– Когда? – Глеб озадаченно нахмурился. – Если честно, я не...

– Сегодня вечером на Сходной площади гулянка, – сказала Милана. – Дядька Опрос разожжет большой костер, будут дудки и пляски. Придешь?

Глеб кивнул:

– Хорошо.

– Обещаешь?

Глеб улыбнулся и покачал головой:

– Прости, но нет.

Милана вздохнула:

– Жаль. Ну, хорошо хоть, что не обманул. А то я бы ждала. Скажи хоть, как тебя зовут, прохожий человек?

– Глеб.

– Глеб, – тихо повторила девка. И кивнула: – Я это запомню. А я Милана.

– Приятно познакомиться, Милана. Не скучай!

Глеб махнул на прощанье рукой, повернулся и, уплетая свежую, теплую еще баранку, двинулся вдоль торговых рядов к выходу с торжка.

Девка-торговка подошла к Милане, толкнула ее плечом и весело проговорила:

– Какой красавчик, а! Высок, статен, а волос густой, будто у девки, – загляденье! Только смотри, как бы не разбил тебе сердце.

Милана засмеялась.

– Да ну тебя, Силка! Бреешь, сама не знаешь что!

Силка, посмеиваясь, отошла на свое место, а Милана посмотрела вслед молодому прохожему задумчивым взглядом и тихо проговорила:

– Значит, Глеб... Что ж, Глеб, коли еще раз увижу – не упущу.

11

Час спустя Глеб снова был на постоялом дворе Дулея Кривого. Забрехавшим под частоколом собакам бросил кусочки зачерствевшей баранки. Псы слопали угощение и завиляли хвостами, подобострастно глядя на Глеба.

На этот раз Глеб не зашел в дом, а обошел его по кругу и вышел на внутренний дворик, уставленный деревянными ящиками с мусором.

Из-под сапога у него выскочила крыса и, перебежав через освещенную луной площадку, скрылась в сарае.

Ковыряться в мусоре ему не хотелось, но делать нечего. Натянув рукавицы, Глеб склонился над ящиком и принялся за дело.

Остатков съестного здесь не было – в голодное время у Дулея Кривого не пропадала ни

одна кость, ни один сухарь.

В основном коробки были забиты старыми, заношенными до тления вещами, драными оборками, оберточными тряпками и сгнившими дощечками от ящиков, в которых купцы привозили товар.

Минут двадцать Глеб рылся в мусоре без всякого результата, пока не наткнулся на несколько сломанных берестяных туесков. Туески потемнели и прогнили от влаги, и все же Глеб распознал их. Такие же туески он видел в сундуке у ходока Дивляна. Только те были целые, а эти пришли в полную негодность.

Подобрав самый целый на вид туесок, Глеб скинул рукавицу, сунул в него палец и поскреб ногтем по стенкам. Затем поднес палец к глазам. Ноготь и палец испачканы какой-то красноватой дрянью. Приглядевшись внимательнее, он с удивлением опознал в ней бурую пыль.

Вот так дела! Значит, кто-то по-прежнему ходит за бурой пылью в Гиблое место? А если нет, то откуда она берется?

Блажные дома, где любой горожанин или приезжий мог купить себе дозу бурой пыли и погрузиться в nirvanу на всю ночь, закрылись еще четыре месяца назад. Невероятно было представить, чтобы кто-то из ходоков или добытчиков втайне промышлял в Гиблом месте. Нынче туда и самый отъявленный отморозок не сунется.

Откуда же тогда у Дивляна была бурая пыль? И почему именно у него?

Глеб вздохнул.

Что ж, по крайней мере, теперь понятно, откуда у Дивляна взялся горшок с серебром. На бурой пыли, если знаешь, где ее достать, можно в короткие сроки сколотить себе огромное состояние. Но Дивлян?.. Глеб качнул головой: нет, на него это не похоже.

Глеб задумался.

Приказчик Перипята говорил, что Дивлян работал на пристани всего два дня в неделю. Значит, у него было время, чтобы ходить в Гиблое место.

Вероятно, Дивлян нашел новые пути и тропы. Он ведь единственный, кто вернулся из Гиблого месяца живым за последние полгода. Возможно, в том жутком походе он потерял левую руку, но взамен нашел чудную вещь, помогающую ему отпугивать темных тварей?

Глеб взглянул на берестяной туесок и нахмурился. Что ж, теперь у него, по крайней мере, есть хоть какая-то зацепка. Главное – грамотно ее использовать. И не терять времени даром.

Глеб швырнул берестяной туесок в мусорный короб, повернулся и зашагал прочь с постоянного двора.

* * *

Тайного разносчика бурой пыли Глеб вычленил в редкой толпе прохожих быстро. Тот был худ и суетлив. Он то и дело шнырял по сторонам глазами, как затравленный зверек.

Подкараулив паренька в темном закоулке, Глеб схватил его за шиворот и прижал к дереву. Кричать разносчик не стал, лишь уставился на Глеба испуганными глазами, сисясь разглядеть в сумерках его лицо. Поскольку сам Глеб продолжал молчать, разносчик разжал узкие губы и сипло пробормотал:

– Тебе чего, человек?

– Да вот, – спокойно отозвался Глеб, – бурой пылью разжиться хочу. Продашь?

Разносчик нервно улыбнулся:

– Окстись, незнакомец! Какая еще бурая пыль?

– А то сам не знаешь. – Глеб усмехнулся и доверительно сообщил: – Да ты не бойся, я не какой-нибудь там. Заплачу, сколько скажешь.

Парень зыркнул глазенками по сторонам и быстро проговорил:

– Нешто ты не знаешь, что княжым указом запрещено продавать бурую пыль на улице? Ее можно купить только в блажных домах.

– Так ведь дома те закрылись!

– Это верно, – кивнул разносчик. Он снова глянул по сторонам и закусил губу. Парня явно терзали сомнения. С одной стороны, ему не хотелось неприятностей. С другой – было бы глупо упустить такой шанс заполучить нового клиента. В конце концов алчность одолела разум. – Я тебя совсем не знаю, – пробормотал разносчик. – Кто ты и откуда тут взялся?

Глеб сбросил с головы капюшон и приблизил свое лицо к лицу разносчика.

– Не узнаешь? – тихо спросил он.

Лицо паренька вытянулось от изумления:

– Первоход?

Глеб кивнул:

– Он самый.

– Значит, ты вернулся?

– Как видишь. А что обо мне говорят в городе?

– Говорят, ты сгубил княжьи брони, и князь хотел тебя за то четвертовать. Но потом передумал и выгнал из Хлынь-града. Первоход, ежели тебя поймают, то четвертуют!

Глеб усмехнулся:

– Ничего. С Драным катом я как-нибудь договорюсь.

– С Драным катом? – Парень качнул головой: – Ты слишком давно не был в городе, ходок. Драного ката уж нет. Вместо него теперь Ядвига.

– Ядвига?

Разносчик кивнул:

– Угу. Сказывают, лучшей мучительницы, чем эта девка, не сыскать. Сдирает с человека шкуру живьем, а потом посыпает голое мясо солью. А чтобы полонец не помер от мук, Ядвига вливает ему в рот особое гофское зелье.

Глеб хмыкнул.

– Думаю, мне не доведется познакомиться с этой тварью лично, – сухо обронил он. – А теперь скажи: под кем ты ходишь? Кто дает тебе товар для сбыта?

Парень дернулся, пытаясь высвободиться, но Глеб держал крепко. Тогда он состроил жалобную мину и забубнил:

– Первоход, я не могу тебе этого сказать. Если я скажу...

Дуло ольстры уткнулось разносчику в тощий живот.

– Не скажешь, кто дает тебе бурую пыль, продырявлю тебе живот, – сообщил Глеб. – Считаю до пяти. Раз... Два... Три... Четыре...

– Хорошо! – выдохнул разносчик, с ужасом покосившись на обрез. – Его зовут Рашпай Гусак! И он не здешний.

– Откуда же он?

– Из северных земель.

Глеб убрал ольстру и сунул ее в кобуру, притороченную к широкому поясу.

– Я вижу, пока меня не было, в Хлыни появилось много новых людей, – мрачно проговорил он.

Разносчик кивнул:

– Это верно.

– Проведешь меня к Гусаку?

Глаза парня снова забегали.

– А тебе зачем? – бормотнул он побелевшими губами.

– Хочу с ним поговорить.

Разносчик хотел возразить, но Глеб посмотрел ему в глаза, и тот осекся. Затем снова уставился на приклад ольстры, торчащий из кобуры, облизнул тонкие губы и сказал:

– Гусак не погладит меня за это по головке. Но я тебя отведу.

Рашпай Гусак оказался приземистым, толстым и широкоплечим мужиком. Лицо у него было широкое и мясистое и все изрытое шрамами. Одет он был дорого и безвкусно. Голова Гусака была повязана платком, словно у пирата, а во рту блестела железная коронка.

Скользнув по лицу Глеба быстрым, цепким взглядом, пират повернул голову к разносчику и сердито спросил:

– Какого лешего ты притащил сюда чужака, Лапоть?

Разносчик захлопал глазами:

– Гусак, прости. Этот парень пригрозил, что убьет меня, если я не приведу его к тебе. Да ты не бойся, он нас не выдаст. За ним самим охотятся охоронцы.

Гусак перевел взгляд на Глеба и грубо осведомился:

– Это правда?

– Правда, – кивнул Глеб.

– Гм... – Гусак задумчиво очесал мясистый нос толстым пальцем, затем негромко окликнул: – Жихарь!

Глеб не успел шевельнуться, как холодное острие кинжала коснулось его горла. Человек, держащий кинжал, был низок ростом и худ, но глаза его, светло-голубые, почти бесцветные, пылали холодным лютым огоньком. Такой зарежет и не поморщится.

Пират пристально взглянул на Глеба и сказал:

– Теперь рассказывай. Кто ты такой и чего тебе от меня надо?

Глеб покосился на кинжал и тихо ответил:

– Меня зовут Первоход.

– Первоход? – Разбойничьи глаза Гусака блеснули. – Так ты тот самый Первоход? Я о тебе слышал.

– И что же ты слышал? – хрипло поинтересовался Глеб, поглядывая на кинжал.

– Слышал, что ты пришел в Хлынь шесть лет тому назад – неведомо откуда. У тебя был огнестрельный посох, и потому люди приняли тебя за колдуна. Старый князь заключил тебя в темницу, но потом княжна Наталья занемогла, и он отпустил тебя. Ты пошел в Гиблое место за пробуди-травой, чтобы излечить княжну. Ты стал первым, кто не побоялся темных тварей.

Пират перевел дух, по-прежнему внимательно разглядывая Глеба. Затем продолжил:

– Сказывают также, что ты разгромил войнство нелюдей из мертвого города. А потом спас Хлынское княжество от нашествия голядской тьмы.

Глеб прищурился.

– Ты много обо мне знаешь, Рашпай Гусак. Теперь ты прикажешь своему человеку убрать кинжал от моего горла?

Гусак покачал головой.

– Нет. Теперь, когда я знаю, кто ты, я буду в десять раз осторожнее. Ероха! Довол! – окликнул он.

Из соседней комнаты вышли еще два молодца и обнажили мечи. Судя по точным, скупым движениям, управляться с мечами они умели. Глеб мысленно пожалел, что пришел к разбойникам открыто. Нужно было подкараулить Гусака на улице, взять его в жесткий оборот и выбить из него всю нужную информацию.

– Князь ненавидит тебя, Первоход, – снова заговорил Гусак. – Если я отдам тебя княжьим охоронцам, я получу в награду кучу серебра.

– И ты отдашь меня им? – угрюмо поинтересовался Глеб.

Гусак пожал плечами:

– Почему нет? Я деловой человек. А какой деловой человек откажется от кучи серебра? – Гусак облизнул губы и добавил: – Хотя... Мы можем решить все по-другому.

– И как же? – спросил Глеб.

– Ты был лучшим ходоком. Наверняка принес из Гиблого места кучу чудодейственных амулетов. Отдай их мне, и я отпущу тебя.

Глеб легонько качнул головой:

– У меня нет амулетов. Я от них избавился, когда решил стать огородником.

Пират усмехнулся.

– От ольстры ты, однако, не избавился. Значит, и амулеты где-то спрятал. Отдай их

мне, Первоход. Отдай, и я помогу тебе выбраться из княжества целым и невредимым. А если не отдашь...

Договорить Гусак не успел. Глеб резким ударом кулака выбил кинжал из пальцев коротышки Жихаря и, сделав шаг назад, освободил себе пространство для боя.

К тому моменту, когда разбойники сообразили, что к чему, в руке у Глеба уже сверкнул меч-всеруб. Разбойник, что стоял слева, бросился на Глеба, но тот увернулся и вонзил меч ему в живот. Второго разбойника Глеб ударил голом меча по лицу, сбив его с ног, а очухавшемуся коротышке сильным ударом разрубил правое предплечье.

Разобравшись с разбойниками, Глеб вновь взглянул на оторопевшего пирата.

– Отойди к стене и подними руки! – рявкнул он.

Гусак попятился, поднимая толстые руки.

Глеб переложил меч в левую руку, а правой достал из кобуры ольстру и направил ее в грудь Гусаку.

– Вот теперь мы поговорим, – сказал он.

Гусак покосился на ольстру, облизнул пересохшие губы кончиком языка и нервно проговорил:

– Ты не выстрелишь.

– С чего ты взял?

– На шум сбегутся охоронцы и скрутят тебя.

Глеб покачал головой:

– Нет. Я успею уйти. А тебя они найдут на полу с перебитыми ногами. Карманы твои набиты бурой пылью, Гусак, так что дыбы тебе не избежать.

Пират обдумал его слова, прищурил злые глаза и отрывисто спросил:

– Чего ты хочешь?

– Я пришел к тебе, чтобы задать два вопроса и получить на них вразумительные ответы.

– Правда? – Гусак снова облизнул губы. – И что это за вопросы?

– Ты здесь не старший, – сказал Глеб, сверля толстяка угрюмым, холодным взглядом. – Скажи мне, под кем ты ходишь и как мне найти твоего хозяина.

Несколько секунд Гусак молчал, угрюмо глядя на Глеба, потом разомкнул губы и тихо проговорил:

– Если я скажу тебе, он перережет мне глотку.

– А если не скажешь, то это сделаю я, – холодно пообещал Глеб. – Ты слышал обо мне достаточно, Рашпай, и знаешь, что я убил немало народу. Рука моя не дрогнет.

– Ты не убиваешь людей, – возразил пират. – Ты убиваешь нечисть.

Глеб усмехнулся:

– Верно. Но для меня ты и есть нечисть. Поэтому заканчивай болтовню и отвечай на мои вопросы. На кого ты работаешь?

Еще несколько секунд понадобилось Гусаку, чтобы преодолеть внутренний барьер и заговорить. Для начала он хладнокровно и деловито уточнил:

– Ты его убьешь?

– Возможно, – ответил Глеб. – Но тебе ведь это только на руку. Займешь его место и приберешь к рукам весь город.

Гусак усмехнулся, прищурил лютые глазки и кивнул.

– Хорошо. Моего старшего зовут Белозор Баска. Раньше он был ходоком.

Глеб помнил Белозора. Это был очень умелый и опытный ходок. Сильный, хитрый, безжалостный и дерзкий. Впрочем, Глеб никогда не воспринимал его всерьез. Возможно, причиной тому была слащавая внешность Белозора. Кожа у него была нежная, словно у девушки, а сам он был просто ангельски красив. Кто бы мог подумать, что этот смазливый парень возглавит шайку головорезов?

– Значит, Белозор ваш главарь. – Глеб прищурил недобрые глаза: – Интересное кино. И где мне его найти?

– У него в Хлыни свое кружало. Между Торжком и Скуфьей горой. Над дверью – два бычьих черепа, а между ними доска с намалеванным лешаком.

Глеб опустил ольстру.

– Молодец, – сказал он. – Веди себя тихо, Рашпай Гусак, и останешься жив.

Глеб повернулся к двери, убирая ольстру в кобуру, и тут пират бросился на него.

Грохот выстрела разорвал влажную тишину подвала. Пират остановился, выпучив глаза, и схватился пятернями за живот. Между пальцами его просочилась кровь и закапала на пол.

Глеб взглянул на красное пятно, расплывающееся по светлому подстигу Гусака, и с досадой проговорил:

– Дурак. Я же предупреждал.

Пират попытался что-то сказать, но не смог и рухнул на пол. Глеб обвел оставшихся разбойников угрюмым взглядом и холодно поинтересовался:

– Кто-нибудь еще хочет?

Разбойники молчали.

– Так я и думал, – сказал Глеб.

Он вложил ольстру в кобуру и снова повернулся к двери. На этот раз никто не попытался его остановить.

Выйдя на улицу, Глеб вдохнул полной грудью свежий, морозный воздух. Мышцы его все еще были напряжены, пальцы чуть подрагивали. Царапина на шее, оставленная кинжалом коротышки, слегка зудела, но в остальном Глеб чувствовал себя сносно.

12

Кружало с прибитыми над веревками бычьими черепами Глеб нашел не без труда. Место было укромное, вдали от мощеной главной улицы, запутавшееся в глухой сети переулков, как муха в паутине.

У кружала играли на морозе в кости два подвыпивших охоронца в тулупах. Глебу не составило труда проскользнуть мимо них незамеченным.

Внутри кружало выглядело не хуже и не лучше любого подобного заведения Хлынь-града. Та же массивная деревянная стойка с флегматичным целовальником по ту сторону, лениво натирающим оловянные стаканчики на фоне полок с брагой, хмельным сбитнем и олусом. Длинные дубовые столы, все в разводах от пролитых напитков, такие же длинные лавки, обсиженные подвыпившими посетителями. Гул голосов, смог от жаровен, запах браги и жареного мяса.

Увидев в отдалении комнатку, занавешенную плотной шторой, Глеб двинулся к ней. Прошел через зал и уже протянул руку к шторе, как вдруг путь ему преградили два рослых парня с железными кастетами в руках.

– Куда? – ласково спросил один из них.

– К Белозору, – ответил Глеб, спокойно глядя парню в глаза.

– А кто ты?

– Его друг. Глеб Первоход.

Парень прищурился, оглядел Глеба с головы до ног и с ног до головы и сказал:

– Погодь тут, я ему скажу.

Парень исчез за шторкой, оставив Глеба со своим напарником.

– А ты правда Первоход? – спросил напарник, с любопытством глядя на Глеба.

Глеб кивнул:

– Правда.

– Говорят, ты обвел вокруг пальца самого князя. Обещал ему громовые посохи, а взамен привез гнилые палки.

Глаза Глеба угрожающе сузились.

– Не советую тебе повторять этот бред, – холодно проговорил он.

Парень ухмыльнулся и хотел что-то сказать, но в этот миг из-за шторы окликнули:

– Эй, Первоход,ходи!

Парень посторонился, освобождая проход, Глеб откинул полог шторы и вошел в комнату.

Первое, что увидел Глеб, был стол, уставленный и заваленный всевозможными яствами – недоеденными жареными курами, свиными ногами, кусками белого хлеба. Между тарелками с едой стояли кувшины с выпивкой.

Привыкнув к полумраку комнаты, чуть подсвеченному двумя сальными свечами, Глеб разглядел и людей, сидящих за столом.

– Ба! – услышал он насмешливый голос Белозора. – Уж не великий ли ходок пожаловал в нашу компанию?

Глеб взглянул на вожака разбойников. Тот был все так же смазлив, как прежде, только выглядел совершеннейшим клоуном. Волосы его были стянуты за затылке и перевязаны алой лентой, русая борода заплетена в тощую косицу. Гофский золотистый камзол с белым накрахмаленным воротом сидел на Белозоре как влитой и блистал чистотой, но выглядел столь же дико, как лента и борода-косичка.

Остальные разбойники, числом не меньше полудюжины, были полной противоположностью изысканному до идиотизма и смазливому до отвращения Белозору.

– Так зачем ты сюда пришел, Первоход? – поинтересовался Белозор, потягивая из серебряной кружки хмельной сбитень.

Глеб хотел ответить, но вдруг лишился дара речи. Только сейчас он разглядел девушку, сидевшую рядом с лютым красавчиком Белозором. Разглядел – и оцепенел. Это была Диона.

В ушах у Глеба зазвучали слова, сказанные, кажется, целую вечность назад:

– Глеб, я не сказала тебе, что я нелюдь... Я думала, ты уйдешь. А я не хотела, чтобы ты уходил. Я не виновата, что я такая... Ты мною брезгуешь? Брезгуешь, Глеб?..

– Диона! – выдохнул он, изумленно глядя на девушку. Затем сделал над собой усилие, усмехнулся и добавил: – Когда я видел тебя в последний раз, ты умирала.

– Как видишь, мне удалось выжить, – холодно проговорила Диона.

И новая сцена пронеслась у Глеба перед глазами. Диона лежит на траве, истерзанная кровожадным стригоем, а сам Глеб стоит у черной плиты Нуарана, зажав в руке камушек, который нужно вставить в выемку. Камушек, способный исполнить любое твоё желание. Любое. Но одно. А Глеб уже видит Москву, видит скверы и бары, видит свою «Хонду», на которой отмахал сотни километров и с которой успел сродниться, свой компьютер, лица друзей и подруг... И все это заслоняет лицо умирающей Дионы...

В горле у Глеба защемило от обиды. Ему захотелось крикнуть:

«Ведь это я тебя спас! Я отказался от возвращения домой ради того, чтобы ты была жива! Я плюнул на свою мечту. И ради чего? Ради того, чтобы ты сидела в компании негодяя Белозора и его ублюдочных друзей!»

Все эти слова заклебились, заклокотали в горле у Глеба, но наружу так и не вырвались. Он стоял перед дубовым столом, уставленным жратвой и выпивкой, и молча смотрел на девушку.

– Что же ты молчишь, Первоход? – прищурила зеленые глаза Диона. – Ты не рад меня видеть?

– Да он, кажись, язык проглотил! – с насмешливой веселостью высказался один из разбойников.

– Точно! – поддакнул другой. – А может, оглох! Эй, Первоход, ты слышишь, что я говорю?

Разбойники загоготали.

Глеб разлепил спекшиеся губы и тихо проговорил:

– Я рад, что ты жива, Диона. Ты стала еще красивее, чем была.

Девушка усмехнулась.

– Надо же, какие речи, – холодно протянула она. – А ведь раньше ты презирал меня. За

то, что я нелюдь, за то, что умею видеть будущее.

– Хватит тебе лаяться, – примирительно проговорил Белозор. – Эй, Первоход, присаживайся. Будь моим гостем. Ешь и пей вволю. Если хочешь, подберем тебе девку.

– Если понадобится, я сделаю это сам, – сказал Глеб, усаживаясь на свободное место за столом.

Белозор засмеялся.

– Не сердись, Первоход. Ты такой же ходок, как я. А ходоки должны держаться друг за друга. Люди нас не любят. Считают, что мы такое же отродье Гиблого места, как оборотни и упыри.

Глеб холодно прищурился.

– Раньше я в это не верил. Но теперь вижу, что в чем-то они правы.

Белозор нервно дернул холеной щекой.

– Брось, Первоход. Вдохни и выдохни. Мы с тобой стоим друг друга. Выпей чего-нибудь, расслабься.

Глеб качнул головой.

– Не хочу. Давай к делу.

Белозор прищурил лучистые глаза.

– Ну, что ж, дело так дело. Что привело тебя ко мне, Первоход?

– Ты слышал про ходока Дивляна?

– Про то, что он ходил в Гиблое место и вернулся оттуда без руки?

– Про то, что недавно он умер, – сказал Глеб, пристально разглядывая смазливое лицо Белозора. – Не знаешь, кстати, от чего?

Главарь разбойников покачал головой.

– Нет, Первоход, то мне неизвестно. Говорят, он чем-то отравился. А почему ты спрашиваешь?

Глеб чуть подался вперед и отчетливо проговорил:

– Я нашел в комнате Дивляна туюски с остатками бурой пыли.

Лицо Белозора окаменело, а его подельники тихо и недовольно зашептались. Несколько секунд главарь сидел молча, прежде чем сбросил оцепенение и сказал:

– Выходит, Дивлян таскал из Гиблого места бурую пыль?

– Может, да, – сказал Глеб. – А может, и нет. Я-то думаю, что он брал бурую пыль у тебя.

– У меня? – Белозор улыбнулся, блеснув ухоженными зубами. – Уверяю тебя, Первоход, если бы он это делал, я бы знал.

– Может быть, может быть... – тихо и задумчиво проговорил Глеб. – Скажи-ка, Белозор, а где ты берешь бурую пыль? Ведь в Гиблое место нынче никто не ходит.

Главарь разбойников прищурил красивые глаза и с улыбкой объяснил:

– Старые запасы, Глеб. Но скоро и им придет конец. Бурая пыль нынче на вес золота. Люди выкладывают все, что имеют, за возможность хоть немного забыться.

Белозор помолчал, наблюдая за Глебом, а затем, чуть подавшись вперед, спросил:

– Как думаешь, где Дивлян нашел бурую пыль?

– Я не знаю, – ответил Глеб. – А ты?

Белозор усмехнулся и качнул головой.

– И я нет. Говорю тебе, дружище, на меня он не работал. Да и не стал бы я брать Дивляна к себе в услужение. Ты ведь помнишь, какой он был переборчивый да честный.

Глеб обдумал слова Белозора и спросил:

– Выходит, ты тут ни при чем?

Главарь разбойников улыбнулся Глебу приятной улыбкой и уточнил:

– Смотря что ты имеешь в виду.

– Я имею в виду смерть Дивляна, – пояснил Глеб. – Это ведь не твои люди прикончили его?

– Я не знаю, отчего помер Дивлян, – спокойно сказал Белозор. – Но я тут

действительно ни при чем. А если ты будешь упорствовать в своих утверждениях, тебе придется отправиться в страну мертвых и расспросить обо всем самого Дивляна.

– Если я когда-нибудь туда соберусь, я прихвачу тебя с собой, – пообещал Глеб. Он поднялся с лавки. – Прощай, Белозор Баска.

– Прощай, Глеб Первоход. Рад был повидаться.

– Хотел бы я сказать то же самое.

– Что же тебе мешает?

– Не спрашивай и не нарвешься на грубость. Счастливо оставаться, ребята. Прощай и ты, Диона.

Глеб с трудом отвел взгляд от лица девушки, повернулся и зашагал к выходу, чувствуя напряженной спиной злобные, ненавидящие взгляды разбойников.

Лишь оказавшись на улице, он расслабился и вздохнул с облегчением.

13

Примерно в два часа пополудни дверь кружала открылась, и на улицу в клубах пара вывалилась веселая компания Белозора. Сам главарь шагнул впереди в обнимку с Дионой. Пройдя несколько шагов, она ловко высвободилась из его объятий и ласково сказала:

– Белозорчик, ты иди, а я сейчас.

Главарь усмехнулся:

– Понимаю. Буду ждать в санях. Но не задерживайся слишком долго.

– Конечно.

Белозор поцеловал Диону в губы, повернулся и, обнявшись с друзьями-разбойниками, зашагал к саням.

Диона подождала, пока он отойдет подальше, повернулась к углу кружала и тихо позвала:

– Глеб! Глеб, ты ведь еще здесь?

Глеб вышел из-за угла.

– Как ты узнала? – спросил он угрюмо.

Диона улыбнулась:

– Я ведь вещунья, или ты забыл?

Глеб подошел к ней вплотную. Вгляделся в ее худощавое, чуть скуластое, мягко освещенное луной лицо.

– Ты изменилась, – сказал он.

– Человек, вернувшийся из иного мира, не может быть тем, кем был прежде, – сказала на это Диона.

Глеб усмехнулся, но усмешка его вышла напряженной и неестественной.

– Что же в тебе изменилось, Диона?

– Этого не скажешь в двух словах, – ответила она.

Они помолчали, разглядывая друг друга. Первым молчание прервал Глеб.

– Почему ты с Белозором? – сухо спросил он.

Диона пожала плечами.

– А с кем мне быть? Я ведь все еще нелюдь, Глеб. Люди сторонятся меня и не доверяют мне. Возвращаться в срамной дом я не хочу.

– С Белозором лучше, чем там?

Глаза Дионы сухо блеснули в лунном свете.

– Он заботится обо мне, – сказала она. – И он не такой плохой, как ты думаешь.

– Он разбойник и убийца, – холодно возразил Глеб. – А ты... Ты достойна лучшей участи. Ты ведь вещунья. Ты могла бы...

Диона покачала головой:

– Нет, Глеб. Уже нет. Когда-то у меня на ладонях были глаза, и эти глаза видели много такого, чего не видит больше никто. Но теперь...

Диона подняла руки и повернула их ладонями к Глебу. На ее узких ладонях багровели уродливые круглые шрамы. Диона сжала кулаки и опустила руки.

– Теперь я ничего не могу, – тихо сказала она. – И ничего не стою.

Глеб привлек Диону к себе и порывисто поцеловал в губы. Она отстранилась.

– Не надо, Глеб.

– Но я все еще люблю тебя. Ты ведь это знаешь.

Она грустно покачала головой.

– Слишком поздно, Глеб. Слишком поздно.

– Ничего не поздно! Я...

Диона положила Глебу на губы палец:

– Тише, Первоход. Если Белозор узнает, что я с тобой, он убьет тебя.

Глеб усмехнулся:

– Поверь, я не боюсь Белозора.

– И напрасно. Ты знал Белозора-ходока. Но последний поход в Гиблое место выжиг ему душу. Теперь он другой, и его боится даже Бава Прибыток.

Глеб фыркнул.

– Все равно! Плевать я хотел и на Белозора, и на Баву, и на Гиблое место с его смрадной нечистью!

Диона прищурила глаза и пристально вгляделась в покрасневшее лицо Глеба.

– Ты всегда был одиночкой, – задумчиво произнесла она. – Но все переменилось, Глеб. Теперь ты не выживешь, если будешь один.

– Диона! – проорал от саней Белозор. – Диона, куда ты подевалась?

Диона высвободилась из объятий Глеба и быстро проговорила:

– Мне пора, Глеб.

– Я живу в доме у Ненаша Лысого, – сказал он, нахмурившись и подрагивая от волнения. – Мое окно выходит на сарай. Приходи туда через час.

– Глеб, я не могу.

– Тогда приходи утром. Как рассветет. Я буду ждать. Буду ждать, понимаешь? Если ты не придешь, я все пойму.

– Прощай, Глеб!

Диона повернулась и быстро зашагала к саням.

Глеб прислонился спиной к стене и перевел дух. До этой встречи он и не подозревал, что все еще любит ее. А может быть, дело в том, что Диона действительно стала другой?

Глеб задрал рукав куртки. На предплечье его красовались небольшие белесые шрамы. Их осталось семь. Семь шрамов, семь испытаний. Когда последний шрам исчезнет, Глеб вернется домой – так сказала колдунья Мамелфа. Но нужно ли ему теперь это возвращение?

Он опустил рукав. Не стоит раскисать. Главное сейчас – найти убийцу Дивляна и разобраться в том, что происходит в городе. А там будет видно.

14

Комнатка, которую Глеб снимал у Ненаша Лысого, была крохотной, но теплой, благодаря своим мизерным размерам и небольшой, но чрезвычайно умело сложенной печке. Несколько дубовых поленьев хватало, чтобы сохранять тепло в комнате целый день.

В огромном сундуке, кроме скромной одежды, хранилось оружие Глеба. Два украшенных серебряной инкрустацией меча-всеруба, выкованных кузнецом-вещуном Вакаром и заговоренных им от нечисти десятью заговорами. Дюжина метательных ножей, меч-скрамасакс, два тяжелых ножа-косаря, деревянный ящик с патронами для ольстры. Патроны были начинены дробью и хуралуговыми пулями с примесью белого железа.

Глеб взволнованно расхаживал по комнате. Времени остается все меньше. Ищейки князя Егры наверняка уже пронюхали, что он вернулся в город. Вооруженные до зубов охоронцы могут нагрянуть сюда в любую секунду.

Но на самом-то деле не это больше всего волновало Глеба. Он вдруг почувствовал странную уверенность в том, что смерть Дивляна – это лишь начало, первое звено в цепи грядущих кошмарных событий. До сих пор интуиция никогда не обманывала Первохода, и он привык доверяться ей.

Клубок событий все еще не распутан. Известно немного.

Дивлян, скорей всего, и впрямь не работал на Белозора. Значит, он проворачивал свои дела в одиночку? В одиночку ходил в Гиблое место за бурой пылью. В одиночку искал клиентов для ее сбыта, рискуя напороться на разбойничий нож. И все это с культяшкой вместо левой руки? И в восемнадцать лет?

Глеб не мог в это поверить.

Но если Дивлян делал все это не один, то кто ему помогал? Может быть, тот, кто его убил?

Да, похоже, был еще кто-то. Кто-то, кто стоял у Дивляна за спиной и руководил его поступками, а потом убрал Дивляна с дороги. Дивляна и его болтливую, легкомысленную подругу Ведану.

Но что это за таинственный враг? И чего он добивается? И какова во всем этом роль купца Бавы Прибытка? И зачем, черт возьми, ему понадобилось гонять Дивляна в Гиблое место? Не за бурой же пылью?

Глеб остановился посреди комнаты и, холодно прищурившись, уставился на сундук с оружием. Пора нанести визит Баве Прибытку. Если кто-то и сможет ответить на вопросы Глеба, то только он.

Кем был Бава Прибыток? Купцом? Авантюристом? Алчной тварью, готовой ради прибыли отрезать и продать свою собственную ногу?

Как бы то ни было, а действовал Бава с размахом. Отгрохал в нескольких верстах от Гиблого места Порочный град. Возвел в нем заведения, способные дать усталому человеку все, чего ему не хватало в обычной жизни: острые ощущения, сладострастные утехы, звериную разнузданность и полную безнаказанность.

На град Порочный не распространялись никакие княжьи законы и указы. В обмен на то, что князь Егра закрывал глаза на творящиеся здесь дела, Бава Прибыток щедро и регулярно пополнял его казну.

А дела в этом средневековом «Лас-Вегасе» творились и впрямь жуткие. Бава стравливал между собой оборотней и волколаков, устраивал битвы упырей с медведями, открыл в главном кружале блажной дом, где каждый желающий мог всего за несколько монет переспать с девкой-нелюдью.

Ходокам, добывающим для него оборотней и упырей в Гиблом месте, Бава платил щедро. Кроме того, у ходоков был и другой верный способ набить себе карманы серебром.

Чудные вещи, которые люди таскали из Гиблого места, были удивительны и в большинстве своем абсолютно бесполезны. Многие из них отправляли своих хозяев на тот свет прежде, чем те добирались до дома. Но случалось и обратное. Иные владельцы чудных вещей становились неуязвимыми. Другие богатели. Третьи излечивались от страшных болезней. Глядя на них, чуда жаждали и все прочие. Поток желающих отправиться за чудными вещами не иссякал.

Но теперь-то лавочка прикрылась!

После того как странный туман вырвался из земных недр и окутал Гиблое место, в нем все переменялось. Ходоки и их ведомые гибли один за другим, пока вовсе не перестали ходить туда. Да и среди обывателей уже не было желающих обзавестись чудодейственным амулетом, добытым в Гиблой чащобе или в мертвом городе, населенном нелюдью.

Ходоки плюнули на Гиблое место и занялись другими делами. Но чем нынче промышлял Бава Прибыток? За счет чего он держался? И за какой такой надобностью он гонял в чащобу Дивляна?

Это и предстояло выяснить Глебу.

Первоход вынул из кобуры ольстру и проверил ее. Обрез, сделанный когда-то из

охотничьего ружья и усовершенствованный кузнецом Вакаром, работал безотказно. Два ствола: один под патроны, начиненные дробью и огвоздками, 12-го калибра, второй – под пули калибра 7,62.

Магазин на пять патронов. Усовершенствованная пусковая скоба с петлей, такая, чтобы удобно было выхватывать обрез из кобуры одной рукой и сразу стрелять. Прицельная дальность, конечно, никакая, но дальность в деле, которым все эти годы занимался Глеб, не главное. В Гиблом месте враг всегда появлялся внезапно и оказывался рядом с тобой раньше, чем ты успевал вздрогнуть от страха.

Глеб вложил ольстру в жесткую кожаную кобуру и прикрепил кобуру к специальному ремennому креплению на спине. Затем повесил на пояс короткий меч-всеруб и ножны-соты с тремя метательными ножами из белого железа.

Белое железо – кошмар для оборотней и волколаков, но и против людей оно вполне годится.

С минуту Глеб раздумывал, не взять ли ему пару амулетов против нечисти, но решил, что не стоит. Убийцы, охраняющие Баву Прибытка, конечно, лютые звери, но на нечисть они никак не тянут.

Последней жуткой вещью, которую взял с собой Глеб, была самодельная бомба с ударным взрывателем, над которой он прокорпел два месяца, собирая ее из того, что довелось достать в этом диком, допотопном мире.

Вооружившись, Глеб достал из шкафа длинный суконный плащ с капюшоном и накинул его поверх меховой куртки. Полы плаща укрывали оружие, а капюшон надежно скрывал лицо Глеба от посторонних взглядов.

Теперь он был готов встретиться со всесильным Бавой, которого побаивался даже хлынский князь.

15

Дознаватель Замята поднял взгляд от глиняной кружки и окинул Глеба недовольным, хмурым взглядом.

– Здравствуй, дознаватель, – поприветствовал его Глеб.

– Опять ты, – проворчал Замята. – Какого лешего тебе от меня надо?

Глеб усмехнулся:

– Видишь ли, дружище, я тут решил немного прогуляться.

– Прогуляться? Ну и гуляй себе сколько влезет. А я тут при чем?

– Хочу, чтобы ты меня сопровождал.

Несколько секунд Замята молчал, ворочая мозгами, затем неопределенно проговорил:

– Вот как. И куда же ты собрался? В срамной дом или в кружало?

– К Баве Прибытку, – ответил Глеб. – Пришло время поговорить с ним по душам. Так как, дознаватель, пойдешь со мной?

Дознаватель мрачно усмехнулся и кивнул.

– Хорошая шутка.

Он потянулся за кувшином с хмельной березовицей, но Глеб сгреб кувшин и отодвинул его. Замята захлопал глазами.

– Ты что делаешь?

– Спасая тебя от цирроза печени, – ответил Глеб. – Собирайся, Замята. Нам пора выходить.

Несколько секунд Замята вглядывался в лицо Глеба, надеясь, что тот шутит, потом качнул головой и проговорил:

– Да ты и впрямь сдурел, Первоход. Если хочешь, чтобы тебе проломили голову, – иди, отговаривать не стану. Но не впутывай в это дело меня.

– Ты должен пойти со мной, – упрямо повторил Глеб.

– Да ну? И какой у меня резон?

– Ты княжий дознаватель. Значит, должен дознаться, что случилось с Дивлян. – Да об чем тут дознаваться? – вспыхнул Замята. – Обожрался какой-то дряни да и помер!

Глеб покачал головой:

– Нет, приятель, все не так просто. Я навещал подругу Дивляна, Ведану.

– И что?

– Она мертва. И погибла она точно так же, как Дивлян. А теперь подумай своей хмельной башкой: что будет, если люди в княжьем граде начнут умирать как мухи и на губах у каждого из них ты найдешь черную слизь? Что ты скажешь своему начальнику, дознавателю? И что он скажет князю Егре?

Замята взъерошил пятерней волосы и угрюмо посмотрел на Глеба.

– Бава раздавит тебя, как муху, – мрачно изрек он. – А если я пойду с тобой, он раздавит и меня.

Глеб посмотрел дознавателю в глаза и холодно отчеканил:

– Ты слышал обо мне много интересного, Замята. Неужели ты думаешь, что такого человека, как я, так просто убить?

Замята отвел взгляд и нахмурился.

– Люди вечно все преувеличивают, – проворчал он. – Думаю, в рассказах о тебе нет и половины правды.

– Возможно, это и так, – согласился Глеб. – Но как насчет второй половины?

Дознаватель молчал, хмуро поглядывая на гостя и шмыгая длинным носом.

– Соглашайся, Замята, – снова заговорил Глеб. – Тебе даже не придется махать мечом, потому что я все сделаю сам. Кроме того, ты – княжий дознаватель, и охоронцы Бавы тебя не тронут, если ты сам их к этому не вынудишь.

– Ты в этом уверен?

– Я неплохо знаю Баву. Он хорошо умеет просчитывать шансы и не рискует без особой нужды.

В глазах Замяты появилось сомнение. Он явно стал колебаться. Тогда Глеб привел последний веский довод:

– Думаю, я уже убедил тебя, – сказал он, – но чтобы быть в этом совсем уж уверенным...

С этими словами Глеб достал из тугого кошелька две серебряные монеты и положил их на стол.

Замята глянул на монеты и усмехнулся.

– Что я вижу? Ты меня подкупаешь, хитрец?

Глеб кивнул:

– Именно так.

Замята помолчал, потом прищурил темные, хитрые глаза и сказал:

– А ты умеешь убеждать, Первоход. Что ж, я пойду с тобой. Но запомни: рубить мечом я никого не стану.

– Это и не потребуется. Твоя роль будет исключительно мирной. А теперь о деле. Ты знаешь, где сейчас обитает Бава Прибыток?

Замята хмыкнул.

– Конечно. Он живет в главном кружале Порочного града, на втором этаже. Охраняют его двадцать охоронцев, и все они вооружены до зубов.

Глеб удивленно вскинул брови:

– Двадцать?

– Двадцать-двадцать, – с усмешкой кивнул Замята. – Времена нынче темные, и Баве приходится опасаться не только разбойников и князя, но и своих братьев-купцов. А те нынче не прочь вступить в сговор с разбойниками и вместе пощипать тех, у кого в гузне еще остались перья.

Глеб кивнул.

– Ясно. А теперь, приятель, опиши мне тех из охоронцев, кого следует опасаться больше, чем других.

Замята поморщился.

– Я знаю только Тунгира. Это настоящий убийца. В сравнении с ним оборотень – просто волк из детской сказки.

– Убийца? – вскинул брови Глеб. – Ты сказал, убийца?

– Да, – мрачно проговорил Замята. – У меня было несколько дел, в которых упоминалось его имя. Три месяца назад эти отморозки убили купца Чигиря и захватили две подводы с рыбьим клеем и пушниной. Было дознание, но доказать я ничего не смог. А недавно одного из охоронцев Бавы взяли с поличным у трупа молодой девки. Он даже штаны натянуть не успел.

– И как?

Замята дернул плечом:

– Да никак. Пришел Тунгир и обменял охоронца на тугой кошель серебра. Бава Прибыток своих людей не бросает.

– Ну, на этот раз ему придется за многое ответить, – холодно проговорил Глеб.

Он поднялся с лавки, сдернул с гвоздя роскошную соболью шубу и швырнул Замяте.

– Одевайся, дознаватель. Нам пора идти.

Глава вторая

1

Когда Замята вошел в кружало, охоронцы, сидевшие за дубовыми столами, мгновенно повернулись к дверям.

Замята снял с головы мокрую шапку и выбил из нее об колено воду. Затем снова нахлобучил шапку на голову и повернулся к ближайшему охоронцу.

– Где ваш хозяин? – поинтересовался он.

От стойки к нему шагнул высокий широкоплечий охоронец с широкоскулым прокопченным и обветренным лицом и в газарской шапке, увенчанной собачьим хвостом.

– О ком ты спрашиваешь? – спросил охоронец, коверкая звуки на свой, степняцкий, лад.

Замята взглянул на него спокойным, оценивающим взглядом.

– Ты, видимо, Тунгир? Начальник охоронцев?

– Да, я Тунгир, – кивнул смуглый охоронец. – А кто таков ты?

Замята приосанился и сообщил:

– Я княжий дознаватель Замята. Пришел сюда по распоряжению старшего дознавателя Колояра.

Охоронцы продолжали молча и пристально разглядывать Замяту. Тунгир тоже молчал. Тогда Замята заговорил снова:

– Княжий указ предписывает оказывать дознавателю всяческую помощь. Кто откажется помогать, будет брошен в темницу.

– Ты хочешь, чтобы тебе помогали? – вскинул черные, ломкие брови Тунгир. – Но в чем?

– Я ищу беглеца. У нас имеются сведения о том, что его видели в Порочном граде.

Тунгир усмехнулся тонкой, двусмысленной улыбкой степняка.

– В Порочный град приходит много людей, – сказал он. – Кого из них ты имеешь в виду?

– Его называют Глеб Первоход. Каждому, кто увидит этого человека, предписано убить его или связать и доставить в дом княжых дознавателей.

Тунгир переглянулся с одним из охоронцев и сказал:

- Мы об этом знаем.
- И вы готовы мне помочь? – холодно прищурился Замята.
- Конечно.
- Значит, вы не будете мне мешать, если я решу обыскать кружало?

Лица охоронцев вытянулись. Двенадцать пар свирепых глаз уставились на глупого княжьего дознавателя, который решился в одиночку прийти к всесильному Баве Прибытку и вознамерился обыскать его кружало.

Наконец Тунгир угрюмо проговорил:

- Мы не хотим с тобой ссориться, княжий дознаватель.
- Правда? Тогда дайте мне взойти наверх и осмотреться. Вдруг вы прячете у себя Глеба Первохода?

Тунгир усмехнулся. Заухмылялись и другие охоронцы.

– Глеб Первоход не приходил сюда много месяцев, – сказал Тунгир. – Ты уж мне поверь, дознаватель.

Замята дернул уголками губ:

- Я должен верить тебе на слово? С какой стати?

Тунгир прищурил раскосые глаза и сунул руку в карман газарского короткополого кафтана. У Замяты перехватило дыхание. «Конец!» – подумал он и почувствовал, как на лбу выступает испарина.

Однако вместо ножа или кистеня Тунгир достал из кармана кожаный кошель. Замята уставился на кошель и сглотнул слюну.

- Что это? – хрипло спросил он.
- Серебряные дирхемы, – спокойно ответил Тунгир.
- Брови Замяты приподнялись.
- Ты хочешь меня подкупить?

Тунгир покачал головой.

– Нет. Я хочу, чтобы ты поверил мне на слово. – Степняк вынул из кошеля три полновесных дирхема и протянул их Замяте. – Этого хватит?

- Э-э... – Замята взял деньги и кивнул: – Вполне. Но...
- Ассан! – заорал вдруг кто-то из охоронцев.

Тотчас мечи и сабли с лязгом повылетали из ножен. Замята вздрогнул и побледнел, однако взгляды головорезов были устремлены не на него. По лестнице, перескакивая через две ступеньки, взбегал наверх Глеб Первоход.

– Первоход! – крикнул Замята. – Леший вас побери! Я так и знал, что вы его прячете!

Тем временем на пути у Глеба возникли два охоронца с обнаженными саблями. Однако взмахнуть своими саблями убийцы не успели. Одного из них Глеб сшиб плечом и сбросил вниз, другого сбил с ног ударом кулака.

– Айдан газарлы шайтан! – завопил Тунгир, сотрясаясь от гнева.

Но охоронцы уже бежали за Глебом, размахивая саблями и выкрикивая ругательства на языке степняков и диких горцев. Один из них почти настиг Глеба, но тот извернулся и ударил головореза локтем в челюсть. Охоронец вышиб задом перила и грохнулся на дубовый стол.

Глеб в несколько прыжков достиг двери, ведущей в покои Бавы Прибытка, распахнул ее и нырнул внутрь. Он хотел захлопнуть дверь, но Тунгир, влетевший наверх, как птица, уже вбегал за ним следом, размахивая саблями и выкрикивая яростные ругательства.

2

Бава Прибыток, дородный, чернобородый, сидел за столом и обглаживал жареную свиную ногу.

Глеб хотел захлопнуть дверь, но не успел – Тунгир и двое темноликих охоронцев влетели в покои вслед за ним и взмахнули саблями.

– Стоять! – рявкнул на них Глеб.

Дуло ольстры было приставлено к голове Бавы. Купец так и застыл, раскрыв рот и держа в руке полуобглоданную рульку.

– Дернетесь, размозжу ему голову! – холодно проговорил Глеб.

Еще несколько охоронцев вбежали в покои, но Тунгир дал им знак остановиться. Взглянув на Глеба сузившимися и потемневшими от гнева глазами, он спросил:

– Чего ты хочешь, шайтан?

– Вложите сабли в ножны! – приказал Глеб.

Охоронцы уставились на Тунгира – он кивнул. Они нехотя вложили сабли в ножны.

– Теперь выйдите и оставьте нас одних! – приказал Глеб. – Ну!

Глеб вдавил ствол в толстую, бородатую щеку купца. Тунгир посмотрел на Баву. Тот нахмурился и процедил сквозь зубы:

– Делай, как он говорит.

– Но, хозяин...

– Делай! – повторил Бава Прибыток, повысив голос.

Тунгир кивнул, послушно развернулся и дал знак своим головорезам. Те, по-прежнему не произнося ни слова, вышли из покоев вслед за Тунгиром и прикрыли за собой дверь.

Глеб шагнул к двери, накинул на скобы дубовый засов и повернулся к купцу.

– Ну, здравствуй, Бава, – сказал он, опуская ольстру.

Чернобородый купец прищурил темные глаза и угрюмо проговорил:

– Здравствуй, Глеб Первоход. Зачем пожаловал?

– Разговор есть.

Купец положил свиную ногу на тарелку и снова воззрился на Глеба. Взгляд у него был спокойный и холодный.

– Коли убить меня хочешь, так убивай сейчас, – сказал Бава. – Потом можешь и не успеть.

– Убивать я тебя не собираюсь.

Бава Прибыток ухмыльнулся в бороду.

– Благодарствую. Но тебе это уже не поможет. Ты не выйдешь отсюда живым, Первоход.

– Я знаю, – отозвался Глеб.

Он прошел в центр покоев и сел на расписную скамью. Ольстру Глеб положил себе на колени.

Некоторое время мужчины с мрачным интересом разглядывали друг друга.

– А ты изменился, – сказал Бава. – Пополнел, возмужал. К твоему бы лицу мою бороду – осанистый получился бы купец. Видать, хорошо жил в последний год, ел кашу да запивал сладким сбитнем?

– Да, жил неплохо, – согласился Глеб.

– Слыхал, ты заделался огородником. Выращиваешь диковинные растения и продаешь рассаду купцам. Может, и мне у тебя чего-нибудь прикупить?

– Прикупишь. Но сейчас поговорим о другом.

– О чем же? – прищурил темные, непроницаемые глаза Бава Прибыток.

– О Гиблом месте.

Хозяин Порочного града хмыкнул.

– А чего о нем говорить? Туда нынче никто носа не сует. Ходоки все остепенились, пооткрывали лавки да артели. Их туда теперь калачом не заманишь.

– Чего так?

– А то сам не знаешь. Гиблое место переменилось. Прежних троп нет. Нечисть, сказывают, новая появилась. Да такая жуткая, что по сравнению с ней упыри да оборотни – навроде беззубых лягушек.

– Н-да, – задумчиво проговорил Глеб, не спуская глаз с Бавы. – Дурные времена для тебя настали.

– Да уж, – скорбно скривился тот. – Порочный град совсем опустел. Смотреть здесь нынче не на что. А помнишь, какие битвы мы с тобой устраивали в прежние времена? Оборотни против волколаков! Упыри против кишенской нелюди! На это стоило посмотреть!

Бава усмехнулся, чуть склонился вперед, нависнув широкой грудью над столом, и доверительно сообщил:

– Говорят, новая нечисть прежнюю пожрала.

– Да ну? – «удивился» Глеб. – А что за новая нечисть?

Бава нахмурился и ответил со вздохом:

– Того никто не ведает. За последний год только два человека из Гиблого места живыми вернулись. Да и те опосля померли.

– Охотник Вислоус и ходок Дивлян?

Бава кивнул.

– Угу. А перед ними ходили в Гиблое место сыновья Колояра Хромого. Вислоус в бреду говорил, что видел в чащобе их трупы. Все четыре висели на дереве с ободранной кожей. Ужас!

Глеб нахмурился.

– Бава, давай начистоту, – сухо проронил он. – Я знаю, что Дивляна в Гиблое место послал ты.

Чернобородый купец вздохнул и смиренно произнес:

– Каюсь, послал. Думал, он мне парочку оборотней словит.

– Словил?

Хозяин Порочного града махнул рукой.

– Какое там. Пустой пришел. – Бава дрогнул черными, как вороньи крылья, бровями и тягостно вздохнул: – Ох-хо-хо... Еще месяц-два такой жизни, и совсем разорюсь.

Несколько секунд Глеб молчал, разглядывая мясистое лицо купца, затем сказал:

– Врешь ты, Бава.

– Ась? – вздернул брови тот.

– Не за оборотнями ты Дивляна посылал.

– Вот тебе на! – удивился купец. – А за чем же?

– А это ты мне скажи.

Бава подергал себя пятерней за бороду, темнея лицом.

– Послушай, Первоход, – грозно начал он, – я...

Глеб взял с коленей ольстру и наставил ее на Баву.

– Я пришел узнать правду, а не слушать твои враки, – холодно заявил он.

Купец покосился на ольстру, сглотнул слюну и сказал:

– Убьешь меня – отсюда не выйдешь.

Глеб дернул плечом:

– Да мне плевать.

– На жизнь свою плюешь? – Бава усмехнулся и покачал головой. – Не поверю.

Глеб взвел курки и холодно прищурился.

– Ты, я вижу, совсем забыл, с кем имеешь дело.

Лицо Бавы переменялось. Теперь перед Глебом сидел не добряк-купец, жалующийся на жизнь, а хладнокровный, сильный и лютый человек-рвач, способный свернуть шею противнику собственными руками.

Бава взглянул на черное дуло ольстры, перевел взгляд на Глеба и процедил сквозь зубы:

– Надеюсь, я еще сегодня увижу, как ты сдохнешь.

– А я надеюсь посмотреть сегодня вечером запись матча «Арсенал» – «Челси», – сказал Глеб. – Но чего в нашем мире стоят надежды?

Они долго молчали, глядя друг другу в глаза. Наконец Бава Прибыток вздохнул и сказал:

– Ладно. Твоя взяла, ходок. Не убивай меня. Я все тебе расскажу.

Глеб недоверчиво прищурился.

– Ну? Я жду.

– Только сперва опусти ольстру. Не смогу говорить, пока она на меня смотрит. Опустит-опустит. Она ведь все равно останется у тебя в руках.

Глеб секунду или две раздумывал, потом опустил обрез. Это было ошибкой. Стоило Глебу на мгновение расслабиться, как Бава вскочил с места и одним рывком опрокинул на Глеба стол со всем, что на нем стояло.

В ту же секунду чернобородый купец метнулся к двери с такой быстротой, какую нельзя было даже предположить в его дородном теле. Достигнув двери, он быстро сорвал засов и отшвырнул его в сторону.

Глеб вскочил на ноги, скинул ольстру и выстрелил. Ворвавшийся в комнату Тунгир упал на пол с простреленным бедром и взвыл от боли.

Глеб, не теряя ни секунды, ринулся вперед. Выскочив из покоев Бавы Прибытка, он выстрелил в толпу вопящих от ярости охоронцев, прыгнул на перила, скатился по ним вниз, ударил ногой в грудь подбежавшего головореза, сшиб еще одного ударом приклада и бросился к двери.

Еще дважды Глебу пришлось выстрелить из ольстры, расчищая себе путь, прежде чем он добрался до двери, ведущей на улицу, и распахнул ее.

В левое плечо что-то толкнулось, а вслед за тем всю руку от плеча и ниже обдало нестерпимым жаром. Глеб вскрикнул, выхватил из кармана бомбу и резко швырнул ее через плечо.

Взрыв потряс стены кружала, но Глеб уже был далеко. Он добежал до коновязи, быстро отвязал каюрую лошадку, взятую напрокат у Ненаша Лысого, вскочил верхом и, с места рванув в галоп, поскакал прочь от кружала, выбивая искры из мерзлой, твердой, как камень, земли.

3

Взрезав рукав шерстяной подстежки, Рожена внимательно осмотрела рану и торчащий из нее обломок древка.

– Кто это тебя так? – тихо спросила она.

– Нашлись добрые люди, – угрюмо ответил Глеб.

– Нужно извлечь стрелу и зашить рану, – сказала девушка, сдвинув брови. – Это будет очень больно.

– Ничего, я потерплю. Божена! – окликнул он вторую девушку. – У вас есть водка?

– После Дивляна немного осталось. Мы берегли ее, думали продать. Я сейчас принесу.

– Чего ждешь, милая? – спросил Глеб у Рожены, натянуто улыбнувшись. – Доставай свою стрелу.

– Может, ты сначала выпьешь? – неуверенно проговорила та.

Глеб вытер потный лоб рушником и покачал головой.

– Нет. Доставай так. Не могу спокойно смотреть на эту дрянь, торчащую у меня из плеча.

– Как скажешь, Глеб.

И Рожена взялась за древко. Боль была дикая. Глеб прикрыл глаза и сцепил зубы, чтобы не застонать.

– Ну, как там? – спросил он, немного подождя.

– Почти вытащила. Потерпи еще чуток.

– Ты особо не торопись, – съязвил, усмехнувшись обескровленными губами, Глеб. – Дай насладиться моментом.

Рожена не отозвалась. Секунда... Другая...

– Готово, – выдохнула девушка, отшвырнув стрелу и зажав Глебу рану смоченным в лекарском рассоле рушником.

Глеб открыл глаза и уставился на плечо.

– Кровь еще идет? – спросил он.

Рожена отняла рушник и удивленно качнула златокудрой, красивой головой.

– Нет. Божена, посмотри!

Божена подошла к сестре, протянула Глебу глиняную кубышку с водкой и уставилась на рану.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – тихо спросила она сестру.

Та кивнула:

– Да.

Глеб вынул пробку из крынки, хлебнул водки, поморщился и спросил:

– Что вы там увидели, красавицы?

Сестры переглянулись.

– Все хуже, чем мы думали, Первоход, – сказала, хмуря красиво очерченные брови, Рожена.

– Да о чем вы говорите? – нервно вскинул брови Глеб.

Божена коснулась пальцами его губ и мягко проговорила:

– У тебя посинели веки, Первоход. А на губах выступила пена.

– Правда? – Глеб ошалело нахмурился. – И что это, черт возьми, означает?

Божена хотела ответить, но Рожена ее опередила:

– Стрела была отравлена, Глеб, – сказала она.

По лицу Глеба пробежала тень. Вот оно что! Проклятые дикари мажут свои стрелы ядом. И княжий указ им нипочем. Он взглянул Рожене в глаза и хрипло спросил:

– И что теперь? Я умру?

Сестры снова переглянулись, и это неожиданно разозлило Глеба.

– Хватит переглядываться! – гаркнул он. – Говорите прямо: что со мной будет?

Божена побледнела, а Рожена глянула на Глеба из-под нахмуренных бровей и сказала:

– Это яд лиловой кишенской ящерицы. Ты не помер сразу, значит, у тебя крепкое тело.

Но это еще хуже.

– Хуже? – На скулах Глеба заиграли желваки. – Ты можешь объяснить толком – почему это хуже?

– Первые дни тебя будет мучить страшная боль, – тихо ответила Рожена. – В конце концов боль начнет сводить тебя с ума. Ты невзлюбишь весь мир, человеческие лица станут тебе ненавистны. Душа твоя наполнится яростью и злобой, и ты станешь опасен для людей, как бешеная собака. Ты захочешь убивать. И будешь убивать.

Глеб усмехнулся:

– Ну, думаю, со своей кровожадностью я как-нибудь справлюсь.

Сестры переглянулись в третий раз.

– Мы не видели ни одного, кто бы с этим справился, – сказала Рожена. – Но это не самое страшное. Ярость продолжит распирать тебе нутро. И на пятый или шестой день ты возненавидишь самого себя.

Глеб сделал попытку улыбнуться.

– Вообще-то я и сейчас от себя не в восторге. Но ничего, живу.

– Ты захочешь себя убить, – сказала Божена с грустью. – Но не просто убить, а...

Она замолчала, не в силах довершить фразу. Глеб прищурил покрасневшие глаза.

– Что? Договаривайте!

Божена молчала, не зная, как продолжить, и тогда за нее продолжила Рожена:

– Мы знали одного парня, который отравился ядом лиловой ящерицы. Три дня он ходил по городу и убивал людей. А потом заперся у себя в доме, взял тесак и отрубил себе пальцы на левой руке. Потом стал рубить пальцы на ногах и кромсать свое тело. Он разделял себя на куски, как свиную тушу, швырял куски мяса в окно и смеялся, глядя на то, как их обглаживают дворовые псы.

При этих словах молчавшая Божена глубоко и прерывисто вздохнула и прижала руки к

груди.

– Весело, – мрачно проговорил Глеб. – А как насчет противоядия?

– Противоядия нет, – ответила Рожена.

Глеб перевел взгляд на другую сестру:

– Божена?

– Его нет, Глеб, – подтвердила та. – Разве что...

Она вновь замолчала и закусила губу.

– Что? – насторожился Глеб.

Божена покосилась на сестру и неуверенно заговорила:

– Видишь ли... Дивлян рассказывал, что в Гиблом месте есть источники с мерцающей водой...

– Я встречал их, – сказал Глеб, усмехнулся и с горечью добавил: – Нет, сестренки, мерцающая вода не поможет при отравлении. Уж вы мне поверьте.

– При другом отравлении – нет, – согласилась Божена. – Но против яда лиловой ящерицы мерцающая вода помогает. Дивлян сам пробовал.

Глеб недоверчиво прищурился:

– Ты уверена?

– Да.

– Дивлян наступил на лиловую ящерицу в Кривой балке, – объяснила Рожена. – Он думал, что уже не выберется, но набрел на источник с мерцающей водой. Терять ему было нечего, и он решил попробовать.

– Хворь оставила его, – сказала Божена мягким голосом. – Яд вышел через кожу. Это было очень больно, но Дивлян исцелился.

– Беда лишь в том, что в Гиблое место никто нынче не ходит, – сказала Рожена. – Да и неизвестно, осталась ли там мерцающая вода. Дивлян говорил, что Гиблое место не то, что прежде.

Боль усиливалась, однако Глеб не подал виду, чтобы не напугать сестер. Он через силу улыбнулся и сказал:

– Ладно, сестренки. Я что-нибудь придумаю.

Божена взглядела в его побелевшее лицо и побледнела сама.

– Тебе очень больно? – тихо спросила она.

– Терпимо. – Глеб достал из кармана шерстяной поддевки кошель, вынул две серебряные монеты и положил на стол. – Это вам. За помощь. И за водку. Я знаю, как нынче дорога она.

Сестры переглянулись.

– Первоход, – нахмурившись, заговорила Рожена, – ты не должен...

– А, перестань, – дернул щекой Глеб. – Это не последние мои деньги. И вообще: я отравлен ядом лиловой ящерицы, поэтому не вздумай со мной спорить. Теперь перевяжите меня покрепче, и я пойду.

Рожена смазала рану заживляющей мазью, затем быстро и ловко наложила Глебу на плечо повязку.

– Ну, вот, – сказала она. – Рана скоро затянется.

Глеб поднялся с лавки и снял с гвоздя охотничью куртку.

– Ты уходишь? – удивилась Божена.

Он кивнул:

– Да.

– Глеб, мы... – Божена замолчала и тревожно посмотрела на сестру.

– Что? – спросил Глеб, натягивая куртку.

Тогда заговорила Рожена:

– Первоход, если хочешь, ты можешь остаться здесь на ночь.

– На ночь?

Божена покраснела, а Рожена объяснила в своей обычной сдержанной манере:

– Ты мужчина, а мы женщины. И если ты захочешь, то сможешь...

Глеб не поверил своим ушам.

– Что-то я не понимаю, куда вы клоните, – проговорил он.

Божена смело взглянула Глебу в глаза и положила руку ему на плечо.

– Мы знаем, что мы уродливы, – сказала она. – Но в постели наша кривобокость незаметна. И если ты допьешь водку и закроешь глаза, мы с Роженой...

– Даже не думайте об этом! – резко перебил ее Глеб.

– Я же тебе говорила, что он не согласится, – сухо сказала Рожена. – Мы уродины и никогда не станем иными.

Глеб взглянул на красивое, словно выточенное из мрамора гениальным резчиком лицо Рожены и едва удержался от усмешки – так нелепы были ее слова.

– Да не в этом дело, – сказал он. – На мой взгляд, вы настоящие красавицы, но...

– Тебе незачем это говорить, – гордо возразила Рожена. – Мы с сестрой не нуждаемся в утешении.

– Да нет, я не вру! – горячо заверил ее Глеб. – Я в самом деле считаю вас красавицами. Ваша красота не та, к которой привыкли здесь. Она слишком изысканна и... хрупка.

– Ты говоришь про нашу худобу? – прищурилась Рожена.

Глеб мотнул головой:

– Вы вовсе не худы! Там, откуда я прибыл, многие женщины отдадут все, что угодно, чтобы быть такими же стройными, как вы.

– И все же ты не хочешь провести с нами ночь?

Глеб вздохнул.

– Рожена, Божена, – терпеливо начал он, – я бы считал себя самым счастливым человеком на свете, если бы провел с вами ночь. Но дело в том, что у меня уже есть любимая девушка. И сегодняшнюю ночь я надеюсь провести с ней. – Глеб усмехнулся и с горечью добавил: – Если, конечно, здоровье позволит.

Сестры переглянулись.

– Глеб, – неуверенно заговорила Божена, – мы не хотели тебе говорить, но...

Она замолчала и взглянула на сестру, ища у нее поддержки.

– Дивлян рассказывал нам про девушку-нелюдя, с которой ты спутался, – сказала та. – Дивлян говорил, что ты ее любишь. Но теперь она с Белозором.

– Глеб, она очень плохая, – с чувством произнесла Божена. – Многие боятся ее больше, чем самого Белозора.

Глеб нахмурился и сухо проговорил:

– Сестренки, оставим этот разговор.

– Но...

– Оставим, – повторил Глеб жестко.

Рожена замолчала. Глеб взглянул на расстроенные лица девушек и смягчил тон.

– Благодарю вас за помощь, – сказал он. – Без вас я бы пропал. Клянусь, я сделаю все, чтобы найти убийцу вашего брата. И... Одним словом, пусть боги благоволят вам во всем!

Глеб, не ожидая ответных слов, подхватил с лавки пояс с ножнами и кобурой и поспешно выскочил из комнаты.

Покинув сестер, Глеб не вышел со двора, а обошел дом и, швырнув собакам остатки засохшей баранки, пробрался к мусорным коробам. Здесь он без труда отыскал берестяные туески Дивляна и за десять минут наскреб с их стенок щепоть бурой пыли вперемешку с кусочками коры.

Этого должно было хватить, чтобы справиться с невыносимой болью, прожигающей его плечо, подобно раскаленному в кузнечном горниле кинжалу.

– Ничего, Дивлян, – пробормотал Глеб сквозь стиснутые зубы, убирая туесок с бурой пылью в карман охотничьей куртки. – Ничего. У меня есть еще пара дней до того, как боль сведет меня с ума. И я узнаю, кто тебя убил. Чего бы мне это ни стоило.

Бурая пыль помогла. Боль утихла, жар спал, и мысли прояснились. Когда на рассвете в дверь тихо постучались, Глеб был почти в норме.

Он вскочил с постели, шагнул к двери и распахнул ее. На пороге стояла Диона.

– Ты все-таки пришла! – выдохнул Глеб.

Диона улыбнулась:

– Да, пришла. Я не хотела, но... Глеб, я ничего не смогла с собой поделать.

– Входи же!

Диона переступила порог, Глеб закрыл дверь и накинуд щеколду. Затем повернулся к Дионе и заключил ее в объятия. Потом провел ладонью по ее мягким темным волосам и хотел сказать что-нибудь ласковое и нежное, но вдруг осекся, закусил губу и побледнел.

– Что с тобой, Глеб? – тревожно спросила Диона.

– Подожди... Я сейчас.

Глеб зашел за печку, вынул из кармана куртки березовый туесок, высыпал на ладонь бурый порошок и слизнул его языком. Затем проглотил и на мгновение закрыл глаза. Ему вдруг показалось, что мир изменился. Теплое течение подхватило его и понесло в сказочную страну. В страну, где нет ни боли, ни забот, ни страхов.

Глеб улыбнулся. После первой дозы он не почувствовал ничего, кроме того, что боль ушла. А теперь... Так вот как это работает! Неплохо.

Глеб спрятал туесок обратно в карман, откинул с лица прядь волос и вернулся к Дионе.

Диона сидела на лавке с задумчивым лицом. Шубейку она сняла, оставшись в расшитой бисером вогульской рубашке. На столе перед ней стоял запечатанный кувшинчик.

– Что это? – спросил Глеб, кивнув на кувшин.

Диона улыбнулась уголками губ.

– Византийское вино. Очень хорошее.

– Гм... – Глеб перевел взгляд на Диону и уточнил: – Но ведь это так дорого?

– Это очень вкусно. – Диона лукаво прищурилась. – У меня есть знакомый купец, который делает мне скидку.

– Скидку? – Глеб нахмурился, отчего между его бровей пролегла резкая поперечная морщина. – И за какие заслуги? Или следует говорить об *услугах* ?

Глеб замолчал и пожалел о сказанных словах. Он думал, что Диона вскочит и уйдет, но она не ушла. Она чуть склонила голову набок и посмотрела на Глеба долгим, грустным взглядом.

– Диона, – неуверенно заговорил Глеб, – прости, что я...

– Я заслужила эти слова, – проронила она спокойно. – Пока тебя не было, я наделала много бед. Но я больше не хочу... – Она замолчала и молчала несколько секунд, кусая губы, потом тихо сказала: – Я хочу быть достойной тебя, Глеб. И если ты меня не прогонишь...

Глеб не дал Дионе договорить. Он присел рядом, порывисто обнял ее и поцеловал в губы.

Диона закрыла глаза. Она почувствовала, как губы Глеба прижимаются к ее губам, как его сильные руки обнимают ее, и прильнула к нему всем телом.

Пальцы Глеба расстегнули рубашку Дионы, его губы заскользили по ложбинке между ее грудей.

– От тебя пахнет цветами, – хрипло прошептал Глеб. – Этот запах сводит меня с ума.

Диона улыбнулась, не открывая глаз.

– Я умылась водой, заваренной на высушенных травах и цветах, – сказала она. – Целуй меня крепче, Глеб. Прошу тебя – целуй меня крепче...

Губы Глеба целовали Диону, а его руки, ловкие и умелые, раздевали ее. Диона закусила губы и поежилась от сладкой истомы. Терпеть больше не было сил. Диона притянула Глеба к себе и хрипло прошептала:

– Войди в меня...

Когда он сделал это, она вздрогнула и задрожала. Затем обвила его руками и ногами и изо всех сил прижала к себе.

– Да... – шептала она. – Да... Да...

Когда он взорвался внутри нее, ей показалось, что она падает в пропасть, и у нее захватило дух.

Полчаса спустя они лежали в постели. Свет из приоткрытых ставней падал Дионе на лицо. Она лежала раскрытая, откинув одеяло, и тяжело дышала. Ложбинка между грудей вспотела, искусанные губы слегка припухли и потемнели.

– Я уже забыла, как хорошо быть с мужчиной, – тихо проговорила она. – Ответь мне: почему мы сделали это только сейчас?

Глеб улыбнулся и пожал плечами.

– Не знаю. Наверное, потому что я был полным дураком.

Он протянул руку и взял с комода берестяную коробку с самокрутками. Вынул одну, сунул в губы и щелкнул зажигалкой, высекая пламя.

– Для чего ты это делаешь? – спросила Диона, глядя на то, как он пускает дым.

Глеб усмехнулся.

– Привычка. У меня на родине многие курят.

– Для чего?

– Ну... – Глеб пожал плечами. – Не знаю. Это успокаивает.

Диона протянула руку:

– Дай мне! Я тоже хочу попробовать.

Глеб отвел руку с самокруткой и покачал головой.

– Нет, Диона. Это очень вредно. Дым попадает человеку в легкие и съедает их.

– Правда? – Она сдвинула брови. – Тогда я не хочу, чтобы ты курил.

Быстрым, точным движением она вырвала сигарету из пальцев Глеба, повернулась к столу и сунула ее в кружку с недопитым вином.

Глеб вздохнул и примирительно проговорил:

– Ладно, пусть будет, как ты хочешь.

Диона провела пальцем по повязке, стягивающей плечо Глеба, и спросила:

– Ты так и не сказал, откуда это?

– Один идиот, практикуясь в стрельбе из лука, спутал меня с деревом, – небрежно ответил Глеб. – Но не беспокойся, рана несерьезная, и она почти затянулась.

Диона сдвинула брови и тихо проговорила:

– Глеб, я видела на твоих губах бурую пыль.

– Вот как? – Он усмехнулся. – Ну, хорошо. Ты меня раскусила. Плечо действительно болит, и бурая пыль помогает мне справиться с болью.

– Бурая пыль опасна.

– Я знаю! – отозвался Глеб чуть резче, чем было нужно. Поняв, что переборщил, он улыбнулся и добавил, смягчив тон: – Не стоит переживать. Правда. Через пару-тройку дней боль уйдет.

«Главное, чтобы мне хватило бурой пыли», – добавил Глеб про себя.

Диона вгляделась в его лицо, и веки ее тихонько дрогнули. «Уж не читает ли она мои мысли?» – встревожился Глеб, но тут же прогнал от себя это предположение как вздорное. На ладонях у Дионы больше не было этих чудовищных глаз. От них остались лишь шрамы. А вместе с глазами она утерьяла и дар вещуны. Опасаться нечего.

Диона провела пальцем по губам Глеба, нежно поцеловала его в грудь и попросила:

– Расскажи мне о княжестве, из которого ты прибыл.

Глеб улыбнулся:

– Ну... Даже не знаю, с чего начать. Во-первых, оно очень большое.

– Как называется это княжество?

– Россия.

Диона нахмурила черные брови, затем качнула головой и сказала:

– Я никогда о таком не слышала. Оно такое же большое, как Болгарское царство?

– Да. И даже больше.

– А как называется твой город?

– Мой город называется Москва.

– Москва, – тихо повторила Диона. – Странное слово. Не сразу и выговоришь.

– Правда? – Глеб улыбнулся. – А я и не замечал. Должно быть, привык.

– Должно быть, так. А твой город красивый?

Глеб погладил Диону по черным, отливающим синевой волосам и кивнул:

– Очень. Дома там сплошь белокаменные и такие высокие, что подпирают кровлей небо. По улицам там разъезжают самоходные телеги, которым не нужны кони. А среди облаков летают огромные железные птицы, которые переносят людей туда, куда тем вздумается. Чтобы поговорить друг с другом, людям не нужно выходить из дома. Волшебная трубка позволяет им беседовать, даже когда они находятся на разных концах княжества. По вечерам люди ходят в кружала, где им предлагают самую изысканную еду, которую железные птицы приносят из заморских стран. А еще там есть кино.

– Кино? И что же это такое?

– Ну, это... – Глеб наморщил лоб. – Даже не знаю, как тебе объяснить. По белому натянутому полотну ходят тени людей, неотличимые от самих людей, и показывают разные истории.

Диона взглядела в лицо Глеба и вдруг засмеялась.

– Либо в твоей стране слишком много чародеев, либо ты выпил слишком много вина! – сказала она. – Может, ты и сам чародей?

Глеб качнул головой:

– Не совсем. Но кое-какие чудеса совершать умею.

– Два чуда ты уже совершил, – игриво проговорила Диона. – Может, попробуешь еще раз?

– Конечно! И обещаю тебе, что третий раз будет не последним!

Глеб повернулся к Дионе и стал нежно целовать ее губы, шею, ключицы, грудь, спускаясь все ниже и ниже. Когда губы его нашли то, что искали, Диона застонала и выгнулась дугой. Она закрыла глаза и, запустив пальцы в густые волосы Глеба, прижала его голову к своему животу...

* * *

Проснулась она внезапно, словно кто-то ее окликнул. Открыла глаза и сперва не поняла, что произошло. Повернула голову и взглянула на Глеба.

Серый вечерний свет пробивался сквозь щель в ставнях и падал Глебу на лицо. Ходок спал, хмурая во сне брови. Диона поднесла руку к носу. Затем взглянула на пальцы. Вот оно что – у нее пошла носом кровь. Ничего страшного, если только... Диону обдало ледяной волной ужаса.

Кровь на пальцах была черная, похожая на грязную болотную жижицу. Кроме того, что-то было не в порядке с ее лицом. Правая щека словно бы онемела. Диона подняла руку и осторожно прикоснулась пальцами к щеке. Пальцы наткнулись на твердый нарост.

– О, боги! – беззвучно прошептала Диона, чувствуя, как сердце сжалось в груди от ужаса.

В голове забились мысли: *«Глеб не должен увидеть меня такой!»*

– Соберись! – тихо приказала себе Диона и попыталась успокоиться. Это удалось.

Она выскользнула из-под одеяла, опустила ноги на пол и бесшумно поднялась с кровати.

«Только бы он не проснулся!»

Одеваясь, Диона то и дело бросала на спящего ходока быстрые, тревожные взгляды. Но Глеб, утомленный бессонной ночью и любовной игрой, спал крепко.

– Боги, храните его! – шептала Диона одними губами. – Не дайте ему пропасть!

Одевшись, она вынула из кармана шубки полотняный мешочек с бурой пылью, который прихватила у Белозора перед бегством. Этот мешочек должен был обеспечить им с Глебом сытое и беспечное будущее.

На цыпочках подошла к комоду и положила на него мешочек. Затем повернулась и тихо двинулась к двери. У двери на мгновение замерла, глядя на Глеба, словно пыталась получше его запомнить, потом осторожно отомкнула засов, приоткрыла дверь и быстрой тенью выскользнула вон.

5

Глеб проспал до вечера. Проснувшись и не обнаружив Диону в постели, он приподнял с подушки голову и негромко позвал:

– Диона! Милая, где ты?

Ответа не последовало.

– Диона! – снова позвал он, чуть повысив голос.

Протерев глаза, Глеб огляделся. Дионы в комнате не было. Ее одежды тоже. В груди у Глеба засадила, заухала жутковатая пустота.

– Ушла, – тихо пробормотал он. – Так я и знал.

Глеб, не глядя, сгреб с комода коробку с самокрутками, вытряхнул одну и вставил в рот. Он чувствовал раздражение и досаду. Выходит, он был прав, когда предполагал, что время, проведенное с Белозором, не прошло для Дионы даром. Она и впрямь изменилась. Только вот далеко не в лучшую сторону.

Глеб прикурил от зажигалки и мрачно усмехнулся.

Что ж, этого и следовало ожидать. А он-то идиот, разнюнился. Размяк. Рассопливился. Почувствовал себя *нормальным человеком*. Еще чуть-чуть, и предложил бы ей «руку и сердце».

Слава богам, ее уход все расставил по своим местам. Диона вернулась к Белозору, это факт. Винить ее за это, конечно же, не стоит. Какого черта ей связывать свою жизнь с человеком, за которым охотятся и князьи псы, и дикари Бавы Прибытка, и еще черт знает кто?

А Белозор Баска – красавец! Баловень жизни и фактический хозяин города. Ему подвластно все вокруг.

Одно непонятно: зачем она приходила к Глебу? Из жалости? Из любопытства?.. А может быть, хотела сравнить его с Белозором? Если так, то выбор явно оказался не в его пользу.

Чертовы бабы!

Глеб повернулся и вмял окурок в оловянное блюдечко, стоявшее на комод. Взгляд его упал на небольшой полотняный мешочек. «Что еще за новости?» – нахмурившись, подумал он.

Ослабив тесьму, стягивающую горловину мешочка, Глеб сунул внутрь палец и еще до того, как вынул его обратно, понял, что сейчас увидит. Бурая пыль. Ну, конечно!

«Откупились! – с холодной усмешкой подумал Глеб. – Пожалуй, это первый раз, когда женщина платит мне за оказанные услуги».

Он сжал мешочек с бурой пылью в пятерне и хотел запустить им в стену, но боль, пронзившая раненое плечо, заставила его одуматься. Что ж, у него нет Дионы. Но у него есть бурая пыль.

– Нет худа без добра, – пробормотал Глеб сквозь стиснутые зубы и холодно рассмеялся.

* * *

Ночь выдалась морозной. Шагая по темной улице и небрежно отбиваясь подобранной палкой от бродячих собак, Глеб думал о нескольких вещах сразу. Вернее, думал он о ходоке Дивляне, но где-то там, на периферии сознания, все время крутилась мысль о Дионе, о ее странном посещении и не менее странном уходе.

Свободная рука Глеба, опущенная в карман, сжимала мешочек с бурой пылью.

– Эй, касатик! – услышал он вдруг старческий голос.

Глеб остановился и повернул голову на голос. В паре шагов от него стояла низенькая, тощая старуха с сучковатой палкой в руке.

– Тебе чего? – грубо осведомился Глеб.

– Не поможешь ли?

– В чем?

Старуха сделала шаг к Глебу, улыbnулась и сказала:

– Бабкой Потворой меня кличут.

– Вот как? И чего тебе нужно, бабка Потвора?

Старуха быстро огляделась по сторонам, вытянула голову к Глебу и проговорила хриплым шепотом:

– Девка нужна?

– Девка? – Глеб прищурил недобрые глаза. – Так ты сводня? – догадался он.

Старуха ухмыльнулась.

– Можно и так сказать. Я в Хлыни всех девок знаю, касатик. Любую могу сосватать. А коли не хочешь свататься, то могу и так привести. Времена нынче тяжелые да голодные, а кушать хочется всем.

– Прости, бабуля, но мне сейчас не до девок.

Глеб хотел пройти мимо, но старуха преградила ему дорогу и торопливо произнесла:

– Не хочешь девку, так дай погадаю!

– Не хочу я твоего гадания, – раздраженно проговорил Глеб. – Дай пройти.

Однако старуха оказалась стойкой.

– Тогда помоги, чем можешь, – сказала она требовательным голосом. И добавила, сменив тон на елейный: – Всю ночь за тебя буду молиться, касатик! Все коленки сотру, а вымолю у богов для тебя удачу!

– Ты настоящая заноза, – с усмешкой проговорил Глеб. Он достал из кармана кошелек, вынул медяшку и протянул старухе. – Держи.

Бабка Потвора протянула узловатые пальцы и вдруг схватила Глеба за запястье, да так крепко, что он едва не вскрикнул от боли.

За спиной у Глеба раздался шорох. Он оглянулся, но в ту же секунду в глазах у него вспыхнуло, и мир вокруг стал стремительно темнеть.

– Прости, касатик, – прозвучал в его угасающем сознании насмешливый голос старухи. – Времена нынче тяжелые, а кушать хочется всем.

Последнее, что Глеб увидел перед тем, как потерять сознание, это две обветренные, морщинистые рожи, склонившиеся над ним. Последнее, что почувствовал, – то, как чьи-то ловкие пальцы умело обыскивают его карманы.

...Придя в себя, Глеб приподнял ушибленную голову и зашипел от боли. Затем осторожным движением ощупал затылок, пытаясь оценить «масштаб разрушений». Шишка была внушительная, и ссадина довольно глубокая, однако череп был цел, а это главное.

Глеб сел на снег. Поддрагивающими пальцами вынул из кармана охотничьей куртки берестяную коробку с самокрутками, достал одну и сунул в рот. Посидел так немного, посасывая незажженную самокрутку и постепенно приходя в себя. Затем, борясь с головокружением, поднялся на ноги.

Осмотрел пояс, кобуру и ножны. К удивлению Глеба, меч и ольстра были на месте. Видимо, грабители побоялись к ним прикасаться, посчитав их нечистыми, заговоренными вещами.

– Да здравствуют язычники, – хмуро пробормотал Глеб и принялся проверять карманы.

Мешочка с бурой пылью в кармане штанов не было. Однако воры слишком торопились и, схватив мешочек, не заметили, что тот уцепился за сухой клочок порванной оленьей кожи. От рывка мешочек порвался, и часть бурой пыли просыпалась в карман.

Глеб осторожно и бережно сгреб остатки пыли в кучку. На ощупь получалось не больше двух щепотей. Этого должно хватить на пару-тройку хороших доз.

Не нашли грабители и небольшой кошелек, который Глеб хранил в тайном кармане, пришитом к шерстяной поддевке. Видать, сильно торопились.

Глеб перевел дух, поднял с земли шапку и нахлобучил ее на голову. Больше никаких мыслей о Дионе! Пора заняться делом.

6

Ярко полыхал небольшой костерок. Вокруг него сидели на волглых бревнах, грея над огнем руки, бродяги.

– Старики рассказывали, хорошо было в старину, – тихо сказал один. – Дешевле, сытнее, благообразнее. По деревням мужики с бабами хороводики водили. На посадах народ жирел от лени. О разбоях не слыхивали. Эх, были времена, да прошли!

– Да-а, – вздохнул другой. – Было времечко. А нынче-то человек человеку – волк.

– Лет через сто, чай, и людей-то нормальных не останется, – глядя на огонь, с горечью проговорил третий. – Одни убивцы да грабители.

– Да хватит вам причитать-то! – весело сказал четвертый, совсем еще молодой парень в рваном полушубке и грязной суконной шапке, надвинутой на глаза. – На наш век добрых людей хватит, а там – хоть трава не расти.

Парень хотел добавить еще что-то, но тяжелая рука опустилась ему на плечо, и грубоватый голос поприветствовал:

– Здорово, Пичуга!

Парень вздрогнул и задрал голову.

– Первоход! – выдохнул он.

– Он самый. Давай-ка отойдем в сторонку. Разговор есть.

Пичуга и рад был бы не идти, но сильная рука взяла его за шиворот, поставила на ноги и увлекла за собой.

Отведя Пичугу на десяток шагов от костра, Глеб остановился и выпустил ворот драной шубейки парня из сильных пальцев.

Бродяга втянул голову в плечи и опасно огляделся по сторонам, будто ожидал какого-нибудь подвоха. Затем взглянул на Глеба и сказал:

– Давненько тебя не было в наших краях.

– Да, – согласился Глеб. – Пришлось попутешествовать. Ну, а как ты? Все нищенствуешь?

Пичуга усмехнулся:

– А куда ж я денусь.

– И как заработок?

Парень вздохнул:

– Плохо. Народ нынче стал бедный да прижимистый. Куска хлеба не допросишься, не говоря про медяшку.

– Не прибедайся, Пичуга, – с сухой усмешкой проговорил Глеб. – У тебя дела идут неплохо даже в голодную пору.

– С чего это ты взял? – насторожился бродяга.

– Да нога у тебя, я вижу, новая.

Пичуга покосился на свою деревянную ногу и сказал оправдывающимся голосом:

– То мне плотник Шкряба за бесценек сладил.

– Да ну? – Глеб хмыкнул. – За бесценок? И чего это он стал такой добрый?

– Так ведь задолжал он мне, – развязно сообщил Пичуга. – Еще с тучных времен. Вот

деревяшкой и откупился.

Глеб сдвинул шапку на затылок и, насмешливо прищурившись, взгляделся в лицо бродяги.

– Значит, ты теперь в этой части города пажити обедаешь, – скорее констатировал, чем спросил он. – И давно ли?

– Да уж с месяц. А что?

– Ничего. Дивляна-ходока знал?

Пичуга задумался – по всей видимости, решая, что будет выгодней, сказать правду или соврать. В конце концов решил, что правда может принести большую прибыль, чем ложь, и кивнул.

– Ну, знал. А ты почему спрашиваешь?

– Он на постоялом дворе у Дулея Кривого обитался, так?

– Ну, так. А тебе зачем...

– Один?

– Чего? – не понял Пичуга.

– Один, говорю, обитался или с кем-то?

Бродяга наморщил лоб и пожал плечами:

– Да не помню я. А что стряслось-то? На что тебе Дивлян?

– Дивлян мне не нужен, – сказал Глеб. – Мне нужен тот, с кем он делил кров. А теперь отвечай мне, Пичуга, и помни, что от твоего ответа будет зависеть твоя жизнь. Сегодня я очень злой, а когда я злой, то не ведаю, что творю, и легко могу спутать человека с упырем. Ты ведь знаешь, что я делаю с упырями?

Пичуга опасливо поежился.

– Да это каждый в Хлыни знает. Говорят, ты убил упырей и оборотней больше, чем все другие ходоки, вместе взятые.

– Верно, – кивнул Глеб. – Помни об этом и отвечай мне: с кем жил Дивлян?

Пичуга несколько секунд молчал, обдумывая дальнейшую линию поведения, и потом стрельнул на Глеба лукавым взглядом и сказал:

– Да ведь я не знаю, как его зовут. Я и видел-то его всего раз. Седмицы две назад, около полуночи. Он вошел в дом вместе с Дивляном, а обратно так и не вышел.

– Ты в этом уверен?

– Ну да. А что тут такого-то? Дулей цены за постой не сложит. Многие бродяги снимают у него комнаты в складчину. Вот и Дивлян нашел себе товарища.

– Понимаю, – кивнул Глеб. – И как он выглядел?

– Кто?

– Тот, кто вошел в дом с Дивляном.

– Ну... – Пичуга пожал плечами. – Да обычно. Росту был такого же, как Дивлян, и походка у него была похожая. Одет был в коричневый кафтан, а шапку натянул на самые глаза. Ах да, сапоги у него были новые, яловые. Очень добротные и дорогие сапоги.

– Сапоги, говоришь? Гм... И кто же тут мог сладить такие сапоги?

Пичуга ненадолго задумался, после чего изрек:

– Нынче из всех обувщиков, ладящих дорожную обувь, уцелели всего двое. Кряж и Мойша-жидовин. Кряж болен и не ладил обувку уже с месяц. Остается Мойша-жидовин. У него лавка рядом с торжком, за грязной канавой. Там он шьет обувь и там же ее продает.

– Ясно. – Глеб наморщил лоб. – Ладно. Ты тут поглядывай. Если еще раз увидишь того парня в «княжьих сапогах», свистни мне. Понял?

– Понял-понял, – небрежно проговорил Пичуга. – Только вот что я с этого буду иметь?

– Если благодаря тебе я отыщу этого парня, получишь серебряный дирхем, – пообещал Глеб.

Пичуга облизнул губы и с усмешкой проговорил:

– Врешь ты, ходок. У тебя больше нет дирхемов.

– Правда? А ты откуда знаешь?

– Э-э...

Глеб сгреб нищего за грудки, встряхнул и гневно проговорил:

– Кто меня ограбил? Ну!

– Это пришлые, – испуганно пробормотал Пичуга. – Из Повалихинских земель. Племянник бабки Потворы и его дружки.

– Какого черта они делают в Хлыни?

– Здесь хоть как-то можно заработать себе на еству.

– Избивая и грабя прохожих?

– Хоть бы и так. В Повалихе люди по улицам уже не ходят. Сидят по избам и пухнут с голоду.

Глеб выпустил Пичугу.

– Развелось сброда, – проворчал он в сердцах. – Проходу от этой шушеры нет. О нашем с тобой разговоре никому. Понял?

– Как не понять.

– Ну, ступай.

– Угу, – кивнул Пичуга. Он развернулся и потопал к костру, но, отошедши на пару шагов, остановился и, обернувшись, спросил: – Слышь, Первоход, а коли еще что разузнаю – как мне тебя найти?

– Никак, – отозвался Глеб. – Я сам тебя разыщу.

– Ну да, ну да, – покивал бродяга, повернулся и снова затопал к уютно горящему в синей ночной мгле костру.

7

Диона давно привыкла к тому, что люди сторонятся ее. Ведь она нелюдь – такая же нелюдь, как ее соплеменники, прячущиеся в развалинах древнего города, разрушенного упавшей звездой много столетий назад. Нелюдь – хотя, в отличие от соплеменников, красива лицом и телом. В жилах ее бежит испорченная кровь.

Но ведь и ходоков люди недолюбливают. Недолюбливают, потому что уверены – тот, кто ходит в Гиблое место, не может быть обычным человеком.

Гиблое место меняет, портит все, до чего ему удастся дотянуться. Смирных мертвецов оно превращает в ходячих упырей. Заблудившихся бродяг – в жутких, песьеголовых оборотней и волколаков. Даже обычная грязь в Гиблом месте превращается в голодную прогалину и обгладывает ноги странников до самых костей.

Но в последние месяцы с ней происходило что-то такое, чему она не могла подобрать названия.

Диона знала, что Глеб спас ее. И знала, что он принес этому в жертву свое возвращение домой. Но она предполагала, нет – она была уверена, что он сделал это зря.

Ей удалось выбраться из Гиблого места. Но Гиблое место не отпустило ее. Оно вошло в ее плоть и кровь, стало частью ее. Вначале Диона лишь подозревала, что проклятый туман, вырвавшийся из земных недр почти полтора года назад, что-то сделал с ней, как-то поменял ее. И вот сейчас худшие из ее подозрений подтвердились. Она менялась.

Объяснение этому даже не нужно было искать. Гиблое место изменилось, оно породило новых чудовищ и новые смертоносные ловушки. Но Диона была дочерью Гиблого места, а значит, эти изменения коснулись и ее.

Даже до сегодняшнего дня она что-то чувствовала. Иногда, лежа ночью на кровати и глядя в черный потолок, Диона ощущала себя чем-то вроде кокона, внутри которого зреет... Кто? Бабочка?.. Может быть. А может быть, страшное чудовище, которое пожрет ее плоть и выползет наружу? И это вероятно.

Сейчас, стоя в заброшенном, полуразрушенном амбаре, пропахшем гнилым сеном и навозом, она молилась своим богам. Тем богам, которых знала с детства и которых боялась больше, чем темных тварей, рыскающих по чашобе.

– Боги Гиблого места... – Голос ее подрагивал от волнения. – Боги Гиблого места, подскажите, что мне делать?

По амбару пронесся сквозняк, заставив Диону передернуть плечами от холода, и сиплый, похожий на шорох листвы в ночном лесу голос прошелестел:

– УБЕЙ ПЕРВОХОДА!

Горло Дионы обожгло холодом, губы стали влажными и горькими. Она поднесла руку ко рту и вытерла губы пальцами.

На пальцах у нее осталось что-то черное, похожее на мокрую грязь или слизь.

Диона устремила взгляд во тьму и яростно проговорила:

– Нет! Это не вы говорите! Это червь, который поселился у меня внутри! Я не буду его слушать!

Она замолчала и прислушалась. В амбаре царила тишина, лишь под гнилыми досками тихо шуршали мыши.

Убить Первохода... В этой мысли, наряду с кошмарностью, было что-то пугающе приятное. Он предал ее. Сперва бросил умирать в Гиблом месте. А теперь обменял на мешок бурой пыли. Не стоило уходить от Белозора. Он бы никогда с ней так не поступил. А Глеб... Пожалуй, он и в самом деле достоин смерти.

Диона вздрогнула и осадилась: что за глупости! Глеб не бросал ее, он ее спас! Она прекрасно помнила, как все произошло.

Она тогда была едва жива после схватки с кровопийцей стригоем. Сидела на траве и таранилась в черный зев пещеры, поглотивший Глеба Первохода.

Она смутно помнила, что Глеб вошел в святилище Нуаран, чтобы помолиться черной плите, исполняющей желания. Но каким образом она сама оказалась тут, в сердце Гиблого места? Этого Диона не помнила.

Она ясно слышала, как Глеб крикнул:

– Я хочу вернуться домой! И я туда вернусь, даже если мне придется разбить ваш проклятый Нуаран на куски!

А потом земля содрогнулась, и Диона услышала нарастающий рокот, будто что-то огромное устремилось из-под земли на поверхность.

Глеб сделал нечто страшное. Он освободил зло, заточенное в глухих подземных темницах и тщательно охраняемое жрецами Нуарана вот уже несколько столетий. Потом Диона потеряла сознание. А когда снова пришла в себя, страшный и загадочный серый туман опустился на Гиблое место.

Вспоминать об этом Дионе не хотелось, и она тряхнула головой. И вновь холодная волна пробежала по ее телу.

Диона ощупала пальцами лицо, и вдруг на какое-то мгновение ей показалось, что это не ее лицо. Впрочем, чувство это было мимолетным и тут же улетучилось.

Диона почувствовала, что из носа у нее потекла кровь. Но кровь эта была странно холодной. Она вытерла нос и губы ладонью и поднесла ладонь к глазам. В темноте амбара было невозможно что-либо разглядеть, но Диона знала – зажги она сейчас фонарь, и увидит на ладони не алую кровь, а черную, похожую на грязь слизь.

8

Глеб поспешил палец, ткнул его в щепотку бурой пыли и слизнул ее с пальца. На вкус бурая пыль была похожа на муку, только чуть солоновата.

Подействовала эта дрянь мгновенно. Боль отступила, а вместе с ней из души Глеба ушел и гнев. Кровь быстрее заструилась по жилам, голова прояснилась, от похмелья не осталось и следа.

Чудная штука эта бурая пыль. Покруче самой лучшей коки. Одна беда – сжирает мозги быстрее, чем героин.

Сумерки на улице были ясные и чистые. Воздух синий, прохладный, но не морозный.

Влажная земля подернулась тонкой коркой льда и теперь приятно похрустывала под каблуками.

Возле торжка Глеб остановился, чтобы закурить, и увидел, что девка, стоявшая у закрытой лавки, двинулась с места и зашагала к нему.

– Здравствуй, Глеб! – весело окликнула она.

Глеб узнал ее сразу. Это была та красотка с торжка, которая продала ему баранки.

– Милана? Ты что здесь делаешь?

– Да вот, товарец нераспроданный домой несу. – Она показала Глебу платяную сумку, висевшую на плече. – Может, поможешь донести?

– Вообще-то я спешу.

Милана поправила платок и улыбнулась.

– Ничего. Сама справлюсь.

Несмотря на сумерки, Глеб видел лицо девки отчетливо. Она выглядела полной противоположностью Дионе. Диона была брюнетка и стрижку имела короткую, а у Миланы длинные светлые волосы были заплетены в толстую косу и казались невероятно шелковистыми и мягкими. Диона была худощава, как гимнастка, а от аппетитных форм Миланы любого мужика бросало в дрожь.

Голубые глаза Миланы искрились, зубы были похожи на жемчуг, а на щеках играли ямочки.

Глеб вдруг усмехнулся, шагнул к девке и обнял ее за талию.

– Ты чего это? – с напускным возмущением проговорила Милана. – Чего творишь-то? А ну, отпусти!

Глеб прищурил темные глаза:

– А если не отпущу?

– Ах, не отпустишь! Ну, тогда пеняй на себя!

Милана вдруг обвила шею Глеба руками и крепко поцеловала его в губы. Затем отпрянула, глянула Глебу в глаза и весело спросила:

– Ну? Теперь пойдешь меня провожать?

– Теперь пойду, – ответил он с легкой усмешкой.

* * *

Найдя в полумраке амбара голую, теплую грудь девки, Глеб жадно прижался к ней губами. Милана засмеялась.

– В амбаре холодно, но с тобой я вся пропотела! – хрипло проговорила она.

Глеб хмыкнул.

– Тебе наверняка не впервой.

– Что? – не поняла Милана. – О чем ты?

– Ну, я ведь не первый, кого ты привела в амбар.

Глеб понимал, что говорит гадости, но не мог остановиться. Он был зол. На Диону, на себя, на эту распутную красивую девку, которая затащила его в амбар. Боль в его левом плече утихла, но гнев никак не хотел уйти из души.

– А если первый?

– Что? – не понял Глеб.

– А если ты первый, кого я сюда привела, – что тогда?

Глеб усмехнулся и покачал головой.

– Не поверю.

– Ты думаешь, я занимаюсь этим с каждым, кто мне глянулся?

– А разве нет?

Милана засмеялась:

– Какой ты глупый!

Глеб опустил руку, откинул пушистую полу шубейки и задрал девке подол платья...

Через несколько минут звериного вожделения и судорожных, грубых движений Глеб откинулся на спину и перевел дух. С минуту оба лежали молча, не решаясь заговорить. Потом Глеб тихо окликнул:

– Милана.

– Чего? – отозвалась девка.

– Почему не сказала, что ты девственница?

Она усмехнулась:

– А ты бы поверил?

Глеб качнул головой:

– Нет. Там, на торжке, у тебя был такой задорный вид. Я думал, что ты...

– Все так думают. Но теперь ты убедился, что это не так.

– Да уж... – Глеб повернул голову и попытался разглядеть в полутьме лицо девки. – Милана, сколько тебе лет?

– Семнадцать, – ответила она.

– И ты до сих пор не встречалась с парнями?

– Нет.

– Но почему?

Она засмеялась и ответила:

– А я тебя ждала!

Глеб вздохнул. От этой девчонки так и веяло свежестью и чистотой. «Как это я раньше не заметил?» – с удивлением думал он.

– Ты – мой первый, – с нежностью сказала Милана. – Тебя я запомню навсегда. А девкам про тебя ничего не расскажу. Одна про тебя помнить буду, ни с кем не поделюсь.

Милана протянула руку и погладила Глеба по щеке.

– Ты красивый, – прошептала она. – Жаль только, что старый.

– Старый? – Глеб обиженно дернул уголками губ. – Мне нет и тридцати.

– Парню, который за мной ухаживает, двадцать два, – мягко проговорила Милана. – А девки с торжка и его уже считают перезрелым. Да ты не волнуйся. Я все равно тебя люблю.

Глеб усмехнулся:

– Спасибо. А во сколько лет старость наступает для бабы?

– Для бабы? – Милана на мгновение задумалась, потом грустно вздохнула и сказала: – В двадцать пять. Мне и самой недолго уж осталось.

– Н-да... – задумчиво протянул Глеб. – Знал я, что женский век короток, но чтоб настолько...

Не договорив, Глеб поднялся на ноги и привел в порядок одежду.

– Ты уже уходишь? – тихо спросила Милана.

– Да. Слушай, прости, что я был так груб с тобой.

– Ничего. Мне это даже понравилось. Ты придешь ко мне еще?

– Не знаю. Правда не знаю. За последние пару дней случилось так много всего... Мне нужно все обдумать.

Глеб не видел лица девушки, но понял, что она улыбается.

– Ты вернешься, – сказала она. – Я выдернула у тебя из головы волосок. Теперь пойду к колдунье и велю ей приворожить тебя.

Глеб усмехнулся.

– Если ты это сделаешь, я буду только рад. Меня давно уже пора кому-нибудь приворожить.

Он поднял с земли кобуру с ольстрой, перекинул ремень через плечо и закрепил кобуру на спине. Затем пристегнул к поясу ножны с мечом.

Вдруг Глеб замер. Ему показалось, что он услышал легкий шорох, не похожий на мышиную возню. Несколько мгновений Глеб вслушивался, затем тихо спросил Милану:

– Ты это слышала?

– Что? – спросила девушка.

Глеб вздохнул и покачал головой:
– Ничего. Наверное, показалось. Прощай, Милана. Пусть боги пошлют тебе хорошего жениха.
Глеб повернулся и вышел из амбара на улицу.

9

И все же интуиция не подвела его. На улице, держа в одной руке палку с тускло поблескивающим слюдяным фонарем, а в другой обнаженный меч, стоял охоронец.

Глебу понадобилось одно мгновение, чтобы выхватить из кобуры ольстру и направить ее на противника.

– Опусть ольстру, – сухо и властно проговорил охоронец.

Глеб взглянул в его лицо. Он без труда узнал в противнике того рыжего десятника, которого он видел во дворе Дулея Кривого. Рослый, широкоплечий, лет сорока или около того. Лицо его было чистым, ни единого шрама. Учитывая, что перед Глебом стоял опытный воин, это говорило о многом.

– Опусть ольстру, – повторил десятник.

Глеб торопливо просчитывал в голове варианты. Охоронец не испугался и не отступил, а голос его был тверд и спокоен – значит, он здесь не один. Во тьме таятся другие ратники. И наверняка стрела уже лежит на тетиве лука и нацелена она Глебу в грудь.

Глеб сглотнул слюну и спросил, чтобы протянуть время:

– С кем я говорю?

– Ты говоришь с княжым десятником Важдаем, – ответил охоронец.

– Вот как? И что от меня нужно десятнику?

– Ты сам это знаешь, Первоход. Опусть ольстру и следуй за мной.

Глеб холодно прищурился:

– Я если я пристрелю тебя?

Десятник покачал головой:

– Не думаю.

– И почему же?

– Во-первых, я пришел не один. А во-вторых, если ты меня убьешь, князь пошлет по твоим следам дюжину охотников за головами.

Глеб прищурил глаза и сказал:

– У меня есть ольстра, Важдай. Стоит ли мне бояться охотников?

– Стоит, – невозмутимо проговорил десятник. – Ты не сможешь вечно быть начеку, Первоход. Рано или поздно ты расслабишься, и тогда охотники сделают свое дело. – Десятник прищурил жесткие глаза и повторил: – Опусть ольстру, Первоход. Даю слово: князь не убьет тебя.

– Правда? Что же он со мной сделает?

– Ты украл у князя его имущество, а затем утопил в болоте. С тобой поступят как с вором.

По спине Глеба пробежал холодок.

– Отрубят правую руку и вырвут ноздри? – уточнил он.

Десятник кивнул.

– Да. Но не бойся. Я не стану поручать эту работу кату-истязателю, а сделаю ее сам. Тебе почти не будет больно.

Глеб усмехнулся:

– Ты добрый человек, десятник. Но я...

И тут из куста орешника, что рос у дороги, послышался шорох. Глеб среагировал молниеносно: он прыгнул на землю и перекувыркнулся. Стрела со свистом рассекла воздух и с глухим шлепком вонзилась в грудь десятнику Важдаю.

Глеб сорвал с пояса нож и метнул его в кусты. Короткий вскрик – и стрелок вывалился

из кустов на дорогу с пронзенным горлом. Глеб быстро повернулся к Важдаю. Тот еще секунду стоял на ногах, изумленно глядя на торчащую из груди стрелу, затем ноги его подкосились, и он тяжело рухнул на пол, уронив на дорогу фонарь и меч.

Справа хрустнул снежок. Глеб повернул голову на звук, но опоздал. Кто-то большой и тяжелый налетел на Глеба и мощным ударом сбил его с ног.

Глеб попытался высвободить ольстру, но детина налег ему на правую руку и придавил ее к земле.

– Все кончено, ходок, – услышал он негромкий, мягкий голос.

Отшвырнув ольстру в сторону, верзила, который сбил Глеба с ног, ухватил его за шиворот и резко поднял на ноги.

– Гляди перед собой! – пробасил он и несильно ударил Глеба кулаком по лицу.

Глеб взглянул. Прямо перед ним стоял невысокий, богато одетый человек.

– Ну, здравствуй, Глеб Первоход, – тихо проговорил он. – Ты меня узнаешь?

Глеб вгляделся в лицо незнакомца, и брови его изумленно приподнялись, когда он узнал в собеседнике мытаря, которого спас от бродяг-лиходеев на берегу Эльсинского озера.

– Какого лешего ты здесь делаешь, мытарь? – грубо спросил Глеб.

Собеседник улыбнулся.

– Я не мытарь, Глеб. Я княжий сыскной пес. Охотник за головами. Ловлю беглых охоронцев и тех, за чью голову обещана щедрая награда. Я же предупреждал, чтобы ты не возвращался в Хлынь.

Глеб сплюнул сыщику под ноги и насмешливо осведомился:

– И сколько же я нынче стою?

– Десять серебряных дерхемов, – с любопытством разглядывая Глеба, ответил тот.

– Надо же. – Глеб усмехнулся. – Целое состояние.

Сыщик кивнул:

– Верно, Первоход. А после того, как ты убил двух княжьих охоронцев, награда возрастет вдвое. Ты станешь моим последним делом, парень. Получив награду, я куплю себе дом на берегу Эльсинского озера. Такой же, как твой. И так же, как ты, буду выращивать в огороде капусту и стоклу.

– Свеклу, – поправил Глеб. И добавил с холодной усмешкой: – Выращивать хорошие овощи – это очень сложная наука, сыщик. Боюсь, что ты не справишься.

– Ничего, я попробую. – Сыщик дал знак верзиле, и тот скрутил Глебу руки за спиной. – Мне жаль, что нам пришлось встретиться так, – сказал сыщик. – А теперь извини. Савлон, выруби его!

Верзила размахнулся и хлестко ударил Глеба кулаком в челюсть. Голова Глеба свесилась на грудь, он погрузился во мрак.

10

Трижды Глеб приходил в себя, но его тут же вырубали снова. Когда он в очередной раз открыл глаза, лицо его ныло от побоев, а сам он был привязан к дыбе.

Низкие своды. Кирпичные столбы. Вокруг – полумрак, сырость и холод. Глеб тряхнул головой, окончательно приходя в себя.

– Ну, как? – услышал он странный высокий голос, который произносил русские слова правильно, но с сильным акцентом. – Очухался наконец?

Сначала фигура расплывалась, лишь несколько раз сморгнув, Глеб сумел сфокусировать взгляд на кате-мучителе. Сфокусировал и снова заморгал – на этот раз от изумления. Перед ним, в странном костюме из мягкой блестящей кожи, туго обтягивающем тело, стояла баба.

Она была высокая, как мужик, и такая же широкоплечая. Длинные темные волосы бабы были жестко зализаны назад и стянуты на затылке в клубок. В правой руке баба держала хлыст, которым непрерывно постукивала себя по высокому голенищу сапога, плотно

обтягивающему ее икру и голень.

Лицо у нее было странное: широкое, но в то же время костлявое, и при этом очень бледное. Однако при всем желании его нельзя было назвать непривлекательным. Иной любитель мог бы даже назвать ее красавицей.

– Я про тебя слышал, – хрипло проговорил Глеб, поморщился и сплюнул кровь. – Ты Ядвига... Пришла из гофских земель... Люди говорят, что ты лучший кат в княжестве.

Ядвига усмехнулась:

– Приятно знать, что люди ценят мою работу, Первоход.

Глеб поднял голову и еще раз огляделся.

– Где это мы? – спросил он.

– У меня в гостях, в пыточной комнате подземелья.

Ядвига подошла к Глебу вплотную, несколько секунд разглядывала его лицо пристальным и словно бы оценивающим взглядом, затем высунула язык и легонько лизнула им Глеба в краешек губ.

– Сладкий, – сказала она с улыбкой. – Ты мне нравишься, Первоход. А я тебе?

Глеб усмехнулся разбитыми губами и ответил:

– С точки зрения некрофила, ты просто идеал.

Ядвига засмеялась, запрокинув голову, затем вдруг размахнулась и ударила Глеба хлыстом по щеке. Глеб вздрогнул и стиснул зубы, чтобы не застонать от боли.

Ядвига, все еще посмеиваясь, поднесла хлыст к подбородку Глеба и слегка приподняла ему хлыстом голову.

– Я вижу в твоих глазах ненависть, Первоход, – сказала она. – Но я не вижу страха. Неужели ты меня не боишься?

– Я не боюсь нечисти, – тихо проговорил Глеб, глядя ей в глаза. – Это нечисть боится меня.

Ядвига улыбнулась.

– А ты забавный. Что ж, приступим к делу.

Она повернулась к столу, на котором лежали орудия пыток – иглы, железные пруты, щипцы, клешни, и задумчиво проговорила:

– Что же мы выберем?.. Иглу?

Ядвига взяла длинную толстую иглу и повертела ее в пальцах. Затем качнула головой и положила ее на место.

– Нет. Таких парней, как ты, иглами не запугаешь. Я, конечно, могу воткнуть ее тебе в глаз, но сделаю это позже. Мне хочется, чтобы ты видел, как я буду кромсать твоё тело.

Длинный палец Ядвиги скользнул по щипцам.

– Щипцы хороши, но их я тоже оставлю на потом, – проговорила она, хмуря брови. – Мне хочется пытать мужчину, а не кастрата. Что же мне выбрать?

– Ты, должно быть, не знаешь... – с трудом ворочая языком, проговорил Глеб, – но полгода назад я спас княжество от нашествия нелюдей.

– Да, – кивнула Ядвига, – я что-то такое слышала. Но также я слышала, что ты утопил в болоте двенадцать громовых посохов.

Рука Ядвиги коснулась странного зубчатого ножа, но затем скользнула дальше.

– Людская любовь переменчива, – сказала она, беря в руки железный прут и поворачиваясь к Глебу. – Сегодня тебя носят на руках и называют спасителем. А завтра распинают на кресте. Скажи мне добром, ходок: ты где утопил посохи?

Глеб качнул головой и ответил:

– Не помню.

Ядвига прищурила темные глаза и уточнила:

– Ты уверен?

– Да.

– Что ж, я помогу тебе вспомнить.

Она переложила прут в левую руку, протянула правую к рукояти лебедки, сжала ее

бледными пальцами и небрежно крутанула. Руки Глеба вздернулись кверху, суставы и кости затрещали.

– Ну, как? – осведомилась, прищулив глаза, Ядвига. – Ты вспомнил, где утопил громовые посохи?

Глеб облизнул губы и хрипло проговорил:

– А не пошла бы ты... в голубую даль.

Ядвига грустно вздохнула.

– А ты крепкий орешек, да? Что ж, придется заняться тобой всерьез.

Она положила прут на стол и надела грубые кузнечные рукавицы. Затем снова взяла прут, повернулась к пылающей печи и сунула конец прута в огонь...

11

Ушат холодной воды, вылитый Глебу на голову, помог ему прийти в себя.

Глеб хрипло вдохнул воздух и закашлялся от боли, пронзившей его истерзанную грудь. Рубаха у него на груди была порвана, рваные лоскуты пропитались кровью.

Боль чуть было снова не лишила Глеба сознания, но, стиснув зубы, он сдержался. Ядвига стояла у дыбы с железным прутом в руке – потная, возбужденная. Губы ее были приоткрыты, бледные щеки порозовели.

– Наконец-то ты очнулся, – проговорила она, нервно блеснув глазами.

Глеб попытался усмехнуться, но сил на это не хватило. Тогда он разомкнул опухшие губы и хрипло пробормотал:

– Я вижу, пытки тебя заводят?

Ядвига прищурила большие, холодные, темные глаза.

– Видишь ли, – начала она спокойным голосом, – когда мне было пятнадцать лет, один мужчина очень жестоко обошелся со мной. Тогда я попросила братьев поймать его и мучить у меня на глазах. Братья привязали парня к дереву и стали...

– Давай без подробностей, – тихо попросил Глеб.

Ядвига кивнула:

– Хорошо. Так вот, они пытали беднягу у меня на глазах, а я никак не могла почувствовать удовлетворения. Сперва я не могла понять, в чем тут дело, но потом поняла. Я поняла, что хотела не мести. Я хотела почувствовать то, что чувствовал он, когда истязал меня. И как только я это поняла, все изменилось. В тот момент я стала той, кто я есть.

Ядвига приблизила свое лицо к лицу Глеба.

– Ты все еще не боишься меня? – спросила она.

– Ты нечисть, – хрипло выдохнул Глеб. – А я не боюсь нечисти.

Ядвига высунула язык и лизнула Глеба в потную, окровавленную щеку.

– Вкус крови и пота, – тихо произнесла она. – Самый лучший вкус на свете. Но продолжим.

Она положила прут на стол и взяла щипцы. Но тут тяжелая дубовая дверь скрипнула у нее за спиной, и зычный мужской голос окликнул:

– Ядвига!

Она повернулась к двери:

– Чего нужно?

– Ступай к старшему дознавателю! Зовет!

Дверь снова закрылась. Ядвига дернула бледной щекой и с досадой проговорила:

– Дьявол! – Затем перевела взгляд на Глеба и отчеканила: – Я скоро вернусь. Никуда не уходи.

Когда мучительница вышла из комнаты, голова Глеба опустилась на истерзанную грудь, и он вновь погрузился в беспамятство.

Очнулся он от того, что кто-то грубо стащил его с дыбы и поволок по холодному земляному полу.

– Что?.. – Глеб открыл глаза, обвел бородатые лица катов диким взглядом и хрипло проговорил: – Куда вы меня тащите?

– В клетку, – ответил один из них. – У Ядвиги нашлись дела поважнее. Тобой она займется завтра утром.

Глеб с силой усмехнулся и хрипло проговорил:

– Вот так всегда... Сперва обещают, а потом бросают. Женщины. – Он облизнул губы, взглянул на одного из катов и насмешливо спросил: – Ты чего такой напряженный, парень? Эта дрянь вставила тебе в задницу железный прут?

– Ощера, вдарь ему, чтобы не вякал, – попросил кат своего напарника.

Тот кивнул, размахнулся и ударил Глеба кулаком по голове.

12

В полумраке, лишь чуть-чуть подсвеченном пламенем факела, он не сразу разглядел, кто перед ним сидит. Очевидно, это была женщина, и одета она была во все черное. Глеб напряг зрение и вздрогнул.

Сухая кожа, плотно сжатые губы, изрезанный морщинками лоб. За последние три дня это была третья женщина, которая заставила сердце Глеба вздрогнуть в груди и учащенно забиться.

– Княгиня! – выдохнул он.

Женщина разомкнула сухие губы и тихо сказала:

– Ты сильно изменился с тех пор, как я видела тебя в последний раз. Зачем ты вернулся в княжество?

– Я должен был это сделать. – Глеб вдруг заволновался. – Пресветлая княгиня, передай князю Егре, что в городе творятся странные вещи! Чует мое сердце – быть большой беде!

Княгиня сдвинула брови и ответила тем же тихим, невыразительным голосом:

– Егра уже больше года не приходит в себя.

– Как? Кто же тогда отдал приказ о моем... – Глеб осекся и пристально взгляделся в лицо Натальи. – Вот оно что, – выдохнул он.

– Не вини меня, Первоход. Я вынуждена поступать столь жестоко. Бояре не знают, что Егра не в себе. Я подпускаю к нему только верных и проверенных врачей.

– Значит, все его приказы...

Она кивнула:

– Да. Их отдаю я.

В глазах Глеба затеплилась надежда.

– Тогда, быть может, ты прикажешь освободить меня? – боясь спугнуть удачу, спросил он. – Что-то темное прорвалось в город из Гиблого места. И я могу... я должен остановить это.

Губы Натальи дрогнули. Она качнула головой и тихо сказала:

– Нет, Глеб. Я не могу. Егра никогда бы не поступил так.

– Ты боишься, что бояре заподозрят неладное?

– Да.

Несколько секунд Глеб молчал, вглядываясь в строгое, постаревшее от забот лицо княгини, потом сокрушенно проговорил:

– Егра ведь не болен. Он мертв.

Княгиня Наталья отвела взгляд и побледнела. Глеб перевел дух.

– Еще пара дней в твоём обществе и в обществе твоей любимицы Ядвиги, и я буду считать, что в мире не осталось нормальных женщин, – с горькой усмешкой сказал он.

Княгиня снова взглянула на него, и взгляд ее был полон безнадежной тоски.

– Глеб... Я ничего не могу поделать. Все происходит само собой.

– Но приказы отдаешь ты!

– Да, но... – Княгиня Наталья сбилась. – Я не знаю, как тебе объяснить. Егры нет, но его

дух всегда рядом со мной. Я не властна над своими мыслями и словами. Он говорит моими устами, понимаешь?

– Отличное самооправдание. Возможно, Гитлер тоже считал, что его устами говорит покойная мамочка.

– Гитлер? Кто это?

Глеб дернул щекой:

– Неважно. Да и какая, к черту, разница. Теперь ты замучаешь меня в этом подземелье, да? И все это ради того, чтобы не оскорбить память покойного мужа и не дать боярам повода для подозрений. Ты всегда была сумасшедшей. Даже когда была княжной.

Наталья сжала в бледных пальцах платок.

– Не говори так, Глеб, – попросила она.

– Знаешь... – Он дернул щекой. – Иди ты к черту вместе со своим мертвым мужем. И Ядвигу с собой прихвати. Вы неплохо будете смотреться вдвоем.

Княгиня подняла к лицу платок и промокнула и без того сухие губы.

– Глеб, – тихо заговорила она, – если ты скажешь, где утопил громовые посохи, князь Егра помилует тебя. Я обещаю.

Глеб усмехнулся:

– Ты сама-то себя слышишь? – Он качнул головой и с досадой проговорил: – Везет же мне на сумасшедших баб.

Наталья подождала, не скажет ли он еще чего-нибудь, но, поскольку Глеб молчал, заговорила снова:

– Когда-то ты любил меня, Первоход. Почему же теперь ты так меня ненавидишь?

– Я тебя обожаю, – сказал Глеб. – А если ты поможешь мне отсюда выбраться, я оседлаю Росинанта, нарисую на щите твое лицо и отправлюсь крушить мельницы в твою честь.

– Насмешник, – тихо проговорила княгиня. – Все такой же насмешник. Что ж... – Она поднялась со скамьи. – Ты сам волен выбирать свою судьбу. Скажешь, где утопил ольстры, и будешь прощен. Не скажешь – Ядвига сотворит с тобой такое, о чем и подумать страшно.

Глеб усмехнулся:

– Да уж, я наслышан о ее подвигах.

– Слухи не врут, Глеб. Так ты не скажешь?

Он покачал головой:

– Нет.

Еще несколько мгновений княгиня стояла рядом с решеткой, будто надеялась, что Глеб внезапно передумает, затем повернулась и молча зашагала к двери.

– Наталья! – окликнул ее Глеб, схватившись руками за прутья решетки.

Она остановилась. Обернулась и выжидающе взглянула на Глеба.

– Прикажи меня отпустить! – в отчаянии проговорил он. – Я не обманывал тебя, когда говорил, что горожане в опасности! Нечто страшное бродит по городу и убивает людей! Времени мало! Если я не остановлю это...

Глеб осекся, наткнувшись на холодный взгляд княгини.

– Не унижай себя лукавством, Первоход, – сухо отчеканила она.

Плечи Глеба поникли.

– Значит, непустишь? – хрипло спросил он.

Она покачала головой:

– Нет. В отличие от тебя, ходок, я не вольна в своих желаниях. В моих руках бразды правления княжеством. А вокруг меня слишком много тех, кто хочет эти бразды отнять.

– Понятно, – сокрушенно проговорил Глеб. – Борьба за власть. Все как всегда. Ладно, ступай в свой крысятник. Но если соседний князь вновь захочет перерезать тебе глотку, не зови меня на помощь.

– Мне жаль, – сказала княгиня, повернулась и растворилась в сумраке каменного коридора.

Глеб закрыл глаза. А когда снова открыл их – рядом с клеткой, на деревянной лавке, сидел, прикрыв в дреме глаза, охоронец. Дюжий парень с копной русых волос, торчащих из-под шелома, и конопатой рожей.

– Эй, друг, – тихо окликнул его Глеб.

Охоронец взглянул на Глеба.

– Чего шумишь?

– Княгиня ушла?

– Ушла.

Глеб облизнул потрескавшиеся, разбитые губы сухим языком и попросил:

– Мне бы водицы.

– Не велено, – грубо ответил парень. – Скажешь, где утопил громовые посохи, дам тебе попить. Не скажешь – помирай от сухоты.

Глеб вздохнул.

– Веселые у вас тут нравы.

Он снова закрыл глаза.

– Слышь-ка! – позвал охоронец.

– Чего?

– Держи!

Парень протягивал ему кружку с водой.

– Так ведь не велено, – хрипло проговорил Глеб.

– Не велено, – согласился парень и опасливо покосился на неразличимую во мраке каменного коридора дверь. – Попей чуток, а после никому не сказывай. Иначе мне конец.

– Не скажу, – пообещал Глеб и приник губами к краю оловянной кружки.

13

– Не пойму я, чего ты упрямисься? – глухо спросил охоронец. – Замучает тебя Ядвига. Ведь не золото же ты там утопил. Всего лишь громовые посохи.

Глеб усмехнулся:

– А ты почему знаешь? Может, и золото.

Парень удивленно и недоверчиво взглянул на Глеба.

– Брешешь, – вымолвил он.

– Может, брешу. А может, нет.

Еще несколько мгновений охоронец недоверчиво и подозрительно взирал на Глеба, затем ощерил большие, редкие зубы и сказал:

– Ну, и сколько у тебя там золота?

– Сколько золота? Да с пуд, наверное.

– Пуд? Целый пуд золота? – Охоронец наморщил лоб, попытавшись вообразить себе этот золотой пуд. Однако воображения, чтобы представить такое богатство, охоронцу не хватило.

– Столько золота во всем княжестве не наберется! – объявил он. – Брешешь, да? Ведь брешешь?

Глеб покачал головой:

– Ничуть.

Парень вновь усмехнулся и вновь качнул головой, еще более недоверчиво:

– Ох, и здоров же ты брехать, ходок. Пуд золота! Это ж надо такое выдумать!

Он отвернулся от Глеба, но тут же повернулся снова.

– Послушай, полонец... – Голос парня подрагивал.

– Чего тебе? – небрежно отозвался Глеб.

– Я тебе воды подал, помнишь?

– Ну, помню.

– Ты просил, и я подал. А ведь меня за это могут того... по шапке.

– Могут, – согласился Глеб.

– Послушай-ка... Что, если ты мне скажешь, где утопил золото? Все равно ведь пропадет. А так я бы половину твоим родичам отдал. А ольстры я не трону, не бойся! По мне так пушай они на дне болота гниют. Ну как, полонец?

Глеб хмыкнул:

– Да никак. Нет у меня родичей.

– Ну, друзьям. Или глянувшейся девке. Есть ведь у тебя друзья или девка?

Глеб покачал головой:

– Нет. Никого нет.

– Эх... – вздохнул охоронец с досадой. – Ты пойми меня, полонец: я ведь не от жадности тебя расспрашиваю.

– А от чего?

– От жалости! Жалко мне, что такое богатство даром пропадет. Скольким людям помочь можно было бы. Ты не думай, я не скупой. Половину пуда людям бы раздал. Пусть живут да радуются, да тебя добрым словом поминают.

Глеб нахмурился.

– Даже не знаю, – задумчиво проговорил он. – А ну как обманешь? Ну, как все золотишко себе заграбастаешь, а людям ничего не оставишь? Да и насчет громовых посохов сомневаюсь. Отдашь ведь их, небось, князю-то?

Парень обмахнул себя пальцами, прочертив в воздухе страшный знак заклęcia, и торжественно проговорил:

– Клянусь Велесом – не отдам! И из болота доставать не стану! А коли случайно попадутся, так обратно на дно брошу!

Глеб вздохнул:

– Ну, хорошо. Наклонись ко мне – прошепчу тебе на ухо.

Парень, охваченный алчностью, быстро склонился к решетке. Глебу только того и надо было, он схватил охоронца за ворот и резко стукнул его лбом о железный прут. А затем, не давая парню опомниться, еще раз. Затем разжал пальцы, и оглушенный охоронец рухнул на пол.

Глеб быстро снял у него с пояса кольцо с ключами. Выбрал из двух самый малый, нагнулся к ноге, воткнул в прорезь замка и повернул. Замок сухо щелкнул, и железная клешня, стягивающая ногу, раскрылась. Глеб осторожно высвободил растертую в кровь ногу, поставил ее на холодный каменный пол и перевел дух.

Затем, сунув руку между прутьями решетки, нашарил скважину замка и вставил в нее второй ключ. Поворот – щелчок, еще поворот – еще щелчок. Железная дверца, скрипнув, приоткрылась.

Глеб бесшумно выбрался наружу и принялся за дело. Стянул с охоронца яловые сапоги и натянул их на свои босые ноги. Сапоги пришлись впору. Затем снял с охоронца шлем и напялил его на голову. После этого грубо вытряхнул парня из кольчуги.

Охоронец был на полголовы выше Глеба и чуток пошире в плечах, так что кольчуга оказалась более чем просторной, и Глеб без особого труда натянул ее поверх своего изорванного в клочья шерстяного подклада.

Повесив на пояс меч охоронца, Глеб двинулся к двери.

14

– Эй, ребята!

Один из охоронцев вскинул голову, и Глеб ударил его крестовиной кинжала в переносицу. Охоронец слетел с лавки на пол. Второй мгновенно вскочил на ноги, выхватил из ножен меч и бросился на Глеба.

Охоронец и ходок скрестили мечи.

– Лучше брось меч, а то убью, – прорычал бородатый охоронец, гневно сверкая

глазами.

– Убивалка у тебя еще не выросла, – холодно глядя противнику в глаза, парировал Глеб.

Напрягшись, он резко оттолкнул от себя охоронца и точным, молниеносным ударом рассек ему мечом предплечье. Охоронец вскрикнул и, выронив оружие, попятился к стене. Глеб шагнул вперед и хлестко ударил его голом меча по лбу. Затем, не дожидаясь, пока охоронец рухнет на пол, повернулся и спешно зашагал дальше.

Глебу были знакомы мрачные коридоры подземелья. К главному выходу он не пошел, а свернул влево, к комнате над псарней, где томились во мраке псы-мутанты, которым скормливали мертвых узников.

Вот и дверь комнаты. Оглядевшись по сторонам, Глеб взялся за железный штырь, торчащий из доски, и, моля богов о том, чтобы дверь была не заперта, осторожно потянул штырь на себя.

Дверь поддалась. Глеб скользнул в комнату и, остановившись у порога, прикрыл дверь за собой.

При свете факела, воткнутого в стену у входа, Глеб увидел сырые каменные стены и огромную решетку на полу, прямо у его ног. Звенья решетки были большими, такими, чтобы легко можно было протолкнуть вниз человеческое тело.

Из зловонной ямы, расположенной под решеткой, послышалось глухое рычание. Глеб глянул вниз и увидел несколько пар мерцающих глаз, уставившихся на него из тьмы.

– Нравятся мои собаки, ходок? – услышал он вдруг.

Глеб быстро поднял взгляд. Прямо перед ним, по другую сторону решетки, накрывающей яму с тварями, стояла Ядвига. На поясе у нее висели ножны Глеба. А из-за левого плеча торчал приклад ольстры.

В груди Глеба заклокотала ярость.

– Ты забрала мое оружие, – хрипло проговорил он.

Ядвига улыбнулась:

– Княгиня позволила мне сделать это. Но ты не ответил. Тебе нравятся мои собаки?

– Нет.

– Почему?

– Я больше люблю кошек. От них не так сильно воняет.

Ядвига сняла с пояса плетъ.

– Я кормлю их костями сдохших полонцев, – сказала она. – А иногда им достаются и живые. Сегодня у них будет превосходный обед.

Глеб вынул из ножен кинжал и глухо произнес:

– Отдай ольстру и уйди с дороги. Обычно я не дерусь с женщинами, но для тебя сделаю исключение.

Глаза Ядвиги блеснули холодным огоньком. Тонкие губы проговорили:

– Я бы могла попросить тебя вернуться в клетку миром, но не хочу. Гораздо веселее будет помучить тебя.

Она принялась медленно разматывать плетъ, не спуская с Глеба пристального взгляда.

Псы внизу вновь зарычали, предчувствуя скорую трапезу.

– Я сброшу тебя своим псам, и они сожрут тебя, – пристально глядя на Глеба и выбирая момент для удара, сказала Ядвига.

– Попробуй, – сухо ответил Глеб и шагнул вперед.

Бич взвился в воздух и хлестнул Глеба по руке. Меч выпал из его ошпаренных ударом пальцев и грохнулся сквозь решетку к псам.

– Ну, как? – весело спросила Ядвига.

Глеб потер ушибленную руку и усмехнулся:

– Неплохо. Но мы еще можем договориться. Ты отдашь мне мою ольстру и уйдешь с пути.

– И что я получу взамен?

– Жизнь.

Ядвига холодно засмеялась.

– Ты мне нравишься, Первоход. Я буду мучить тебя долго и изощренно.

Глеб прикинул расстояние для прыжка и ответил:

– У меня нет времени на любовные игры, милая. К тому же ты не в моем вкусе.

Бич вновь взвился в воздух. Железный охвосток царапнул Глеба по лицу, выбив фонтанчик крови.

Псы внизу почуяли кровь и пришли в неистовство. Они прыгали вверх, пытаясь схватить Глеба за ногу, но падали на пол и клацали зубами в бессильной ярости.

И вновь бич сухо щелкнул в полумраке подземелья. Конец его, как змея, внахлест оплел ногу Глеба. Рывок – и нога Глеба взлетела вверх, а сам он рухнул на спину, больно ударившись лопатками о железные прутья.

– И это знаменитый Первоход! – Ядвига презрительно улыбнулась. – Такое же ничтожество, как остальные!

Глеб быстрым движением перехватил конец бича и изо всех сил дернул его на себя. Ядвига, не ожидавшая от него такой прыти, потеряла равновесие и упала на пол. Глеб в одно мгновение оказался на ногах и прыгнул на мучительницу.

Вцепившись друг в друга, они принялись кататься по полу. Ядвига, рослая и широкоплечая, как мужчина, не уступала Глебу в силе. Сжав пальцами плечи Глеба, она плюнула ему в лицо. Затем вцепилась ему в щеку скрюченными пальцами.

Острые ногти разодрали Глебу щеку, он отшатнулся, перехватил руку и резко вывернул. Ядвига вскрикнула от боли. Глеб оттолкнул Ядвигу от себя и наотмашь ударил ее по лицу тыльной стороной ладони.

На мгновение удар ослепил Ядвигу. Глеб вскочил на ноги, схватил ее за плечи и швырнул в черное звено решетки. Ядвига скользнула в черный провал между прутьями, но в последнее мгновение Глеб успел схватить ее за руку, и она повисла над ямой.

– Вытащи меня! – заорала Ядвига, отбиваясь ногами от лающих псов.

– Отдай ольстру! – рявкнул в ответ Глеб.

– Вытащи!

– Сперва ольстру!

Один из псов подпрыгнул и, клацнув зубами, вцепился Ядвиге зубами в ногу. Она заорала от боли, ударила пса свободной ногой по морде, выхватила ольстру из кобуры и рывком протянула Глебу.

– Держи!

Глеб схватил ольстру.

– Теперь тяни! – крикнула Ядвига. – Тяни же, дьявол!

– Прости, – холодно проговорил Глеб и разжал пальцы.

Ядвига упала вниз. Она успела вскрикнуть от ужаса, но в следующее мгновение псы набросились на нее, и она захлебнулась собственной кровью.

– Да простят меня боги за мою жестокость, – проговорил Глеб мрачным голосом, повернулся и зашагал к двери.

Глава третья

1

Сначала Белозор Баска был в ярости. Он расхаживал по комнате в длинном, выстеганном золотыми нитями аравийском халате и честил Диону на чем свет стоит. Припомнил ей и то, что она нелюдь, и то, что когда-то она спала с мужиками в срамном доме Бавы Прибытка, и то, как втихаря она приворовывала у него бурю пыль.

Потом, устав ругаться, он загрустил. Разогнал всех собутыльников, сел за стол, подпер

ладонью щеку и целый час кряду выл унылые песни, перемежая их жалобами на свою горькую судьбину.

А после, когда поток песен иссяк, его охватила холодная, лютая злоба. Белозор натянул сапоги, накинул полушубок, схватил саблю, кликнул своих подельников и отправился на улицу.

Целый час он бродил по городу, выискивая, на ком бы сорвать злобу. Зарубил какого-то нищего на Сходной площади, избил до полусмерти целовальника в «бычьем кружале», а закончил тем, что сломал нос своему холопу и бросил его в ледяной колодец.

Выпустив таким образом пар, Белозор занялся наконец делом, – разослал по городу своих ищек, дав им четкий приказ: Диону словить, бурю пыль отобрать, а ежели подлая девка будет сопротивляться, избить, но не убивать, и ни в коем случае не трогать лицо.

Сам же он отправился «ворошить гнилой муравейник», а говоря конкретней – поднимать на уши все воровское и разбойное дно Хлынь-града, чего не делал вот уже два месяца.

Когда к вечеру этого тяжелого дня Диона вернулась домой, измученный разлукой Белозор, сидевший впотьмах с кружкой олуса в руке, встретил ее слезами радости.

– Диона! Ты пришла! Сама!

Он обнял ее и прижал к груди.

– Да, Белозор, я пришла, – тихо проговорила Диона. – Только прошу тебя, не зажигай свечей.

– Не буду, – пообещал Белозор, покрывая поцелуями макушку и темя Дионы.

Подождав, пока возбуждение главаря разбойников поутихнет, Диона отстранилась и холодно сказала:

– Прости, Белозор, но у меня нет твоей бурой пыли.

– Пыли? – Он засмеялся и махнул рукой. – Да не волнуйся за пыль! Я ее уже нашел! А тех, кто ее присвоил, жестоко покарал! Вон, посмотри!

Белозор шагнул к грудe, сваленной в углу и накрытой стареньким, истертым покрывалом, взялся за край и сдернул покрывало с этой груды.

Диона вытаращила глаза и попяtilась. На полу лежали три мертвых, окровавленных тела. Одно из них Диона узнала сразу.

– Бабка Потвора, – в ужасе прошептала она.

– Точно! – кивнул Белозор. – А этот, с выколотыми глазами, ее племянш. Они думали, что могут просто так промышлять на моих землях. – Белозор усмехнулся и качнул головой: – Нет, брат, шалишь. В Хлыни я хозяин!

Белозор быстро глянул на Диону и сказал:

– А ты чего так перепугалась? Ждала увидеть под покрывалом кого-то другого?

– Нет, – дрогнувшим голосом отозвалась Диона. – Просто... Просто все это так жестоко.

– Да брось ты, – весело проговорил Белозор. – Ладно. Я на тебя зла не держу. Тем паче что ты сама ко мне вернулась. Вратко, Горан, Дубок! – окликнул он.

Дверь горницы распахнулась, и через порог переступили три дюжих парня-разбойника. Удивленно взглянули на Диону, но ничего не сказали.

– На улице уже стемнело, – снова заговорил Белозор. – Снесите мертвецов в овраг. А я пока развлекусь с моей зазновой.

Парни принялись за работу, а Белозор перевел взгляд на Диону и протянул к ней руки:

– Ну, иди же ко мне, моя изменчивая радость!

Диона отступила на шаг и тихо сказала:

– Не трогай меня, Белозор.

На лице главаря появилось недоумение.

– Это почему ж?

– Я больна.

Белозор несколько секунд молчал, затем взял со стола огниво и потянулся к свечам, воткнутому в тройчатый деревянный подсвечник.

– Нет! – холодно выкрикнула Диона, схватила подсвечник и швырнула его на пол. – Ты не должен меня видеть!

Даже в полумраке было заметно, что лицо Белозора вытянулось от удивления. Он сглотнул слюну и проговорил:

– Неужели все так плохо? Что же это за болезнь такая?

– Это... оспа, – ответила Диона.

Белозор нахмурился и невольно отступил на шаг.

– Зачем же ты ко мне пришла? – с боязливой угрюмостью спросил он.

– Ты хотел найти того, кто носит из Гиблого места бурую пыль.

– Ну да. И что?

– Я нашла его.

– Как?

Диона прищурилась:

– Помнишь, я рассказывала тебе про глаза на моих ладонях?

– Про те, которые вышиб стригой?

Диона кивнула:

– Да. – Она подняла руки и повернула ладони к Белозору. – Взгляни!

– О, боги! – воскликнул он и снова попятился.

Диона засмеялась:

– Они снова видят! Я помолилась богам Гиблого места, и они помогли мне!

– Богам Гиблого места? – с изумлением повторил Белозор. – Но ведь эти боги – мертвые боги!

Глаза Дионы сузились.

– В Гиблом месте все не так, как здесь у вас, – проговорила она неприязненно и холодно. – И падший бог – не мертвый бог. Но не будем об этом. Я хочу помочь тебе изловить тайного ходока. Того, который таскал из чащобы бурую пыль, а потом свалил всю вину на Дивляна.

– Что ж... – свирепо прохрипел Белозор, в душе которого снова поднялась отчаянная, злобная храбрость. – Тогда мы нагрянем к этому гаду прямо сейчас!

2

Передвигаться по городу Глебу приходилось с величайшей осторожностью. Слишком многие здесь точили на него зуб, слишком многие готовы были посадить его на нож или сдать княжьим охоронцам за щедрую награду.

Лишь звериное чутье, натренированная интуиция и серый суконный плащ с капюшоном помогали Глебу избегать опасности.

Изнаненная Ядвигой грудь Глеба ныла, так же как и плечо, но он сумел подавить боль, лизнув бурой пылью, и чувствовал себя довольно сносно.

Сразу после побега из темницы Глеб явился к сестрам Рожене и Божене, и они обработали его раны заживляющей мазью. Кроме того, сестры дали Глебу старую одежду Дивляна – штаны из лосиной кожи, заношенный до дыр свитер и вполне сносный охотничий полушубок.

Когда сумерки сгустились настолько, что вечер перестал отличаться от ночи, Глеб вернулся в свою комнату, взял из тайника, устроенного под половицей, деньги, короткий меч и несколько метательных ножей, после чего бесшумной тенью выскользнул из дома.

Лавку обувщика Мойши-жидовина, про которого рассказывал одноногий бродяга Пичуга, Глеб нашел в подвале двухэтажного бревенчатого дома. Толкнув дверь с нарисованным на ней сапогом, Глеб переступил через высокий порог и вошел внутрь.

– Здравствуй, Мойша, – поприветствовал он пожилого, лысоватого мужчину, сидевшего за столом и ковырявшего ножом подметку сапога при свете двух сальных свечей.

Обувщик вскинул голову, скользнул острыми черными глазами по лицу Глеба и

прокартавил, как старый ворон:

– И тебе не хворать. Кто ты такой и чего тебе надобно?

– Меня зовут Гудимир, – ответил Глеб. – Я охотник-промысловик.

– Вот как. – Мойша опустил взгляд на ноги Глеба. – Хорошие ичиги, – похвалил он. – Но не холодновато ли тебе в них? Могу подбить мехом. И возьму недорого.

– Хорошая мысль, – кивнул Глеб. – Но этим мы займемся после. А пока я хочу задать тебе вопрос.

– Какой? – насторожился сапожник.

– Я ищу одного парня.

– Всего одного? – по толстым губам Мойши скользнула усмешка. – Приходи днем на торжок, и ты найдешь их дюжину дюжин.

Глеб пропустил неуклюжую шутку сапожника мимо ушей.

– Несколько дней назад ты сладил одному парню новые яловые сапоги, – снова заговорил он. – И я...

– Я многим парням сшил сапоги, – прищурил темные глаза Мойша. – А что, кто-то жаловался на мою работу?

Глеб качнул головой:

– Нет. Просто я ищу этого парня. Ты должен был его запомнить.

– Да ну? – Мойша хмыкнул. – И чего ради?

– Он заплатил тебе серебром, – сказал Глеб. – И при этом не торговался, а сразу дал цену, которую ты ему назвал.

Сапожник прищурил темные глаза.

– Я понял, о ком ты говоришь, охотник, – сказал он. – Но зачем тебе понадобился этот парень?

– Он задолжал мне денег.

– Вот оно что. – Мойша понимающе кивнул. – Что ж, это дело святое. По моему разумению, не стоит брать займы, если не сможешь отдать. Выходит, этот парень расплатился со мной твоими деньгами?

Глеб усмехнулся:

– Выходит, что да.

Обувщик качнул головой и насмешливо проговорил:

– Ну и ну. Я тебе сочувствую, охотник. Но, видишь ли... Очень давно я взял себе за правило не вмешиваться в чужие дела.

– Это очень хорошее правило, – вынужден был признать Глеб.

Глаза сапожника лукаво блеснули.

– Именно так! И главное, оно уже не раз спасало мне жизнь.

– Правда? – Глеб опустил пальцы на рукоять меча. – На этот раз может и не спасти.

Сапожник взглянул на меч и сглотнул слюну. Морщины на его смуглом левантийском лице стали глубже.

– А что, если я кликну княжых охоронцев? – тихо прокартавил он.

Глеб посмотрел на обувщика так, что голова его стала погружаться в плечи. А потом небрежно обронил:

– Попробуй.

Еще несколько секунд Мойша раздумывал, поглядывая на Глеба снизу вверх темными глазами и силясь понять, пусты ли его угрозы, или их стоит воспринимать всерьез. В конце концов он вздохнул и сказал:

– Не вижу смысла рисковать своей жизнью ради пары сапог. Пусть даже сложенных из отличной кожи. Спрашивай, охотник, я отвечу на твои вопросы.

– Опиши мне этого человека, – потребовал Глеб.

Мойша нахмурил лысоватый лоб и задумчиво проговорил:

– Ростом пониже тебя. Сложения... Да самого обычного. Лицо круглое, глаза... Не то черные, не то темно-синие. Странные это были глаза. Смотрит на тебя – а будто бы мимо.

– Когда ты его в последний раз видел?
– Недавно. – Мойша усмехнулся. – За четверть часа до твоего прихода.
– Что? – Глеб почувствовал, как на скулах у него натягивается кожа. – Где?
– Да тут, неподалеку. Вышел я во двор по нужде, гляжу – идет. Серьезный, хмурый, руки – в карманах кафтана, и по сторонам не смотрит. Прошел мимо околицы и побрел дальше – к дому Капицы Рыжего.

Глеб перевел дух. Наконец-то события стали приобретать нормальные очертания.

– Капица Рыжий все еще сдает комнаты постояльцам? – сухо спросил он.

Обувщик кивнул:

– Сдает. Только желающих нынче мало. Да и дом его совсем обветшал, не каждый решится в таком жить.

– Благодарю тебя, обувщик. В следующий приход обязательно закажу тебе новые ичиги. И сам подберу тебе лучшую оленью кожу. А пока... – Глеб достал из кармана несколько медных монеток и положил их на стол. Затем повернулся, чтобы идти к двери, но тут Мойша окликнул его:

– погоди, охотник!

Глеб остановился.

Мойша раздумчиво потеревил пальцами отвислую нижнюю губу и пробормотал, искоса поглядывая на Глеба:

– Сказать – не сказать?

Глеб молчал, выжидая, чем закончится размышление сапожника.

– Хорошо, – сказал наконец тот. – По виду ты похож на порядочного человека, хоть и угрожал мне мечом.

– Я бы не причинил тебе вреда, – заверил Глеб.

Обувщик усмехнулся.

– Ты и сам этого не знаешь. Ну, да бог с ним, с мечом. Как я тебе уже сказал, я видел этого парня. А пока я подвязывал штаны и обтирал снегом руки, мимо околицы прошел кое-кто еще.

– И кто же? – нетерпеливо спросил Глеб.

– Девка, закутанная в черный платок. А с ней Белозор Баска и пятеро его головорезов.

Голос Глеба дрогнул, когда он спросил:

– Это все?

Мойша кивнул. Глеб повернулся и торопливо выскочил из обувной лавки.

На улице он достал из кармана берестяную коробку, в которой хранил бурую пыль, соскребанную из кармана штанов, сунул в нее палец и облизал его. Несколько секунд Глеб выжидал, прислушиваясь к своему телу и к своей душе. Затем облегченно вздохнул и хрипло пробормотал:

– Отпустило.

3

Хрупкий, тонкий лед похрустывал под ногами, заставляя Глеба досадливо морщиться. Надо бы идти потише, но времени на предосторожности у Глеба не было.

Вот и дом Капицы Рыжего – темный, ветхий, невзрачный, похожий на груды полусгнивших бревен. Ни на первом, ни на втором этажах нет ни огонька, ни блика.

Глеб шагнул к двери.

И тут наверху кто-то вскрикнул. Раздался грохот ломаемой ставни, и на землю с высоты второго этажа рухнул человек.

Глеб ворвался в дом и быстро взбежал по узкой лестнице наверх. Внутри царила полная тьма, поэтому, когда наверху послышался треск, Глеб, не видя источника этого шума, отпрянул к стене и сгруппировался.

Чья-то тяжелая туша повалилась на Глеба, сбила его с ног и увлекла за собой вниз по

ступенькам. Перекувыркнувшись несколько раз, Глеб ударился затылком о край ступени.

Когда он пришел в себя, тяжелая мертвая туша все еще лежала на нем. Глеб уперся в нее руками и спихнул со своей груди. Затем тяжело поднялся на ноги. Обшарил себя и убедился, что кобура с ольстрой и меч на своих местах.

Шум наверху уже стих. Глеб поправил кобуру, поморщившись от острой, обжигающей боли в плече, и побежал наверх.

Пролет. Еще один. Вот и распахнутая, болтающаяся на сорванных петлях дверь. Глеб выхватил из кобуры ольстру и осторожно вошел в темную комнату. Тишина здесь царила полная.

– Эй! – негромко окликнул Глеб и тут же скользнул в сторону, опасаясь стрелы или метательного ножа.

Его правая нога проехала по чему-то скользкому, и он едва не повалился на пол, с трудом удержав равновесие.

– Первоход... – отозвался тихий, сдавленный голос. – Зажги свечу... Она на столе.

Глеб пошарил руками в темноте и наткнулся на стол. Деревянный подсвечник с сальной свечой стоял прямо в центре столешницы. Щелчок зажигалки – и комната озарилась неверным, желтым, подрагивающим светом.

– Глеб, я здесь!

Диона приподнялась с пола. Глеб хотел броситься к ней, но она жестом остановила его:

– Нет, Глеб.

Глеб замер на месте и быстро obeжал взглядом комнату. Рот его раскрылся, а из гортани вырвался хриплый вздох изумления.

– О, боги, – тихо выдохнул Глеб, стискивая в пальцах ольстру.

Картину, открывшуюся его глазам, в полной мере можно было назвать ужасной. Весь пол в комнате был залит кровью. Белозор Баска лежал на кровати, уставившись в потолок вытаращенными от ужаса глазами. Одного взгляда на главаря разбойников хватило, чтобы понять, что он мертв.

Тело Белозора походило на мумию, а на его губах, медленно оседая, подрагивала субстанция, похожая на черную слизь.

Глеб отвернулся и посмотрел на три трупа, лежащих на полу. Один из них был буквально выпотрошен. Два других представляли собой такое же неописуемо жуткое зрелище, как и труп Белозора. Ссохшиеся тела, выкатившиеся из орбит глаза, черная пена на приоткрытых губах.

Диона поднялась на ноги, поправила на голове черный платок, закрывающий половину ее лица, и проговорила дрожащим голосом:

– Он убил их всех.

– Кто? – хрипло спросил Глеб. – О ком ты говоришь, Диона?

– Я... не знаю, кто он. – Голос Дионы подрагивал и сбивался, но она изо всех сил старалась говорить спокойно. – Я выследила его у торжка. Довела до постоянного двора и запомнила комнату. А потом пошла к Белозору и рассказала ему об этом парне. Это я привела их сюда, Глеб... Я привела.

Плечи Дионы задрожали. Глеб шагнул к ней, но Диона вскинула руку в защитном жесте и попятилась:

– Нет, Глеб! Не подходи ко мне!

– Ты сказала, что *он* убил их. Как *он* это сделал?

– Они схватили его и стали избивать. А потом... Глеб, я даже не успела ничего понять. Он выхватил у Вратки меч и распорол ему живот одним ударом. Потом выбросил в окно Горана, а здоровяка Дубка швырнул на лестницу, как тряпичную куклу. Я хотела пырнуть его кинжалом, но он ударил меня кулаком и повалил на пол. В глазах у меня помутилось. А когда я очнулась, то слышала, как ты зовешь меня.

– Это все, что ты помнишь?

Диона кивнула:

– Да.
– Нужно убираться отсюда. – Глеб снова глянул на труп Белозора и отвел глаза. – С минуты на минуту в дом нагрянут княжьи охоронцы. Идем!

Он протянул Дионе руку, но она не взяла ее, а сама, с содроганием ступая по залившей пол крови, зашагала к двери.

4

– Мы пришли.
Диона удивленно подняла голову:
– Это кружало?
– Да.
– Ты теперь живешь здесь?
– Да. Снял комнатку пару часов назад. Идем!
И они зашагали в кружало.
– Привет, здоровяк! – поприветствовал Глеб целовальника.
– И тебе не болеть, странник! – откликнулся детина, протирая сухой тряпкой глиняные кружки.

Введя Диону в комнату, Глеб зажег лучину и закрыл дверь на засов. Затем усадил Диону на постель и потянулся в карман за самокрутками и зажигалкой.

– Все куришь? – улыбнулась обескровленными губами Диона.

Глеб качнул головой:

– Нет. Теперь все гораздо хуже.

Он открыл коробку, макнул палец в остатки бурой пыли и слизнул их языком. Затем убрал коробку в карман и взглянул Дионе в глаза.

– Диона, я буду говорить с тобой только о деле.

– Хорошо, – тихо отозвалась она.

– Мы с тобой знаем, что ходок Дивлян снимал у Дулея Кривого комнатку на паях с каким-то парнем. Дивлян умер. Смерть его была ужасной и странной. В комнате Дивляна дознаватель обнаружил тайник, а в нем – крынку с серебром. Это – факты. А дальше пойдут предположения. Скорее всего, пока Дивлян горбатился на пристани, таская по сходням мешки с мукой, его сосед ходил в Гиблое место за бурой пылью. Но потом эти двое что-то не поделили, и сосед убил Дивляна. Сделал он это странным способом. – Глеб облизнул губы и продолжил, чуть понизив голос: – На мой взгляд, способ этот ясно говорит, что мы имеем дело не с человеком.

Веки Дионы тревожно дрогнули под надвинутым на глаза платком.

– Откуда же взялся этот парень? – тихо спросила она.

– Я думаю, что Дивлян притащил его из Гиблого места. Какое-то время Дивляну удавалось его контролировать. Но потом... Потом случилось то, что случилось. – Глеб провел рукою по длинным растрепанным волосам и продолжил: – Труп Дивляна обнаружил хозяин постоянного двора. Он услышал крик, подумал, что ходок напился, и отправился к Дивляну, чтобы заставить того заткнуть рот. Видимо, хозяин спугнул убийцу, и тот не успел забрать из тайника свое серебро.

– А может быть, и не хотел, – тихо проговорила Диона.

– Что? – не понял Глеб.

– Может быть, Дивлян *заставлял* его ходить в Гиблое место, таскать бурую пыль и менять ее на серебро.

Глеб нахмурился.

– Ты хочешь сказать, что этот... что эта тварь была у Дивляна в услужении?

– Возможно.

Глеб обдумал слова Дионы и кивнул.

– Да. Исключать подобное не следует. Но продолжим наши рассуждения. Парень убил

Дивляна, потом наведалься к его болтливой подружке Ведане и прикончил ее. Таким образом, он избавился от свидетеля. Потом он снял комнатку в доме Капицы Рыжего.

– Зачем? – спросила, сдвинув брови, Диона. – Почему он просто не вернулся в Гиблое место?

– Не знаю. Но подозреваю, что он не закончил свои дела. – Глеб поморщился и осторожно потер пальцами левое плечо. – Люди Белозора нагрянули к нему, но он легко разделался с ними. Не знаю, с какой тварью мы имеем дело, но сила у нее явно нечеловеческая.

Глеб опустил руку и, сжав зубы, слегка подвигал левым плечом. Затем перевел дух и продолжил:

– В этом деле есть еще одна тайна. Как мы с тобой знаем, Дивлян ходил в Гиблое место по поручению Бавы Прибытка. Так?

– Так.

– Я был у Бавы, но не смог ничего узнать. Проклятый купец...

– Глеб, – тихо перебила Диона, – я знаю, зачем Бава посылал Дивляна в чащобу.

Даже в тусклом свете лучины было видно, как напряглось и вытянулось лицо Глеба.

– Знаешь?

– Да. Видишь ли... – Диона покусала губы, словно все еще сомневалась в полезности того, о чем собиралась рассказать. – Видишь ли, – снова начала она, – ходят слухи о чудной вещи, которая появилась у Бавы Прибытка. Говорят, ему эту вещь принес Дивлян, но Бава, забрав ее, не заплатил ходуку ни медяшки и вышвырнул его со двора.

– Вот оно что. – Глеб хрипло перевел дух. – И что это была за вещь?

Диона вздохнула и удрученно покачала головой:

– Этого я не знаю. И никто не знает. Люди Белозора напоили водкой одного из дикарей, которые охраняют Баву Прибытка, и тот проболтался. Сказал, что Бава держит эту вещь у себя в опочивальне, под десятью замками.

Глеб обдумал слова Дионы и небрежно проговорил:

– Не думаю, что это важно. Мало ли что там у него. Может быть, молодильный гриб. Или амулет удачи. Бава всегда был падок на такие вещи.

Диона вновь покачала головой:

– Нет, Глеб, это не просто амулет. Это что-то чудное и страшное. Что-то такое, что дарует человеку власть.

– Власть над чем?

– Не знаю, но это как-то связано с Гиблым местом. Бава сказал, что собирается сам отправиться в чащобу. Один, без ходуков и охоронцев.

Брови Глеба приподнялись от изумления, на губах появилась кривая усмешка.

– Ну, это полная ерунда. Бава не сумасшедший, чтобы замыслить такое.

– Я было и сама подумала, что все это пустая болтовня. Но вчера вечером дикаря, которого споил Белозор, нашли мертвым. Он висел на дереве с выколотыми глазами и отрезанным языком.

Некоторое время Глеб молчал, пораженный услышанным, затем хмуро проговорил:

– Да, дела. Значит, все это так серьезно.

– Похоже, что да, – тихо откликнулась Диона.

Глеб протянул руку и взял со стола кувшин. Наполнил глиняный стаканчик хмельным олусом и залпом опрокинул его в рот. Вытер губы рукавом куртки и глухо произнес:

– Выжженные рты, иссохшаяся кожа, вывалившиеся из орбит глаза... И эта отвратительная черная дрянь на губах. В Хлыни становится страшно, верно?

Диона не ответила, лишь поправила быстрым, нервным движением платок на лице. Глеб вновь наполнил стаканчик, сжал его в побелевших пальцах и хрипло проговорил:

– Не знаю, что творится в этом проклятом городе, но я намерен это выяснить! И не завтра, а сегодня!

– Как? – робко спросила Диона.

Глеб усмехнулся и холодно ответил:

– Наведаюсь к Баве Прибытку. – Он выплеснул олус в рот и медленно облизнул губы.

Диона бесшумно вздохнула и спросила тихим, едва слышным голосом:

– Глеб, ты ведь понимаешь, как это опасно?

– Конечно. Но другого способа докопаться до правды я не вижу.

– Но этот способ есть.

– Что? – Глеб поднял взгляд от стакана и взглянул на Диону. – Какой?

Диона разомкнула губы и произнесла всего одно слово:

– Мамелфа.

Лицо Глеба потемнело. Он дважды в жизни встречался с этой жуткой ведьмой, похищающей человеческие сердца, и предпочел бы больше не видеть ее и не слышать о ней.

Заметив, как изменилось лицо Глеба, Диона поспешно добавила:

– Выслушай меня, прежде чем скажешь «нет». Ты ведь знаешь, что дом Мамелфы появляется из ниоткуда и исчезает в никуда.

– Я видел, как это бывает, – дрогнувшим голосом проговорил Глеб. – Чертова избушка просто растворилась в воздухе, оставив после себя выжженную пустошь. Там даже трава не росла.

– Все это так, – кивнула Диона. – Но я... – Она замолчала, словно набиралась духу для того, чтобы закончить фразу, и быстро договорила: – Я знаю, как вызвать Мамелфу.

Глиняный стаканчик с хрустом раскололся в пятерне Глеба.

– Диона, – медленно начал он, сверкая глазами, – я...

– Подожди, Глеб, – оборвала она. – Не горячись. Мамелфа знает все и обо всем. Для нее не существует вопросов, на которые она не смогла бы ответить. Что нам мешает встретиться с ней?

Глеб скрипнул зубами и отчеканил:

– Я скорее суну голову в пылающий очаг. Один взгляд этой твари разъедает душу сильнее, чем грязь из голодной прогалины.

– Но у нас нет другого способа, – тихо возразила Диона.

Глеб мотнул головой:

– Я так не думаю. Я припру Баву к стене и заставлю его обо всем рассказать.

Диона сжала в пальцах рукавицу и покачала головой.

– Ты не вернешься оттуда, Глеб.

– Глупости, – небрежно проговорил он. – Эти ребята не ожидают, что я снова к ним заявлюсь. Я застану их врасплох.

Диона поднялась с лавки.

– Мне пора, Глеб. Не провожай меня.

– Как? – проговорил он удивленно. – Разве ты не останешься?

– Не хочу быть тебе обузой. И не хочу торчать в этой комнате, пока ты ходишь в гости к Баве.

– Но в городе опасно!

– Не опаснее, чем в твоей каморке, Глеб.

Он глянул на Диону исподлобья и отрывисто спросил:

– Где мне тебя найти?

– Я сама тебя найду. Прощай, Глеб. Пусть светлые боги Семаргл и Хорс помогут тебе.

Диона повернулась, стремительно вышла из комнаты и быстро зашагала по коридору, опасаясь, что Глеб кинется за ней вслед. Но опасения ее оказались напрасными. Глеб не вышел из комнаты.

Когда Диона проходила мимо стойки целовальника, молодой купец повернулся к ней и весело проговорил:

– Эй, красавица! Не хочешь развлечься?

Диона остановилась и открыла ему свое лицо. Купец издал горлом сдавленный звук и слегка побледнел.

– Ну? – спросила Диона. – Ты все еще хочешь со мной развлечься?
– Ступай от меня прочь, нелюдь! – хрипло пробормотал купец и осенил себя знаком против нечистых сил.

Диона усмехнулась, снова закрыла лицо платком и быстро зашагала к двери, ведущей на улицу.

5

Через десять минут после ухода Дионы в зал кружала вышел Глеб. Он был закутан в длинный и бесформенный суконный плащ. Проходя мимо стойки, Глеб вдруг остановился, подошел к целовальнику и тихо попросил:

– Дружище, продай мне фляжку с водкой.

Целовальник нервно облизнул губы.

– Странник, – хрипло проговорил он, – ты же знаешь, что княжий указ запрещает...

– Продай, – сухо повторил Глеб.

Целовальник насутился и с упреком посмотрел на Глеба. Потом незаметно огляделся по сторонам и повернулся к полкам, заслонив их своей широченной спиной. С минуту он колдовал у полок, затем повернулся и сунул в руку Глеба небольшую кожаную флягу.

Глеб спрятал флягу в сумку-ташку, притороченную к поясу, швырнул на стойку деньги и хотел идти, но тут его внимание привлек негромкий разговор купцов, сидящих за ближайшим к стойке столом.

– Странные вещи творятся нынче в княжестве, – говорил один, приземистый, сановитый, заросший до глаз русской бородой.

– О чем ты, Булыга? – спросил его другой.

Купец Булыга обвел взглядом лица собутыльников.

– А вы не слыхали? Может, кто из вас помнит мытаря Владуха? Одно время он сюда часто захаживал.

– Это такой тощий да кадыкатый? – уточнил один из купцов.

Булыга кивнул:

– Он самый.

– Так ведь он помер. Седмицу тому назад.

– Верно, – снова кивнул Булыга. – Помер от какой-то болезни, а от какой – никто не ведает. Говорят, бедняга Владух исхудал так, что кожа облепила его кости, как мокрая бумага. А глазам стало так тесно в его голове, что они выползли наружу, словно у рака.

– Я про такую болезнь слыхал, – деловито сообщил один из купцов. – Гофы кличут ее чумой.

Булыга покачал головой.

– Нет, не то. Чуму я знаю. Это была не чума. Но не об том речь. На прошлой седмице Владух помер. А четыре дня тому назад купец Стожар, что не был в Хлыни полгода, вернулся из Моравии и встретил Владуха на площади. Встретил, разговорился. То да се – как это обычно бывает. А только заметил Стожар, что мытарь какой-то странный. На вопросы отвечает сбивчиво и будто бы спешит поскорее закончить этот разговор. Ну, ладно. Распрощались они, и каждый отправился своей дорогой. А вечером Стожар узнал, что Владух помер на прошлой седмице.

Булыга замолчал. Купцы несколько секунд сидели молча, думая, что он продолжит или объяснит, но Булыга помалкивал.

– Это как же понимать? – спросил тогда один из купцов. – Выходит, Владух ходил по городу после того, как его схоронили?

– Выходит, что так, – ответил купец Булыга. – Но это еще не конец истории. С тех пор еще три человека видели Владуха в разных местах. Был он угрюм и неразговорчив. Кончилось тем, что родичи Владуха решили раскопать его могилу, чтобы убедиться, что мытарь все еще в гробу.

– Это как же? – удивился один из купцов. – Да разве его не сожгли?

Булыга качнул кудлатой головой.

– Нет. Его мать – христианка, да и сам он чуток тоже.

– Вот оно что. И чем все закончилось?

– Вчера утром могилу Владуха раскопали.

– И что? – хрипло спросил один из купцов. – Был он в могиле?

Булыга усмехнулся и прищурил глаза.

– Был. Да только лежал не так, как его уложили, а на боку. И рот у него был весь испачкан кровью. А кровь та была – черным-черна.

Несколько секунд купцы молчали, пораженные услышанным. Затем один из них, самый смелый, тихо поинтересовался:

– Стало быть, Владух вставал из могилы и гулял по городу?

– Стало быть, так, – кивнул Булыга.

И тут вдруг один из купцов уставился на что-то, выкатив глаза, стукнул Булыгу по плечу и пробормотал дрогнувшим голосом:

– Так вон же он!

– Кто? – не понял Булыга.

– Мытарь Владух, о котором ты рассказывал.

Купцы, как по команде, повернули головы.

– Верно... – дрожащим голосом проговорил купец Булыга. – Это он.

Глеб повернул голову и взглянул туда, куда смотрели купцы. За столом сидел худощавый мужик с курчавой темной бородкой. Он сидел неподвижно, глядя на свою кружку так, будто никак не мог вспомнить, что с ней делать.

– Что же это? – еле слышно пробормотал один из купцов. – Выходит, он и впрямь ходит?

Булыга вдруг отодвинул кружку и глухо пророкотал:

– Пойду и спрошу его прямо.

– Булыга, не надо!

– Пойду и спрошу, – упрямо повторил купец.

Он поднялся с лавки, однако дальше этого дело не пошло – видимо, решимость покинула его.

– Ну? – нетерпеливо спросил его один из собутыльников, самый молодой и нетерпеливый. – Так ты идешь? Али испужался?

– Не подначивай его, Заслав, – прогудел пожилой купец. – Негоже живому человеку к мертвяку приставать.

– Я пойду, – угрюмо проговорил Булыга. – Пойду и спрошу. Ну, что он мне сделает? Тут ведь полно народу.

– Верно, – кивнул молодой купец. – Поди и спроси прямо.

Булыга двинулся с места. Глеб, внимательно следя за ним взглядом, непроизвольно положил руку на ольстру.

Булыга сделал вид, что проходит мимо стола, но вдруг остановился и, уставившись на худощавого мужика, воскликнул:

– Ба! Никак Владух!

Мужик вздрогнул и медленно поднял на Булыгу взгляд. Булыга попятился, но, скосив глаза на своих приятелей, снова приободрился и смело проговорил:

– Владух, это ведь ты?

Несколько мгновений мужик пристально смотрел на Булыгу, затем единым махом вскочил с места, схватил купца за горло и, резко дернув руку вбок, с хрустом свернул ему шею. Все это произошло так быстро, что никто ничего не успел понять.

Разжав пальцы, худощавый мужик бросился к двери, но дорогу ему преградил Глеб. Громыхнувший выстрел потряс стены кружала.

Мужик отшатнулся в сторону, споткнулся об лавку и повалился под стол.

– Булыга! – заорали купцы, спрыгивая с лавок.

Глеб, не обращая внимания на суету, поднявшуюся вокруг, подошел к столу, отпихнул ногой лавку и, держа ольстру наготове, заглянул вниз.

Измучению его не было предела. Никакого трупа он на полу не обнаружил. Там, где должен был лежать ходячий мертвец Владух, лежала лишь его одежда. Приглядевшись, Глеб разглядел на досках стремительно тающие ошметки черной слизи.

– Где ж он? – услышал Глеб рядом с собой удивленный голос молодого купца. – Куды ж он подевался?

Глеб, не отвечая, сунул ольстру в кобуру, повернулся и стремительно зашагал к выходу. В голове его крутилась странная мысль. Он словно бы что-то заметил, что-то чрезвычайно важное, но что именно – никак не мог понять.

На мгновение Глебу показалось, что он почти ухватил ускользающую мысль, но она тут же растаяла, оставив в душе Глеба чувство потери и странную, досадную пустоту.

Когда он отошел от кружала на двести шагов, досада, поселившаяся у него в душе, стала перерастать в нечто иное. В нечто страшное и неистовое, что пульсировало, содрогалось у него в сердце и в голове, в такт все возрастающей, такой же пульсирующей и дергающей боли в плече.

Яд лиловой кишенской ящерицы продолжал бродить по жилам Глеба.

6

Ольстра с полным магазином в заплечной кобуре, меч у бедра, метательные ножи в ножнах-сотах, прикрепленных к поясу. На голове – капюшон. Что еще нужно герою, чтобы добраться до логова врагов неузнанным и расправиться с дюжиной вооруженных до зубов мерзавцев?

Поступь Глеба была легка и пружиниста, взгляд – мрачен, зубы крепко стиснуты. И только дьявольская боль в плече мешала ему мыслить четко и хладнокровно.

Не дойдя до кружала Бавы Прибытка полусотни метров, Глеб открыл берестяную коробку и тщательно вылизал ее. Однако толку от этого не было никакого. Бурая пыль закончилась, а те жалкие крохи, что ему удалось слизнуть, уже не помогали.

– Дьявол! – рявкнул Глеб, с хрустом сжал коробку в руке и швырнул ее в грязь.

В ушах у Глеба зазвучали страшные слова Рожены:

– Боль начнет сводить тебя с ума. Ты невзлюбишь весь мир, человеческие лица станут тебе ненавистны. Душа твоя наполнится яростью и злобой, и ты станешь опасен для людей, как бешеная собака. Ты захочешь убивать. И будешь убивать.

По коже Глеба пробежала дрожь, глаза заволокло багровой пеленой. И вдруг непреодолимое желание убивать охватило Глеба и подчинило его себе. Рубить мечом, ломать руками, рвать зубами. Убивать! Убивать или быть убитым! Теперь он знал, что чувствуют взбесившиеся псы.

Первоход вскинул руки к голове и стиснул виски.

«Это все яд, – сказал он себе. – Это не я. Чтобы победить охоронцев Бавы, мне нужен трезвый и холодный ум. Боги Семаргл и Хорс, помогите мне! Прошу вас, помогите!»

Но помощь не пришла. Боль железным обручем стянула плечо, вонзила в него свои острые зубы, выпустила в рану разъедающий, жгучий яд. Глаза Глеба затянуло бурой пеленой. Из горла его вырвался звериный, клочущий рык.

Он выхватил из кобуры ольстру и зашагал к двери.

На пути у Глеба показались два охоронца – высокий и низкий. Глеб, не останавливаясь, вскинул ольстру и дважды нажал на спуск. Первая пуля пробила высокому охоронцу живот, вторая вырвала из его шеи кусок мяса.

Окатив землю фонтаном крови, высокий рухнул на землю.

Малорослый охоронец махнул саблей, но Глеб легко увернулся, ударил его локтем в зубы и сшиб с ног. Затем вставил ему в рот дуло ольстры и вновь нажал на спусковой

крючок. Голова охоронца разлетелась на куски.

Душа Глеба наполнилась звериным восторгом. Он поднял забрызганную кровью ольстру и продолжил путь. Еще один охоронец возник у него на пути. Ольстра дважды пролаяла в руке Глеба, и охоронец повалился на землю, превратившись в грудку мертвого мяса.

В магазине ольстры не осталось патронов. Глеб вложил ее в кобуру, подошел к двери и с размаху ударил по ней ногой. Дверь кружала распахнулась, и он вошел внутрь.

– Слушайте все! – рявкнул он от порога.

Десяток гостей и дюжины полторы охоронцев повернули головы и устремили взгляды на Глеба. Он выхватил из ножен меч и пророкотал, сверкая глазами:

– Охоронцы могут остаться! Остальные – вон отсюда!

Очевидно, вид Глеба был столь страшен, что никто из гостей не посмел усмехнуться, возразить или усомниться. Купцы и путешественники побросали свои кружки и тарелки и, опасливо косясь на Глеба, заспешили к выходу.

– Первоход! – Тунгир встал со скамьи и восторженно ухмыльнулся. – Сам пришел!

Глеб посмотрел на него холодным, ненавидящим взглядом и прорычал:

– Ты мне не нужен, степняк! Мне нужен твой хозяин!

Тунгир сделал знак, и другие охоронцы поднялись со своих лавок. Их было около пятнадцати. Еще трое охоронцев, топая сапогами, спускались по лестнице со второго этажа.

– Так-так, – сказал Глеб и усмехнулся. – Вся свора в сборе. Это мне на руку. Не придется гоняться за вами по всему Порочному граду.

Многие охоронцы выглядели удивленными. До сих пор им ни разу не доводилось видеть, как жертва сама приходит на растерзание к хищникам. Должно быть, в их глазах Глеб был чем-то вроде рассвирепевшего зайца, явившегося в волчье логово с морковкой наперевес.

Глядя на сжимающих кольцо охоронцев, Глеб не чувствовал ни страха, ни волнения. Боль в плече поглотила его, растворила все его чувства, оставив лишь одно – ярость. Глухую, kloкочущую и требующую немедленного и кровавого выхода ярость.

– Уйди с дороги, Тунгир! – рявкнул он.

– Яма, Сила, Тайман, сава мункар! – коротко приказал Тунгир.

Трое узкоглазых, смуглокожих воинов зашли Глебу за спину и отрезали ему путь к отступлению.

– Ах, вот как! – Глеб улыбнулся. – Ну что ж... Считайте, что вы сами напросились!

Не в силах больше сдерживать гнев, Гнев поднял меч и ринулся в атаку.

Несмотря на ярость, захлестнувшую душу Глеба, его тело действовало расчетливо и хладнокровно. Клинок меча, молниеносно рассекая воздух, попадал точно в цель, не позволяя руке растрачивать силы попусту.

Кровь из перебитых и пронзенных шей, голов и животов брызгала во все стороны, обдавая лицо Глеба горячими фонтанами. Через две минуты на пути у Глеба больше никто не стоял.

Глеб хрипло перевел дух и огляделся. Пол кружала был усыпан изрубленными, окровавленными телами охоронцев.

– Тоже мне – непобедимые воины-дикари, – презрительно проговорил он, вытер меч о кафтан лежащего у стойки Тунгира и вложил его в ножны.

Достав из заплочной кобуры ольстру и несколько патронов, Глеб быстро перезарядил ее, вновь вложил ольстру в кобуру и двинулся к лестнице.

Вдруг за спиной его послышался шорох.

Глеб остановился и быстро обернулся. Лицо его вытянулось от изумления. Окровавленные охоронцы, с которыми он, казалось, покончил раз и навсегда, снова стояли на ногах.

И тут Глеб понял, что было не так с мытарем Владухом, которого он прикончил час назад. Владух не отбрасывал тень! Точно так же и ожившие охоронцы, стоявшие сейчас

перед Глебом с саблями в руках, не отбрасывали тени!

Меч Глеба не причинил охоронцам вреда, потому что они были не люди.

– Ты, кажется, удивлен, ходок? – с холодной усмешкой проговорил Тунгир. И тут же, яростно вытаращив глаза, скомандовал на своем гортанном, резком языке: – Сава мункар!

И ожившие охоронцы, молча вскинув сабли, вновь ринулись на Глеба.

7

Меч Глеба, обычный, незаговоренный, выкованный из чистого хуралуга, был бесполезен в бою с этими тварями. Тогда Глеб выхватил из-за пояса два метательных ножа и, орудуя ими, словно кинжалами, стал пробивать себе дорогу к лестнице.

Лезвия его ножей сверкали в свете факелов и свечей, вспарывали охоронцам животы, рассекали шеи, пронзали плечи и руки. Боль и ярость удесятили силу Глеба. Он все разил и разил – неистово, остервенело, упиваясь собственной злобой и силой, как вырвавшийся на свободу хищник, режущий стадо своего врага-человека.

Лишь на мгновение Глеб остановился, когда осознал, что падающие на пол охоронцы тают – в буквальном смысле слова! Их плоть обмякает и расплзается, пузырясь и чавкая, как болотная жижа.

«Белое железо ножей – вот в чем дело!» – пронеслось у него в голове.

Белое железо было смертоносным для этих тварей! Они были таким же порождением Гиблого места, как оборотни и упыри!

Глеб метнул нож в горло Тунгиру и выхватил из кобуры ольстру. Сплав, из которого Глеб отливал пули и дробь, включал в себя и белое железо. Кружало наполнилось грохотом выстрелов и пороховым дымом.

Вскоре Глеб был наверху. Он распахнул дверь, ведущую в покои Бавы Прибытка, переступил через порог и захлопнул дверь за собой.

Бава Прибыток сидел на широкой кровати с обнаженным мечом в руке. Он был одет в длинную рубаху и мягкие замшевые туфли на босу ногу. На столике возле кровати стояли склянки с лекарскими зельями и серебряная чаша с бурой пылью. Судя по красному носу и воспаленным глазам, Бава был сильно простужен.

Глеб остановился у двери, тяжело дыша.

– Кто ты? – с ужасом спросил его Бава Прибыток.

Глеб поднял руку и отер рукавом забрызганное кровью охоронцев лицо.

– Первоход! – выдохнул чернобородый купец. – Неужели это ты?

Глеб усмехнулся и угрюмо проговорил:

– Ты ведь знал, что я вернусь.

– Знал, – согласился Бава. – Но... как ты сумел прорваться ко мне? Ни один человек не способен...

– Я не человек, – оборвал его Глеб. – Я зверь. И знаешь, кто сделал меня зверем?

– Кто?

Глеб прищурил недобрые глаза.

– Ты.

Он медленно двинулся к кровати. Бава выставил перед собой меч.

– Ты не посмеешь! – воскликнул он дрогнувшим голосом. – Я... Я ничего тебе не скажу!

Глеб грубо толкнул Баву к высокой спинке кровати, выхватил из-за пояса нож и, коротко размахнувшись, вогнал его купцу в плечо. Бава заорал от боли, дернулся, понял, что пригвожден, и заорал еще сильнее.

Глеб сел на лавку, посмотрел на Баву потемневшими от ярости глазами и сказал:

– У меня мало времени, купец. Либо ты будешь отвечать на мои вопросы, либо я воткну этот кинжал тебе в глотку. Выбор за тобой.

– Что... – Бава шевельнулся и скривился от боли. – Что ты хочешь знать, ходок?

– Что за вещь принес тебе из Гиблого места Дивлян?
По бледному, искаженному болью лицу Бава пронеслась тень.
– Я не скажу, – выдохнул он. – Это мое... Мое!
Глеб сжал кулаки.
– Если бы ты знал, купец, каких усилий мне стоит не убивать тебя, – медленно проговорил он. – Спрашиваю в последний раз, и если ты не ответишь, я размозжу тебе голову. Что за вещь принес тебе Дивлян?
Бава облизнул губы.
– Ладно... Хорошо... Я скажу... Эта вещь... Не знаю, как ее назвать... Она может быть всем.
Глеб прищурился:
– Не понимаю.
– Она может стать всем, чем угодно. Только пожелай. – Купец, неловко шевельнувшись, снова поморщился от боли: – Леший... – процедил он. – Ты ведь ходок... Ты знаешь, что можно найти в Гиблом месте. Говорю тебе – эта вещь может быть всем, чем угодно...
Глеб провел по лицу рукой, словно стирал с него невидимую паутину.
– Где эта вещь? – сухо спросил он.
– У меня за спиной есть дверь... Видишь ее?
Глеб взглянул на неприметную светлую дверцу. Поднявшись с лавки, он протянул руку и потребовал:
– Ключ!
Бава мотнул головой.
– Нет ключа. Над притолокой... Медная пластина... Нажми ее!
Глеб отвел взгляд от купца, прошагал к дверце, поднял руку, коснулся пальцами медной пластины и надавил на нее.
Где-то в стене скрежетнули тайные пружины, и дверца слегка приоткрылась.
– Там еще одна дверь... – хрипло проговорил Бава, скосив глаза и стараясь поймать в поле зрения Глеба. – Пружина у порога... справа...
Глеб распахнул дверцу и увидел за ней еще одну. Одна из плашек на полу чуть выступала.
– Наступи... – прохрипел Бава. – Наступи на нее... Только посильнее.
Новый приступ боли заставил Глеба прислониться плечом к стене и стиснуть зубы. Вернуться к купцу, достать из ножен меч и отсечь ему голову! Глеб представил себе это, и свирепое, извращенное, сладострастное чувство захватило его.
Он почти повернулся, но стиснул зубы еще крепче и приказал себе: «Нет. Сперва вещь».
Глаза заволокло бурой пеленой, и Глеб, испугавшись подступающего припадка, шагнул к двери и наступил ногой на деревянную плашку.
Что-то проскрежетало, на этот раз более громко и зловеще, чем прежде. Смутное беспокойство охватило Глеба, но, оглушенный болью, он не успел среагировать вовремя, и тяжелая дубовая балка обрушилась ему на голову.

8

– Ну, что, Первоход? Получил мою вещь?
Бава Прибыток хрипло захохотал, но тут же оборвал смех и зашипел от боли.
– Ничего... – процедил он сквозь зубы. – Я еще помочусь на твою могилу.
Купец поднял руки, обхватил пальцами рукоять ножа и, сжав зубы, изо всех сил потянул за эту рукоять. Из темных глаз хозяина Порочного града брызнули слезы. Он застонал, но не перестал тянуть. Миг-другой – и нож поддался.
Вынув нож, Бава отбросил его в сторону и, сжав руками кровоточащую рану под

ключицей, медленно поднялся на ноги.

– Леший... – тихо и остервенело выругался он, глядя на лежащего без сознания Глеба. – Чтоб тебя сожрали болотные духи, ублюдок.

Купец, пошатываясь, проковылял к столу, взял глиняный кувшинчик с водкой, вынул зубами притертую глиняную пробку и, не давая себе времени на раздумье, плеснул водку на рану.

– А-а, леший! – вскрикнул он и затопал от боли ногой.

Когда боль чуть отпустила, Бава оторвал зубами лоскут от расшитого петухами рушника, висевшего над столом, и, обливаясь потом, перевязал рану.

Затем, немного отдышавшись, подобрал с пола меч и заковылял к лежащему на полу под тяжелой деревянной балкой Глебу.

– Гнида! – выругался он и злобно сплюнул Глебу на куртку. – Думаешь, можешь вот так просто прийти ко мне в дом, перебить моих охоронцев и пришить меня к доске, как муху?

Бава злобно усмехнулся:

– Нет, ходок, это я тебя пришил!

Купец перевернул меч клинком вниз, обхватил рукоять двумя руками, поднял его, нацелившись Глебу в горло, и...

Что-то шелохнулось у купца за спиной.

Бава перехватил меч и резко обернулся. То, что купец увидел, заставило его оцепенеть.

Темный силуэт отделился от стены и медленно двинулся к Баве. Купец попятился и испуганно пробормотал:

– Кто ты?

Ответа не последовало. Темный силуэт медленно приближался. Вначале он был похож на темный клочок тумана, по какому-то странному стечению обстоятельств принявший вид человеческой фигуры, затем контур его оформился, а черты безликого лица проявились и стали четче.

– Это ты! – узнал Бава, изумленно вскинув брови. – Но ты ведь мертв!

Гость продолжал медленно приближаться, не произнося ни слова. Бава отступил еще на шаг и выставил перед собой для защиты меч.

– Я скрепил тайник десятью заговорами! – хрипло проговорил он. – Как ты сумел почуять?

– Первоход сорвал скреп, – сипло проговорил незванный гость. – Теперь я знаю, что вещь у тебя, и могу ее забрать.

Бава угрюмо качнул головой:

– Нет. Я не отдам ее тебе!

Гость усмехнулся и сказал:

– Ты не сможешь мне помешать. Ты сам позволил Первоходу сорвать заговоренный скреп.

Бава скрипнул зубами.

– Ты не пройдешь! – злобно выкрикнул он. – Я не пущу тебя!

На губах гостя появилась холодная усмешка.

– Ты *уже* пустил меня. Если ты забыл, купец, за тобой должок. Ты ведь так и не отблагодарил меня. Я принес тебе вещь, которую ты просил, а ты выгнал меня взащей, не заплатив ни медяка.

Бава облизнул губы и хрипло проговорил:

– Врешь! Ты не Дивлян! Я ничего тебе не должен!

Бава рубанул по гостю мечом, но тот вдруг обратился в туманное облако, и клинок увяз в этом облаке, как в вязком варенье.

– Твой меч из хуралуга, – спокойно произнес сиплый голос. – А меня может убить только белое железо. Первоход знал это и перебил твоих охоронцев. Но ты... – Туманный призрак усмехнулся. – Ты слишком глуп.

Гость отшвырнул меч, скользнул к Баве и положил ему руку на плечи.

– Нет... – испуганно пробормотал купец и попробовал вырваться, но гость взглянул ему в глаза своими странными, темными туманными глазами, и Бава обмяк в его объятиях.

– Вдохни и выдохни, купец, – мягко проговорил гость. – Все будет хорошо.

Он приоткрыл рот, и холодная черная мгла вытекла у него между губами, проплыла черным облачком по воздуху и медленно влилась в распахнутый рот и расширившиеся от ужаса глаза Бавы Прибытка.

9

Очнувшись, Глеб долго не мог понять, что с ним произошло. Плечо его горело огнем, глаза ничего не видели, а на грудь навалилось что-то столь тяжелое, что трудно было дышать.

С трудом высвободив правую руку, Глеб ощупал лицо. Причина слепоты стала ясна – кровь из разбитой головы залила глазницы и загустела.

Глеб соскреб с глаз липкую пленку крови, чуть приподнялся и попробовал спихнуть балку с груди. Приступ головокружения и тошноты заставил его вновь опустить голову на пол.

Каждое движение доставляло боль. Судя по всему, рухнувшая балка не только разбила ему голову, но и сломала пару ребер. Да и боль в левой ключице могла быть вовсе не отзвуком другой боли – той, что мучила его последние несколько дней.

Глеб повторил попытку, но на этот раз действовал осторожнее. Сантиметр за сантиметром сдвинул он тяжелую балку с покаленного тела, затем снова опустил голову на пол и отдышался. Теперь можно было вставать.

Поднявшись на ноги, Глеб обвел мутными глазами комнату и остановил взгляд на грузном теле Бавы Прибытка.

Купец лежал в углу комнаты, скрючившись в позе зародыша. Кожа на его лице плотно облепила череп, глаза вылезли из орбит, губы были испачканы черной слизью.

Глеб подавил новый приступ тошноты, отвернулся и взглянул на дверь тайника. Она была приоткрыта. Глеб шагнул к ней, переступил через порог, потом еще через один, прошел еще несколько шагов и оказался в маленькой, темной комнатке, схожей с чуланом.

Глеб достал из кармана зажигалку и выщелкнул огонь. Язычок пламени осветил грубо сколоченный стол и деревянный ларец. Крышка ларца была откинута.

По всей вероятности, пока Глеб лежал без сознания, кто-то проник в комнату, убил Баву и завладел вещью. И этот «кто-то» был такой же темной тварью, как та, что убила Дивляна, Ведану и Белозора с его людьми.

Глеб задумчиво наморщил лоб. Тунгир и его головорезы тоже были темными тварями. Но как Бава Прибыток заставил их служить себе? Поразмыслив, Глеб пришел к выводу, что эту власть Баве дала таинственная вещь, которая лежала в ларце.

Где-то далеко послышались крики. Потом заржала лошадь. Глеб насторожился. Снизу донеслись мужские голоса и грохот сдвигаемых лавок. Потом где-то внизу забряцала броня и загрохотали шаги. Наверх поднимались люди. Кем бы ни были эти люди, встреча с ними не предвещала Глебу ничего хорошего.

Медлить было нельзя.

Покачиваясь и спотыкаясь, Глеб направился к окну. По пути он запустил руку в серебряную чашу с бурой пылью, стоявшую на столе, зачерпнул пригоршню и сунул ее в карман. Потом прошел к окну, распахнул ставни, перегнулся через подоконник и вывалился в пустоту.

Боли от падения он почти не почувствовал. Лишь потерял на мгновение сознание, а когда вновь пришел в себя, понял, что встать с земли сам не сможет.

Плечо жгла лютая боль, а вся левая сторона тела онемела. Кроме того, при каждом движении в голове Глеба перекачивался чугунный шар, а к горлу подступала тошнота –

явные признаки сотрясения мозга.

«Бог Хорс и Крылатый пес Семаргл, помогите мне!» – стиснув зубы, чтобы не застонать от боли, беззвучно взмолился Глеб.

Чьи-то мягкие, нежные руки обхватили его за щеки, в лицо ему пахнуло чистым девичьим духом. Глеб с трудом сфокусировал зрение, улыбнулся и прошептал:

– Милана... Боги послали мне тебя...

– Тш-ш-ш! – Милана поднесла палец к губам. – Тебе нельзя разговаривать. – Она погладила Глеба ладонью по волосам и тихо проговорила: – Я увезу тебя. Только молчи. Вокруг полно княжьих охоронцев. Я подниму тебя, но ты должен мне помочь.

– Да... – выдохнул Глеб. – Да, конечно.

– Опирайся на меня.

И они стали медленно подниматься. Встав на ноги, Глеб покачнулся и прохрипел, морщась от боли:

– погоди... – Он сунул руку в карман куртки, подхватил щепотку бурой пыли, вынул ее и неуклюже забросил пыль в рот.

– Что это? – удивленно спросила Милана.

– Анестезия, – ответил Глеб, рассасывая пыль.

Боль постепенно отступила, а вслед за ней перестала терзаться и душа. Глеб прикрыл глаза и блаженно улыбнулся.

– Эй! – тихо окликнула Милана. – Эй, ты в порядке?

– В полном, – не открывая глаз, ответил Глеб.

– Идем.

Глеб не помнил, почти не осознавал, как дошли они до телеги, укрытой за голыми кустами бузины. Он как бы смотрел на себя со стороны. Вот Милана помогает ему забраться в телегу. Вот заботливо обкладывает его вытянувшееся на телеге тело соломой.

– Я тебя накрою рогожей, – прошептала Милана. – Ты смотри не шевелись и ничего не говори. Как только будет можно, я тебя освобожу. Потерпишь?

– Нет проблем, – все с той же идиотской улыбкой на разбитых губах ответил Глеб.

Милана посмотрела на него с сомнением, однако времени на споры не было. Она быстро растянула скомканную рогожу и накрыла Глеба с головой.

– Я сниму с тебя сапоги, – сказала она. – Так будет больше похоже.

Глеб почувствовал, как Милана стягивает с его ног ичиги и обмотки. Ногам стало холодно, но это было даже приятно.

Телега тронулась и заскрипела во тьме ободьями. Проехать удалось всего с четверть версты. Потом зычный голос грубо окликнул из тьмы:

– Эй, девка, что везешь?

– Брата, – ответила Милана.

Здоровенный княжий охоронец в лязгающей броне подошел к телеге и взглянул на торчащие из-под рогожи неподвижные босые ноги.

– Почему он под рогожей?

– Помер, – горестно проговорила Милана. – Заразился от батюшки и помер.

Милана хлопнула носом и принялась с остервенением чесать себе ладонь.

– Чем же он болел? – подозрительно прищурился охоронец.

– Кто же его знает? Началось все с почесунов – вот, как у меня. А потом по коже пошли язвы. Да что я говорю – посмотри сам, коли интересно!

Милана взялась за край рогожи.

– Стой! – остановил ее охоронец и со страхом посмотрел на торчащие из-под рогожи ноги. – Увози отсюда своего покойника! Быстро!

– Прости, дяденька.

Милана стеганула лошадку, и та лениво зашевелила копытами. Однако, едва телега проехала еще пару сажень, как из ночного мрака снова послышался окрик:

– А ну стой!

К телеге на крепком вороном жеребце подъехал десятник.

– Что там у нее? – угрюмо спросил он у рядового охоронца.

– Брата везет, – объяснил тот, – покойника.

– Ты проверил?

– Да, Видбор.

Десятник, широкогрудый, рыжебородый, взглянул на Милану.

– Значит, брат? – подозрительно прищурившись, спросил он.

Милена робко глянула на десятника и кивнула.

– Брат.

Тот вздохнул:

– У меня тоже брат помер. В Ярилин день. Твой от чего?

– От хвори.

– А моего понес конь, перевернул и зашиб насмерть. – Десятник глянул на охоронца и приказал: – Починок, проводи девчонку до кордона!

– Слушаюсь, – отозвался тот и нехотя уселся на телегу.

Милана уже собиралась тронуть лошадку с места, но десятник снова окликнул:

– Постой! Ты не сирота ли?

Милана покачала головой:

– Нет, дяденька. У меня мамка жива.

Десятник вздохнул:

– Это хорошо. Ну, все равно возьми. – Он снял рукавицу, сунул руку в кожаный кошель, притороченный к поясу, достал медяшку и протянул Милане.

– Спасибо, дяденька!

Милана взяла медяшку и быстро сунула в карман.

– Ну, ступайте!

Пару минут спустя Милана, все это время молча правившая лошадь, набралась храбрости и спросила у дремавшего в телеге ратника:

– А что случилось-то, дяденька? Кого-то ловите?

– Ловим, – отозвался охоронец угрюмым голосом. Он был явно недоволен тем, что ему приходится сопровождать столь смертоносный груз.

– А кого? – спросила Милана.

– Одного разбойника, – последовал сухой ответ.

– Ох, матушка-Лада! – испуганно ахнула Милана. – И что ж, опасен сей разбойник?

Охоронец посмотрел на Милану и усмехнулся:

– Для тебя нет. Что с тебя, голодранки, взять? Хотя... – Глаза его маслянисто сверкнули. – Девка ты спелая и красивая! Послушай... а хворь твоего брата точно была заразна?

– Ясное дело, заразная.

Охоронец вздохнул:

– Жаль.

– Чего ж тебе жаль, дяденька?

– Да так, ничего.

Впереди показался кордон.

– Эй, Сипатый, Коваль! – окликнул охоронец двух широкоплечих ратников, сидящих у костра. – Пропусти девку без досмотра – десятник приказал!

– Ты уверен? – откликнулся один из охоронцев.

– Да.

Охоронцы поднялись на ноги, прошли к бревну, возложенному на раздвоенные опоры, сняли его, подождали, пока телега проедет между опорами, затем снова водрузили бревно на прежнее место.

Ратник, сопровождающий Милану, поспешно спрыгнул с телеги, повернулся и, не прощаясь, торопливо зашагал к костру.

Когда спустя полчаса Милана откинула с лица Глеба рогожу, он хрипло вдохнул морозный ночной воздух полной грудью и закашлялся.

– Думал, эта пытка никогда не кончится, – морщась от боли и шевеля затекшими руками, проговорил Глеб. – Мы приехали?

– Да.

Глеб приподнял голову и огляделся.

– Где это мы?

– У избы моего деда. Не бойся, дед о прошлую осень помер, и теперь изба пустует.

– Добрая изба, – вяло похвалил Глеб, борясь с очередным приступом головокружения. – И подворье доброе. Баня, сарай...

– Дед был скорняком, – сообщила Милана, забрасывая поводья на коновязь. – Сейчас отведу тебя в дом, а после распрягу Гнедашку и дам ей сена. Сам-то слезть сможешь?

– Не знаю. Думаю, да.

Опираясь на плечо Миланы, Глеб доковылял до избы и с трудом перешагнул через высокий порог. Чувствовал он себя чертовски скверно.

Милана довела его до кровати и помогла улечься.

– Уф-ф... – вздохнул Глеб, вытянул ноги и поморщился от боли в плече и груди. – Это самое мягкое ложе в моей жизни, – пробормотал он. И добавил с вялой усмешкой: – Боюсь, как бы оно не стало последним.

Милана помогла ему снять охотничью куртку и пояс с ножнами и кобурой. Затем накрыла его босые ноги одеялом.

– Твое оружие я уберу в комод, – сказала Милана, с опаской поглядывая на тяжелые железные штуки.

– Делай как знаешь, – ответил Глеб, закрывая глаза и пытаясь расслабиться.

Он слышал, как скрипнула крышка дубового комода, как брякнули об его дно меч и ольстра. В другое время он бы никому не доверил свое оружие, но сейчас ему было плевать.

Закрыв комод, Милана вернулась к кровати, склонилась над Глебом и сказала:

– Я поставлю тебя на ноги, любимый. У меня есть крынка с заживляющим зельем. Лучше этого зелья не найти.

Глеб облизнул пересохшие губы и тихо проговорил:

– Хорошо. Надеюсь, что зелье поможет. А теперь, с твоего позволения, я хочу поспать.

Сознание его уже затуманилось. Голос Миланы звучал словно сквозь толстый слой ваты.

– Спи, мой любимый, – прошептала она сквозь эту вату. – Спи и ни о чем не беспокойся.

* * *

– Орлов, твою мать, ты опять спишь на заседании редакционного совета!

Глеб открыл глаза и, потеряв от неожиданности равновесие, едва не рухнул вместе со стулом на пол.

Редакторский кабинет наполнился смехом. Главный редактор Турук сверкнул на своих сотрудников свирепым взглядом, и все замолчали. Он снова устремил взгляд на Глеба.

– Орлов, какого черта ты вытворяешь?

– Иван Кузьмич, я просто закрыл глаза.

– Зачем?

– Чтобы не ослепнуть от радужного ореола, который светится над вашей головой.

Присутствующие засмеялись. Главный редактор побагровел и скрипнул зубами.

– Все остришь, Орлов? Смотри не переостри сам себя. Где статья о закрытии АвтоВАЗа?

– А разве его закрывают? – вскинул брови Глеб.

– Ты еще издеваешься!

– Нет, Иван Кузьмич, это АвтоВАЗ над нами издевался. Но, если верить вам, этому издевательству пришел конец.

– Так ты сделал статью?

– Иван Кузьмич, почему я? Я ведь звезда поп-тусовок.

Турук кровожадно усмехнулся.

– Я решил покончить с этим, – объявил он. – Ты и так перетрахал весь цвет отечественного шоу-бизнеса!

– Только женскую его половину, – поправил Глеб и подмигнул светскому хроникеру Яшке Фенделю. – Хотя точно поручиться, конечно, нельзя.

– Чтобы через час статья была готова. С тебя пять тысяч знаков – не больше и не меньше!

– Яволь, майн фюрер, – кивнул Глеб.

– Что?

– Хорошо, Иван Кузьмич. Сейчас же этим займусь.

Стоя у писсуара, Глеб прикрыл от наслаждения глаза. Рядом встал Яшка Фендель.

– Как насчет субботнего покера? – поинтересовался он, делая свое дело с не меньшим наслаждением.

– Я, как пионер, всегда готов, – ответил Глеб. – Знаешь, пока я спал на редколлегии, мне приснился забавный сон.

– Тебе приснилось, что тебя заперли в баре?

Глеб усмехнулся:

– Намного круче. Мне приснилось, будто я – отважный борец с оборотнями и упырями.

– Вот как? И чем же ты их разил?

– Мечом.

– Мечо-ом? – протянул Фендель и усмехнулся: – Да ты тяжелее своего члена сроду ничего в руках не держал.

Глеб кивнул.

– В том-то и дело. Но во сне я был крут и меня все боялись.

Сделав свое дело, Глеб нажал на рычажок смыва и неторопливо застегнул ширинку.

– Орлуша, ты, конечно, прости, но единственный человек, который тебя боится, это наша корректорша Дашка, – заметил Фендель, также смывая воду. – И то по понедельникам, когда ты приходишь на работу с бодуна и не можешь правильно написать даже свое имя.

– Старик, ты меня плохо знаешь! – интригуяще проговорил Глеб и подмигнул Яшке.

У раковины, натирая руки жидким мылом, он спросил:

– Срежемся в Контр-Страйк, пока Турука нет?

– Давай, – согласился Яшка.

Пять минут спустя Глеб клацнул на клавишу, подбирая себе подходящий «ствол», и вдруг остановился.

– Ты чего? – высунулся из-за своего компьютера Яшка Фендель.

– Во сне у меня был обрез охотничьего ружья. Похожий на этот.

– Не самое лучшее оружие, – заметил Яшка.

– Не спорю, – согласился Глеб. – Но знал бы ты, сколько нечисти я из него завалил.

Начинаем?

– Давай! – кивнул Яшка.

Схватка оказалась непродолжительной. Уже через минуту Фендель отдернул руки от клавиатуры и отъехал вместе с креслом от стола.

– Ты что, – проговорил он, изумленно глядя на Глеба, – втихаря тренируешься по ночам?

Глеб засмеялся:

– Угу. А что, клево получается?

– Да тебе прямая дорога на чемпионат Москвы! Тебе даже «ствол» не нужен. Схватишь меч из белого железа – и вперед на Гиблое место! Ни одна нечисть не уцелеет!

Что-то щелкнуло в мозгу у Глеба. Он убрал пальцы с клавиатуры, медленно поднял голову и пристально посмотрел на Фенделя.

– Откуда ты знаешь про белое железо? – тихо спросил он. – А про Гиблое место?

Несколько секунд Яшка молчал, потом мрачно усмехнулся и проговорил:

– Ты меня раскусил, ходок.

И вдруг смуглое лицо Яшки Фенделя стало меняться. Его рот и нос вытянулись вперед, превращаясь в звериное рыло, переносица разъехалась в стороны и покрылась бурой шерстью, а изо рта вылезли острые желтоватые клыки.

Фендель рыкнул и взвился в воздух. Глеб бросился к столу, на котором среди крошек от бутербродов валялся небольшой столовый нож, подхватил его, резко развернулся и вогнал лезвие в шею навалившегося на него Фенделя.

Светский хроникер упал на пол и забился в предсмертных судорогах, а Глеб стал пятиться к двери, не спуская глаз с Фенделя, и пятился, пока не наткнулся на вошедшую в кабинет редакторшу отдела моды Катю Королькову.

– Орлов! – сердито воскликнула она. – Что здесь происходит?

– Я... Я... Яшка...

И тут она увидела лежащего на полу Фенделя.

– Яша! – вскрикнула Катя. – Яша, что с тобой?

Она хотела подбежать к Фенделю, но Глеб удержал ее и хрипло заявил:

– Это не Яшка. Это оборотень. Но не волнуйся, я только что его прикончил!

Катя вырвалась из рук Глеба и с криком выскочила из офиса. А потом началась полная кутерьма. В офис вбежали охранники, подхватили Глеба под мышки, выволокли из офиса и потащили по коридору.

– Он оборотень! – кричал, пытаясь вырваться, Глеб. – Говорю вам, Фендель – оборотень!

В коридор высыпали сотрудники.

– Допился, – проговорил кто-то, глядя на охранников, уволакивающих Глеба к лифту.

– Белая горячка, – подтвердил другой. – Жаль чувака, веселый был парень.

– Я не сумасшедший! – закричал Глеб. – Я нормальный!

И вдруг лица сотрудников задрожали, подернулись рябью и стали превращаться в звериные морды.

Глеб пропотел от ужаса, дернулся изо всех сил и – проснулся.

11

Приподняв голову, он обнаружил, что лежит на кровати. На нем была белая постиранная рубаша. Возле кровати, глядя на Глеба мягким, печальным взглядом, сидела Милана.

Глеб привстал на кровати, разомкнул губы и тихо спросил:

– Что сейчас? Ночь, утро, вечер?

Милана улыбнулась, поправила ему подушку и ответила:

– Вечер. Я рада, что ты пришел в себя.

– Сколько я провалялся?

– Почти двое суток.

Глеб присвистнул.

– Ого.

– Хворь еще не прошла, – сказала Милана. – Ты должен лежать.

Глеб вздохнул:

– Я и сам бы не прочь, но не получится. Слишком много дел накопилось.

Он медленно сел в кровати и опустил ноги на холодный дощатый пол. Милана

взглянула на него с тревогой.

– Что ты собираешься делать, Глеб?

– Прежде всего прошвырнусь по городу, узнаю, как обстоят дела.

– Расспроси меня – я расскажу.

Глеб улыбнулся и покачал головой.

– Не думаю. Ты ведь все эти двое суток сидела рядом со мной, так?

Милана кивнула:

– Так.

– Ну, вот видишь. – Глеб потянулся за шерстяной поддевкой, но вдруг остановился, взглянул на Милану пристальным взглядом и спросил: – Слушай, а как ты оказалась в Порочном граде? И откуда ты знала, где меня искать?

Милана нахмурилась и тихо ответила:

– Мне сказали.

– Кто?

Она пожала плечами:

– Я не знаю, как ее зовут. И лица ее не видела. Она вся закутана в платок, видны только глаза.

«Диона!» – едва не воскликнул Глеб. Он облизнул мигом пересохшие губы и спросил:

– И что она тебе сказала?

– Что ты в Порочном граде. В самом большом кружале. И чтобы я привезла телегу и ждала тебя под окном.

Глеб сдвинул брови и задумчиво проговорил:

– Вот оно что. Значит, к ней вернулся дар предвидения.

– Что? – не поняла Милана.

Он тряхнул головой:

– Ничего. Мне надо собираться.

Глеб встал с кровати и стал одеваться. Милана смотрела на него грустным, безысходным взглядом.

– Ты не вернешься, – сказала она вдруг.

Глеб застегнул меховую куртку и взглянул на Милану:

– Что?

– Ты не вернешься, – повторила она с горечью.

Глеб улыбнулся, подошел к Милане, нагнулся и поцеловал ее в губы.

– Я вернусь, – ласково произнес он. – Обещаю тебе. Ты ведь меня приворожила, и теперь я от тебя никуда.

Милана отвернулась и, сдерживая слезы, поинтересовалась:

– Куда ты направляешься?

– Какой-то мерзавец пробрался к Баве Прибытку и похитил у него одну ценную вещь. Я должен вернуть ее.

Милана взглянула на Глеба и недоверчиво спросила:

– Ты хочешь поймать вора?

Он кивнул:

– Да.

– И ты не пойдешь в Гиблое место?

Улыбка покинула губы Глеба. Он мрачно взглянул на Милану и недовольно спросил:

– С чего ты взяла, что я туда пойду?

– Мне сказала об этом она.

Глеб прищурился:

– Женщина, закутанная в платок?

Милана кивнула:

– Да.

Глеб сделал над собой усилие и снова улыбнулся.

– Это все ерунда. Я ненавижу Гиблое место и скорее пушу себе пулю в лоб, чем снова туда пойду. Тебе не о чем волноваться.

Глеб отвернулся, и улыбка тут же выплела на его губах. Он прошел к комоду, откинул крышку и достал кожаный пояс с ножнами. Надел его, закрепил скобу, затем достал из комода кобуру с ольстрой. В кожаном кармашке, пришитом к кобуре, осталось несколько патронов. Глеб вставил их в магазин обрез.

Милана следила за его приготовлениями тревожным, грустным взглядом.

– Ты будешь обо мне вспоминать? – спросила она, когда Глеб накинул суконный плащ и скрепил его на плече пряжкой.

Он обернулся, посмотрел на девушку мягким взглядом и ответил:

– Конечно.

– И ты правда вернешься ко мне?

– Сейчас ты единственный человек во всем мире, к которому я хотел бы вернуться.

Правда.

Он прошел к Милане, обнял ее и вновь нежно поцеловал в губы. Затем выпустил ее из объятий и хотел двинуться к двери, но она его удержала.

– Подожди.

– Что? – вскинул брови Глеб.

Милана неуверенно улыбнулась:

– Не хотела тебе говорить, но... Кажется, у нас будет ребеночек.

Глеб оцепенел.

– Что ты сказала? – с трудом выговорил он.

Милана положила руку на живот и улыбнулась:

– Я молилась Макоши и Ладе, чтобы послали мне ребеночка, и они услышали мои молитвы. Я чувствую его. Хочешь послушать?

Несколько секунд Глеб смотрел на Милану молча, затем проговорил:

– Послушай, милая, ты не можешь этого знать. Прошло слишком мало времени и...

– Но я знаю, – с улыбкой возразила Милана.

Она протянула руку и обхватила своими теплыми пальцами его холодную ладонь.

– Не злись на меня, Первоход, – прошептала она. – Мне ведь ничего от тебя не надо. И неволить я тебя не стану. Таких, как ты, неволя губит. – Милана помолчала, разглядывая Глеба, затем заговорила вновь: – Знаешь, мне во сне богиня Макошь приснилась. Простерла надо мной сияющую длань и сказала: «Мальчик у тебя родится, Милана! Великим богатырем будет!»

Милана опустила взгляд на свой живот и погладила пальцами руку Глеба.

– Он будет таким же сильным и храбрым, как ты, Первоход.

Глеб высвободил руку и, стараясь не вспылить и говорить как можно мягче, произнес:

– Милана, мне нужно идти. Когда я вернусь, мы поговорим об этом еще раз, хорошо?

Она кивнула:

– Хорошо. Как скажешь, любимый мой. Я буду тебя ждать.

Еще несколько секунд Глеб смотрел ей в глаза, затем вздохнул, повернулся и зашагал к двери.

– Возвращайся, ходок, – прошептала ему вслед Милана одними губами. – Пусть боги Гиблого места защитят тебя от темной нечисти.

12

Теперь, когда Глеб знал, с кем имеет дело, искать пришлось недолго. Вопросы, которые он задавал бродягам и нищим, стали конкретней и точнее. Чем правильнее были эти вопросы, тем информативнее были ответы. Оказалось, что двойник мертвого ходока, потерявший бдительность, разгуливающий по городу и убивающий людей, – фигура заметная. Уже через два часа Глеб напал на след твари.

Стоя в темном переулке и беседуя с кривоногим сутенером, Глеб задумчиво почесывал пальцами горбинку на переносице.

– Так, говоришь, ты видел Дивляна?

Сутенер кивнул:

– Да. Он был здесь меньше четверти часа назад.

– И куда же он пошел?

– К Малому яру. Это за спиленной сосной, знаешь?

Вручив сутенеру монету, Глеб повернулся и быстро зашагал по мерзлой дороге. Теперь в нем проснулся охотник, напавший на след добычи. Глеб мог больше никого не расспрашивать о твари, которую преследовал. Сердце и охотничий инстинкт подсказывали ему, куда идти.

И вот он на месте. Луна светила вполнакала, но небо было ясное, и вскоре глаза Глеба привыкли к темноте настолько, что он мог различить каждую ветку на дубе, стоявшем на краю оврага, в двадцати метрах от него.

Ждать пришлось недолго. Одинокая темная фигура, вывернувшая из-за деревьев, двигалась быстро и уверенно, однако в походке ее было что-то деревянное и противоестественное.

Глеб вынул из кобуры ольстру, заряженную пулями, отлитыми из белого железа, и вышел из-за дерева на дорогу.

Фигура остановилась и замерла на месте.

– Далеко ли путь держишь, прохожий? – поинтересовался Глеб, положив цевье ольстры на левую ладонь и направив на собеседника дуло.

– Первоход, – хрипло выдохнул собеседник и улыбнулся. – Давно не виделись.

– С Дивлян – да, – холодно проговорил Глеб. – А с тобой мы не виделись никогда, тварь.

Собеседник несколько мгновений разглядывал Глеба в упор, затем быстро огляделся по сторонам, снова перевел взгляд на Глеба и произнес с прежней приветливой улыбкой:

– Ты не в себе, Первоход.

– Я-то как раз «в себе», – возразил Глеб. – А вот на твой счет я сильно сомневаюсь. Как это происходит, тварь? Как ты это делаешь?

Собеседник прищурился.

– О чем ты?

– Я где-то читал, что если обучить дождевого червя двигаться по лабиринту, а потом скормить этого червя другому червю, то второй червь усвоит все навыки первого. Думаю, тут мы имеем дело с чем-то подобным.

Псевдо-Дивлян качнул головой и проговорил с досадой:

– Не понимаю, о чем ты толкуешь.

– Не понимаешь? Хорошо, я тебе объясню. Ты сожрал Дивляна. А потом скопировал его тело. Ты забрал у Дивляна не только его внешность, но и его память. – Глеб прищурил глаза и жестко спросил: – Что ты такое, тварь?

Псевдо-Дивлян улыбнулся.

– Не понимаю, о чем ты, Глеб. Я и есть Дивлян.

Глеб холодно усмехнулся.

– Точно. А я – Мохаммед Али.

Псевдо-Дивлян склонил голову набок и смешливо предложил:

– Брось дурачиться. Лучше давай обнимемся.

Он шагнул вперед, но Глеб поднял ольстру до уровня его глаз и глухо пророкотал:

– Сделаешь еще шаг, тварь, и я продырявлю тебе голову.

Псевдо-Дивлян остановился. Несколько секунд оба молчали, с любопытством разглядывая друг друга. Потом Псевдо-Дивлян мягко улыбнулся и заявил:

– Я все равно пройду, Первоход. Или тебе придется меня убить.

– Как скажешь, – выдохнул Глеб.

Он положил палец на спусковой крючок, но Псевдо-Дивлян вдруг приподнял голову и проговорил спокойным, сильным, властным голосом:

– Вдохни и выдохни, Первоход. Тебе не о чем волноваться. Вдохни и выдохни.

Глеб, неожиданно для себя, сделал глубокий вдох и медленно выдохнул воздух из груди.

– Вот так, – кивнул Псевдо-Дивлян. – А теперь расслабься. Все будет хорошо.

Палец Глеба задрожал и соскользнул со спускового крючка. Рука, сжимающая ольстру, опустилась сама собой.

– Вот так, – повторил Псевдо-Дивлян. – А теперь закрой глаза. Закрой глаза и позволь мне сделать то, что я умею. Это будет не больно. И даже приятно.

Веки Глеба отяжелели и стали опускаться.

«Что же я делаю? – подумал он растерянно. – Ведь этот ублюдок гипнотизирует меня. Надо его убить!»

Глеб попробовал приподнять ольстру, но рука уже не подчинялась ему. Голос Псевдо-Дивляна звучал так умиротворяюще, а дрема, в которую стал погружаться Глеб, была такой сладкой, что он улыбнулся и решил:

«Ну и пусть. Чего стоит жизнь, если в ней нет ни дома, ни друзей, ни любимого дела? Это все лишь фикция... Покрывало Майи... Галлюцинация длиною в жизнь... Пусть этому придет конец».

Ноги Глеба ослабли, и он опустился перед собеседником на колени.

– Ты не пожалеешь, ходок, – сказал Псевдо-Дивлян, возлагая длань на его голову. – Я помогу тебе избавиться от забот и горестей. Вдохни и выдохни, друг. Вдохни и выдохни.

Глеб почувствовал, как теплая волна подхватила его и понесла куда-то. Ощущение было чертовски приятно, и Глеб окончательно расслабился, подчинившись плавному течению этой волны.

Но вдруг по этому плавному течению пробежала рябь. Потом еще раз. И еще.

– Нет, Первоход, – услышал Глеб спокойный, властный голос своего учителя – охотника Громола. – Ты силен. Гиблое место наделило тебя Силой. Почувствуй ее. Почувствуй и используй.

Легкая вибрация пробежала по ладоням Глеба. Он открыл глаза и взглянул на Псевдо-Дивляна. И тотчас голова твари дрогнула под его тяжелым взглядом и слегка расплылась, как расплывается облако, на которое подул ветер.

Псевдо-Дивлян отшатнулся и схватился за виски, словно пытался удержать себя от распада.

– Этого не может быть, – прохрипел он изумленно. – Ты ведь человек!

– Ты, должно быть, не слышал, что говорят люди, – спокойно возразил Глеб. – Тот, кто ходит в Гиблое место, сам становится его частью. Я был в Гиблом месте больше любого другого ходока.

– Слушай меня...

– Нет, это ты меня слушай! Ты просто клочок тумана, тварь. Сейчас я подую на тебя, и ты исчезнешь.

Глеб сложил губы дудочкой и легонько дунул на Псевдо-Дивляна. Тело монстра задрожало и запузырилось.

– Нет... – в ужасе прохрипел он, изо всех сил пытаясь собрать себя воедино. – Нет... Ты не мооо...

Что-то лопнуло внутри твари, и она плавно стекла на землю. Серое, студенистое тело зашипело и, подрагивая, как желе, стало таять, впитываясь в мерзлую почву.

– Как ты это сделал? – послышался за спиной у Глеба удивленный голос Дионы.

– Не знаю, – не оборачиваясь, ответил Глеб. – Но боюсь, что повторить этот номер на «бис» я не смогу.

Он поднялся на ноги, вложил ольстру в кобуру и отряхнул грязные колени.

– Еще раз увидишь, что я стою перед темной тварью на коленях, пристрели меня, –

хмуро попросил Глеб. – Кстати, как тебе удалось так бесшумно подойти?

– Это было несложно, Глеб, – спокойно ответила Диона. – Ты ведь помнишь, кто я.

– Значит, твой дар вернулся к тебе?

Она кивнула:

– Да. Гиблое место вернуло мне мою Силу.

– Вот как. – Глеб прищурился и внимательно взглянул на Диону: – А что оно потребовало взамен?

Диона неторопливо подняла руки к голове и сняла платок.

– Боже... – выдохнул Глеб и отступил на шаг.

– Гиблое место изменилось, Глеб, – сказала Диона спокойным, твердым голосом. – И я изменилась вместе с ним. Я превращаюсь в чудовище. Но у меня еще есть время, и я хочу использовать его на благое дело.

Она вновь накинута на голову платок и продолжила:

– За минувшие два дня в городе произошло много странного, Глеб. Вчера лавочника Мития, торгующего на торжке мочеными яблоками и квашеной капустой, сбила телега. Колеса переехали ему голову, а Митий поднялся и как ни в чем не бывало пошел дальше. За ним побежали охоронцы, но торговец свернул за угол и исчез.

– Что еще?

– Люди в городе умирают от странной болезни.

Глеб нахмурился.

– Дай-ка угадаю. Высохшая кожа, вытаращенные глаза и губы, измазанные черной дрянью?

Диона кивнула:

– Да. Их хоронят, а потом они возвращаются снова. Ожившие мертвецы всегда угрюмы и исчезают еще до того, как кто-то попытается с ними заговорить.

– И что все это означает? – угрюмо поинтересовался Глеб. – Нечисти стало тесно в Гиблом месте?

– Наверное, так.

Глеб тяжело вздохнул.

– Если нечисть и впрямь сумела вырваться из Гиблого места, людям несдобровать.

– Она вырвалась, – сказала Диона. – И я не уверена, что мы сможем ее остановить.

Брови Глеба приподнялись.

– Мы?

Диона кивнула и ответила твердым голосом:

– Да, мы.

Глеб прищурился, словно пытался разглядеть в полумраке ее глаза.

– И с чего мы начнем, Диона?

– Ты сам знаешь, с чего. – Голос ее по-прежнему был твердым и спокойным. Было видно, что она приняла решение и не намерена от него отступать. – Нам придется встретиться с Мамелфой, Глеб. И на этот раз ты меня не остановишь.

– А если я все же попробую?

Диона покачала головой.

– Нет, Первоход. Теперь я не слушаюсь тебя.

– Ладно. Это мы обсудим позже, а пока...

Глеб шагнул к груде одежды, оставшейся после истаявшей и превратившейся в лужу твари, нагнулся и поднял кафтан. Сунув руку в карман кафтана, Глеб передернул плечами и с отвращением проговорил:

– Липкая на ощупь.

– Что ты делаешь, Глеб? – с удивлением спросила Диона.

Глеб, скривившись от отвращения, обыскал карманы. Наконец, он отшвырнул мокрый кафтан на землю, повернулся к Дионе и протянул руку. На ладони у него лежал небольшой предмет, похожий на деревянный, гладко обточенный брусок.

– Что это? – спросила Диона.

– Вещь, из-за которой погибли Дивлян и Бава Прибыток. Бава сказал, что эта штукавина может стать всем, чем угодно. Не знаю, как это работает, но хочу попробовать.

Глеб пристально уставился на брусок и наморщил лоб. Странный брусок дрогнул. Мгновение – и вот уже на ладони у Глеба лежал не кусок дерева, а большой ярко-алый цветок.

Диона смотрела на него округлившимися глазами.

– Что это? – удивленно пробормотала она.

– Роза, – ответил Глеб сухим, ничего не выражающим голосом, за которым скрывалось настоящее изумление. Он вдохнул аромат цветка и улыбнулся: – Пахнет, как настоящая.

Глеб снова пристально уставился на розу. Та дрогнула и вновь изменила форму.

– А это что? – все так же недоумевая, спросила Диона.

– «Глок», – ответил Глеб с напряженной усмешкой. – Корпус из композитных материалов, семнадцать патронов в магазине. На черном рынке стоит полтысячи баксов. Я видел такой у одного дельца.

Глеб выщелкнул обойму, глянул на нее и удовлетворенно констатировал:

– Полная. Все семнадцать патронов.

– Что это, Глеб? – снова спросила Диона. – Я не понимаю.

«Глок» снова превратился в кусок дерева, и Глеб спрятал его в карман куртки.

– Бава не обманул, – сказал Глеб. – Этот странный перевертень может превращаться во что угодно. Стоит только пожелать.

Глеб повернул голову и взгляделся в даль.

– Гиблое место не перестает меня удивлять, – задумчиво проронил он. – Интересно, сколько еще фокусов оно для нас приготовило?

Диона молчала, ожидая объяснений, и Глеб медленно проговорил:

– Дивлян притащил эту вещь из Гиблого места и продал Баве Прибытку. Тот спрятал ее в тайную комнату и скрепил замки заклинаниями и заговорами. Но Дивлян... вернее, его двойник... вернулся и похитил ее у Бавы.

Диона протянула руку.

– Позволь мне посмотреть.

Глеб покачал головой:

– Прости, но нет.

– Ты мне не доверяешь?

– Сейчас я не доверяю даже себе.

Несколько секунд Диона стояла неподвижно, затем опустила руку и сказала:

– Ты прав. Держи эту вещь при себе. Сердце подсказывает мне, что в ней таится большая опасность.

Она повернулась и обронила через плечо:

– Дождись меня. Я скоро вернусь.

– Куда ты?

– После объясню. Пожалуйста, дождись! Мы покончим с этим сегодня же!

– Но...

Диона развернулась и быстро зашагала по дороге. Вскоре она скрылась из вида.

Немного постояв, Глеб огляделся, увидел неподалеку поваленное бревно и побрел к нему.

Ночь была ясная и морозная, но Глеб не замечал холода. Чувствовал он себя превосходно. Ни боли, ни ярости. Вероятно, бурая пыль все еще действовала.

Усевшись на бревно, Глеб достал из кармана брусок, положил его на ладонь и, прищурившись, пристально на него посмотрел. Брусок превратился в книжицу небольшого формата в красном переплете. Золоченое тиснение на красной обложке сообщало: «Приключения янки при дворе короля Артура».

Глеб улыбнулся своей выходке. Он прекрасно помнил сюжет этой повести. Молодой

инженер из Коннектикута перенесся в прошлое и волей случая попал в свиту короля бриттов Артура. Ох, и понаделал же он там делов!

Глеб засмеялся и снова напряг воображение. Книга превратилась в пачку сигарет «Кэмел».

«Интересно, их можно курить?» – подумал Глеб.

Он вскрыл полиэтиленовую обертку и сунул ее в карман, затем вынул из пачки одну сигарету. Осторожно ее понюхал. Сигарета пахла настоящим табаком. Однако раскурить ее Глеб не решился. С Гиблым местом шутки плохи. Хватит ему и яда лиловой ящерицы, который все еще бродит по его венам и артериям.

Глеб вдруг почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит, и резко обернулся.

– Я пришла, Глеб. – Диона медленно опустила на землю глиняный кувшин. Затем выпрямилась и вытерла рукавом потный лоб.

Глеб прищурил темные глаза.

– Я снова не услышал, как ты подошла.

– Ты был слишком увлечен своим перевертнем, – спокойно пояснила Диона.

Глеб кивнул подбородком на кувшин:

– Что там?

– Подарок для Мамелфы.

Он взгляделся в лицо Дионы и сказал:

– Я не понимаю.

– Это жертва, Глеб, – объяснила Диона.

– Жертва?

– Да. Телячья кровь.

– Чертовщина какая-то, – мрачно пробормотал Глеб. – Неужели ты думаешь, что старая ведьма клонет на эту дрянь?

– Я не думаю. Я знаю. – Диона провела ладонью по глазам. – А теперь замолчи и дай мне сделать мое дело.

Глеб насупился и спрятал брусок в карман. Передохнув, Диона подняла кувшин, вынула затычку и двинулась с ним на освещенную призрачным светом луны полянку. На полянке она прошлась по кругу, поливая траву кровью из кувшина, затем, когда кувшин опустел, отшвырнула его и отошла в сторону.

Медленно поднимая руки к луне, она вдруг крикнула:

– Одион! Заклинаю тебя шумом кошачьих шагов, ведьма! Двойчан! Заклинаю тебя жабьими зубами, ведьма! Тройчан! Заклинаю тебя рыбьим голосом и птичьей слюной! Явись к нам, Мамелфа! Явись!

От яростного крика Дионы по спине Глеба пробежал холодок.

Он поднялся с бревна и хотел что-то сказать, но вдруг Диона испуганно крикнула:

– Первоход, отойди!

Глеб поспешно отступил на несколько шагов назад.

Воздух над полянкой стал стремительно сгущаться. Сначала это было просто темное облако, затем оно обрело очертания и превратилось в старенькую избу, сложенную из заплесневелых бревен. Глеб узнал и крутой скат стрехи, и крылечко о двух широких ступенях.

– Получилось! – хрипло и восторженно выдохнула Диона. – Глеб, ты видишь дверь?

Он видел дверь. И видел тусклую полоску света, пробивающуюся из-под этой двери.

– Чертовщина, – угрюмо проговорил Глеб. – Если ты думаешь, что я туда войду, ты сильно ошиб...

– Мы туда войдем, – отчеканила Диона. – Вместе. – Она протянула руку и ободряюще проговорила: – Ну же, Глеб! Неужели ты боишься?

Лицо Глеба потемнело.

– Эта тварь вырезала сердце у моего друга, – глухо пророкотал он. – Я бы с радостью проделал то же самое с ней.

– Ее сердце принесет тебе меньше пользы, чем ком зловонной болотной грязи. Идем, Глеб! Заклинание действует всего пять минут! У нас мало времени!

И Диона первой шагнула к избушке.

Поднявшись на крыльцо, она стукнула в дверь костяшками пальцев. Гроыхнул засов, и дверь приоткрылась. Диона оглянулась.

– Ну же, Глеб!

Глеб нехотя поднялся на крыльцо. Диона толкнула дверь, и они вошли в страшную, призрачную избу.

13

В сенях было сыро, темно и пусто. Диона и Глеб прошли в горницу и здесь остановились у двери. В горнице царил полумрак, подкрашенный тусклым пламенем лучины и рыжеватыми отблесками печи. У печи сидела на скамье старуха в длинном черном платье.

Она медленно повернула голову и взглянула на гостей.

– А, это вы, – негромко вымолвила она глубоким, хрипловатым голосом. – Как твои шрамы, Первоход? Теперь их шесть?

– Семь, – глухо отозвался Глеб.

– Семь шрамов, – задумчиво повторила старуха. – Ты прошел три испытания и все еще жив. Молодец. – Она перевела взгляд на Диону. – Ну, а ты, вещунья? Ты уже потеряла человеческий облик?

– Я все еще человек, – неуверенно ответила Диона.

Старуха усмехнулась.

– Уже нет, нелюдь. После того, что ты сделала, тебе никогда не стать человеком.

Старуха подняла с пола кочергу, открыла крючковатыми, когтистыми пальцами заслонку печи и поворошила кочергой угли. Затем, закрыв заслонку и отложив кочергу, снова повернулась к гостям.

– Что вам от меня нужно? – глухо спросила она. – Зачем пришли?

Глеб выступил вперед.

– В Хлыни творятся странные вещи, – сказал он. – Ты все знаешь, ведьма, расскажи нам, что там происходит?

Старуха ухмыльнулась, блеснув желтыми собачьими зубами, тяжело поднялась со скамьи, взяла с полки пучок травы и проковыляла к кадке с водой, стоящей чуть в стороне от печи.

Растерев траву в морщинистых ладонях, она швырнула порошок в воду и провела над ней руками.

– Иштра... Митра... Руксун... – гортанно заговорила ведьма. – Разгладься, черная вода, покажи мне все, что было!

В черном кругу воды замелькали лица и образы. Старуха склонилась над кадкой и вперила в них взгляд. Долго, очень долго, вглядывалась она в черный круг воды, как в экран телевизора, затем выпрямилась и сухо повелела:

– Сомкни свои длани, черная вода. Я увидела все, что хотела.

Мерцание на поверхности воды прекратилось, вода снова стала черной и непроницаемой. Ведьма Мамелфа отвернулась от кадки и взглянула на Глеба.

– Больше года тому назад ты пришел в Гиблое место и сорвал печать, – сказала она. – Ты разбудил чудовище, которое спало несколько сотен лет.

Глеб сдвинул брови и хмуро уточнил:

– Ты говоришь про туман?

Морщинистые губы старухи растянулись в улыбку.

– Туман? – насмешливо проговорила она. И покачала седовласой головой. – Это не просто туман, ходок. Он не из нашего мира. Больше года твари, вышедшие из тумана, не могли переступить между и бесновались внутри Гиблого места. Охотники и ходоки, в

которых они вселялись, погибали. Но потом пришел молодой ходок.

– Дивлян? – Глеб прищурился. – Что с ним было не так?

– Он искал вещь, за которой послал его чернобородый купец. И нашел ее. Молодой ходок вынес эту вещь за межу, но вместе с ней он вынес и призрачную тварь. Тело молодого ходока стало для нее вместилищем.

– Значит, вещь, которую Дивлян вынес из Гиблого места, помогла призрачной твари пересечь межу?

Старуха облизнула кончиком языка вялые десны и сказала:

– Эта вещь – такое же порождение тумана, как призрачные твари. Она многолика. Так же, как все они. Набравшись сил, тварь покинула тело молодого ходока, приняв его облик. Пока вещь была у него, он мог управлять тварью. Но потом чернобородый купец забрал у молодого ходока эту вещь.

Ведьма перевернула плечами, проковыляла к печи и снова села на свою лавку.

– Старые кости мерзнут, – тихо проворчала она, поднимая с пола кочергу. – Старые мысли вянут. Новыми боги не одаривают. Проклятая жизнь.

Открыв заслонку, она снова поворошила угли. Они вспыхнули с новой силой, и на морщинистом, безобразном лице ведьмы заиграли багровые отблески. Мамелфа закрыла заслонку и обратила свой взор на Глеба.

– Призрачная тварь убила молодого ходока, – вновь заговорила она. – И принялась блуждать по городу, высасывая соки из людей и порождая их двойников. Она перебила охоронцев чернобородого купца, но самого его уничтожить не смогла. Хитрый купец спрятал вещь за десять заговоренных скрепов. Но потом пришел ты, ходок, и сорвал скреп. Всего один скреп, но этого оказалось достаточно. – Мамелфа усмехнулась. – По вашему городу бродят ожившие тени, ходок. Гиблое место запустило лапы в ваши пажити.

Глеб стиснул пальцами рукоять меча и хрипло спросил:

– Как это остановить?

Глазки ведьмы насмешливо прищурились.

– Ты сам знаешь как. Отнеси в Гиблое место вещь, которую притащил сюда молодой глупец.

– И тогда все остановится?

– Вещь помогла тварям выбраться за межу. И она же уведет их обратно.

Глеб прищурил темные глаза и задумчиво проговорил:

– Как волшебная флейта Ганса-крысолова из Гаммельна... – Выйдя из задумчивости, он вновь взглянул на ведьму и сказал: – В Гиблом месте остался кузнец Вакар. Он выковал для меня заговоренное оружие, но нелюди утащили его в мертвый город и заставили работать на себя. Я обещал кузнецу, что вытащу его оттуда.

– Не нужно давать обещания, которые не сможешь выполнить, – холодно изрекла ведьма. – Кузнец Вакар больше не человек. Нелюди изменили его.

– Когда я видел его в последний раз, он был человеком, – возразил Глеб. – А потом пришел туман, и в Гиблом месте все изменилось. Что, если туман помешал ему превратиться в нелюдя.

Ведьма долго сидела молча, глядя на железную заслонку печи и морща морщинистый лоб. Затем разлепила тонкие губы и нехотя произнесла:

– Хорошо. Я дам тебе зелье.

Старуха протянула руку к полке над печью, взяла маленькую глиняную кубышку, запечатанную смолой, и протянула ее Глебу.

– Возьми это, Первоход.

Дождавшись, пока он спрячет кубышку за пазуху, ведьма проговорила холодным, злым голосом:

– Вы получили то, за чем пришли. Теперь пора платить. – Маленькие глазки Мамелфы блеснули, а затем расширились и стали темными и страшными, как бездонная пропасть. – Давно уж я хотела заполучить твое сердце, ходок, – хрипло проворчала она. – Теперь мой час

настал.

– Тебе нужен не он, а я! – резко возразила Диона. – Это не Глеб, а я, Диона, дочь жреца Велнона, вызвала тебя сюда!

– Зачем мне сердце нелюди? – презрительно процедила Мамелфа. Она облизнула губы сухим языком и покачала безобразной головой: – Нет. Я заберу сердце ходока.

Старуха улыбнулась и потянула к Глебу костлявые пальцы.

– Не грусти о потере, Первоход, – прошипела она. – Без сердца ты станешь еще сильнее. Ты будешь непобедим!

Глеб уставился на тянущиеся к нему длинные, темные, морщинистые пальцы и попятился.

– Оставь его в покое, ведьма! – гневно крикнула Диона и выставила перед собой ладони: – Гнилой водой и глазами земляного червя заклинаю тебя, ведьма! Ты отпустишь нас и ничего не возьмешь взамен! – На ладонях Дионы медленно открылись круглые темные глаза. – Мы внутри кровавого круга, ведьма! Ты не тронешь нас!

Глаза Мамелфы вспыхнули гневным, желтым огнем, из ее приоткрытого, зловонного рта вырвалось рассерженное кошачье шипенье.

– Кровь любимого человека! – гаркнула она, с ненавистью глядя на Диону. – Неужели ты решилась на это?

– О чем она говорит? – растерянно спросил Глеб.

Диона, сдерживая старуху левой рукой, правой схватила Глеба за плечо и быстро проговорила:

– Идем, Глеб! У нас мало времени! Если мы не успеем уйти, она не выпустит нас!

И они быстро направились к двери. Старуха не сделала попытки их удержать. Она запрокинула безобразную, лысоватую голову и захохотала.

– Беги, беги, ходок! – крикнула она почти восторженно. – Скоро ты будешь проклинать себя! Ты будешь молить о смерти, как об избавлении!

Глеб распахнул дверь, и они выскочили из избы.

14

Отбежав от ветхого крыльца на десяток шагов, Глеб обернулся и увидел, что никакой избы на полянке нет. На том месте, где она стояла, теперь виднелась лишь обугленная пустошь, на которой больше никогда не вырастет трава и не поселится ничто живое.

Глеб вытер рукой потный лоб и взглянул на запыхавшуюся Диону.

– О чем ведьма говорила? – спросил он.

– Что? – переспросила Диона, хрипло дыша.

– Что это за «кровь любимого человека»? Почему старуха об этом...

Резкий порыв ветра сорвал с головы Дионы платок, полностью обнажив ее лицо. Глеб осекся, сглотнул слюну и отвел взгляд, чтобы не видеть кошмара, в который превратилось это некогда прекрасное лицо.

Диона неторопливо и тщательно поправила платок, затем спокойно проговорила:

– Кровь, которую я принесла, не была кровью теленка, Глеб. Это была человеческая кровь.

– Что? – Он не поверил своим ушам. – Ты убила человека?

Диона кивнула:

– Да. Но не просто человека. Это была женщина, Глеб. И ты хорошо ее знал.

Внутри у Глеба все похолодело.

– Я не понимаю, о ком ты говоришь, – хрипло прошептал он, догадываясь, что услышит дальше, и боясь это услышать.

Диона спокойно и пристально взглянула на него и сказала:

– Я говорю о Милане, Глеб. Чтобы вызвать ведьму, нам нужна была человеческая кровь. Чтобы уйти от нее живыми, нам нужна была кровь любимого человека. Мой выбор

пал на Милану, и он оказался верен.

Глеб скованно улыбнулся побелевшими губами.

– Ты убила Милану? – Он тряхнул головой: – Нет. Не верю. Этого не может быть.

– Я убила ее, Глеб, – холодно подтвердила Диона. – Убила и слила в кувшин ее кровь. Я должна была это сделать. Иначе Мамелфа забрала бы твое сердце.

Несколько секунд Глеб стоял неподвижно – казалось, он оцепенел, потерял дар речи, превратился в камень и уже никогда не сможет произнести ни слова или двинуть рукой.

Затем меч с лязгом выскочил из ножен Глеба, и кончик клинка воткнулся Дионе в шею.

– Я убью тебя, – проговорил Глеб глухим, полным боли, ярости и отчаяния голосом. – Я убью тебя, ведьма!

Диона подняла руки, обхватила пальцами клинок и позволила его острию надрезать кожу на своей шее. Из разреза вытекла густая, блестящая капля крови.

– Убей меня, Первоход, – сказала Диона, глядя на Глеба ясными, сверкающими глазами, которые выглядывали из покрытого коростой лица, как два зверька из дупла дерева. – Все равно мне нет жизни. Отомсти за Милану. Убей меня.

– Ты... – Глеб презрительно скривился. – Ты уродливое чудовище!

– Да, я чудовище. Убей меня, Первоход. Убей, как ты убивал моих сородичей.

Рука Глеба дрогнула.

– Мне тебя жаль, – процедил он сквозь зубы и опустил меч. – Ты не заслуживаешь смерти, нечисть.

Глеб повернулся и, опустив плечи, медленно двинулся прочь. Несколько мгновений Диона стояла на поляне, как громом пораженная, потом рванулась с места и нагнала Глеба.

– Нет! – крикнула она, схватила его за плечо и развернула к себе. – Ты не можешь так уйти!

Глеб, не говоря ни слова, презрительно стряхнул ее побелевшую руку со своего плеча, повернулся и двинулся дальше.

Диона сжала кулаки и крикнула ему вслед:

– Милана не врала тебе про ребенка!

Глеб остановился.

– Что? – спросил он, не оборачиваясь.

– Повитуха-вещунья Голица предрекла ей сына, а она никогда не ошибается!

Глеб медленно, словно бы с трудом, повернулся. Взглянул на Диону потемневшими глазами и глухо проговорил:

– Повтори, что ты сказала, нечисть.

– Она носила под сердцем твоего сына, ходок! Пока я сливала ей кровь, она умоляла меня прекратить! Если бы ты видел, Глеб, как страшно она угасала!

На высоком лбу Глеба выступила испарина. Больное плечо его дернулось, глаза заволокло багровой пеленой.

– Ну же, ходок! – яростно крикнула Диона. – Покажи, на что ты способен!

Из горла Глеба вырвалось звериное рычание, он вскинул меч и бросился на Диону. Крича от боли и ярости, он бил и резал Диону, как безумный, а она все не умирала, лишь хохотала хриплым голосом и кричала:

– Это все, что ты можешь? А я-то думала, ты всесильный, ходок!

Иступив о крепкие кости Дионы меч, Глеб отшвырнул его в траву и выхватил из-за пояса метательный нож.

– Я убила ее! – крикнула Диона голосом, больше похожим на рев оборотня, чем на человеческий голос. – Убила твою зазнобу!

Она запрокинула голову и захохотала. Глеб стиснул зубы, шагнул к Дионе и с размаху вогнал ей в горло нож. Провернул его, брызнув черной кровью, затем приблизил свое лицо к ее лицу и процедил сквозь зубы:

– Как тебе это нравится, нечисть?

Диона улыбнулась, тускло сверкнув белыми зубами, и тихо прошептала:

– Бла... годарю.

Глаза ее закатились под веки, и она рухнула на землю.

Щепоть бурой пыли помогла усмирить боль, и гнев постепенно покинул душу Первохода. Отерев испачканный кровью меч снегом, он вложил его в ножны. Затем достал из кармана фляжку с водкой, свинтил крышку и облил водкой тело Дионы. Потом вынул зажигалку, наклонился и поджег край черного платка.

Пламя с платка быстро перекинулось на все тело, и оно вспыхнуло, как ворох сухой травы.

На какой-то миг Глебу показалось, что вместе с дымом из тела вещунии-нелюди вырвалось туманное черное облачко, принявшее очертание женской фигуры, но он тряхнул головой, и видение исчезло.

– Покойся с миром, красавица Диона, дочь нелюдя Белнона, – устало произнес Глеб. – Гори огнем, нечисть. Да простят тебя боги за все, что ты натворила.

Отвернувшись, он поправил на поясе меч и зашагал к городской стене.

15

– Замята! Проснись, сукин ты сын!

– Уйди, – тихо прохрипел дознаватель сквозь дрему. – Оставь меня в покое.

Глеб схватил его за шиворот и хорошенько встряхнул. Дознаватель охнул и приоткрыл глаз. Посмотрел на Глеба, потом махнул рукой, словно прогонял привидение и невнятно пробормотал:

– Какое счастье, что ты мне только снишься.

Глаз дознавателя снова закрылся.

– Черт! – выругался Глеб.

Он поднял Замяту с лавки и потащил в угол комнаты. Тот открыл глаза и возмущенно прохрипел:

– Куда ты меня тащишь?

– К бадье.

– Что?.. – Замята открыл глаза. – Снова будешь макать?

– Да.

– Ну, нет! – Дознаватель вдруг встал на ноги и оттолкнул от себя Глеба. – Только не вода! – воскликнул он.

– Ты все еще пьян, – сказал ему Глеб.

– Само собой. – Замята пьяно ухмыльнулся. – Я потратил на это деньги. Если тебе нужен трезвый дознаватель, ты явно пришел не в тот дом.

– Давно ты пьешь? – угрюмо спросил Глеб.

Дознаватель наморщил лоб, припоминая, затем хмыкнул и ответил:

– Два дня. А что?

– Значит, ты два дня не выходил из дома?

– Ну...

– Ты хоть в окно выглядывал?

Замята осклабился и покачал носатой головой.

– Нет. А зачем?

Глеб схватил его за рукав рубахи и потащил к окну.

– Идем.

– Куда? – принялся упираться Замята.

– К окошку. Хочу тебе кое-что показать. Идем же!

Глеб подтащил упирающегося дознавателя к окну, отомкнул слюдяную раму и распахнул ставни.

– Посмотри вниз, – сказал он.

Замята выглянул на улицу и поежился. За окном царили сумерки. Внизу, на

утоптанном, грязном от следов снега, стояли люди. Много, не меньше дюжины. Стояли абсолютно неподвижно, пуская ртами пар, и все как один смотрели на окна Замяты.

Дознаватель передернул плечами.

– Чего это они тут столпились? – удивленно спросил он.

– Ты взглядишь внимательнее в их лица, – посоветовал Глеб.

Замята взгляделся. Пожал плечами.

– Ну, и что? Ничего не... Погоди. – Голос дознавателя осекся, а его смуглое, носатое лицо вытянулось от изумления. Он протер кулаками сонные глаза и снова воззрился на людей внизу. – О боги, – хрипло выдохнул он. – Клянусь Велесом, тот рыжий бородач с кривым носом – конюх Колояр Тихий! Три дня назад он валялся с разбитой головой у себя в конюшне. И он... он был мертв.

Слово «мертв» Замята выговорил сиплым, дрогнувшим голосом.

– Видишь девку рядом с ним? – поинтересовался Глеб странным голосом. – Это Ведана. Подруга ходока Дивляна.

– Но... ты же говорил, что она мертва.

Глеб кивнул:

– Говорил. И она была мертва. Так же, как конюх Колояр. И так же, как Бава Прибыток. Взгляни на мужика у расписных саней.

Дознаватель перевел взгляд, и брови его приподнялись.

– Это Бава?

Глеб кивнул:

– Да.

– А все остальные... они тоже?

– Да, Замята, они покойники.

Лицо дознавателя взмокло от пота, губы затряслись. Он медленно отпрянул от окна и дрожащими руками закрыл ставни. Повернулся к Глебу и спросил протрезвевшим голосом:

– Ты был прав. Я слишком долго не выходил из дома. Чего они хотят?

Глеб прищурил темные глаза и коротко ответил:

– Нас.

– Вот как... – Замята покосился на закрытые ставни, и плечи его дрогнули, словно от сквозняка. – Почему же они не войдут в дом и не возьмут то, что им нужно?

– Они не могут. – Глеб достал из кармана охотничьей куртки небольшой деревянный брусок и показал его Замяте. – Они не тронут нас, пока у меня есть это.

Замята уставился на брусок.

– Обломок дерева? – Он перевел взгляд на Глеба и насмешливо прищурился. – А что случилось с твоим мечом, ходок? Или, пока я пьянствовал, простой деревянный брусок стал в городе самым смертоносным оружием?

Глеб дернул уголками губ.

– Это не просто брусок. Возьми его. – Глеб вложил вещь в руку дознавателя. – А теперь посмотри на него и представь себе то, чего ты больше всего хочешь.

Замята уставился на брусок.

– О боги! – вскрикнул он вдруг и отшвырнул от себя кувшинчик, в который превратился брусок.

Глеб ловко подхватил посудину на лету, и в его руке кувшинчик снова стал бруском.

– Там и правда была водка? – хрипло спросил Замята.

– А ты думал о водке?

– А о чем еще я могу сейчас думать!

Глеб убрал брусок в карман, усмехнулся и объяснил:

– Эта штука может стать чем угодно. Я называю ее *переверть*. Дивлян притащил ее из Гиблого места. А вместе с ней и призрачную тварь, которая убила его и заразила половину жителей Хлыни.

– Значит, люди, которые стоят внизу...

Глеб кивнул:

– Да. Это двойники. Тени умерших людей. Если ты согласишься внимательно, ты увидишь, что сами они теней не отбрасывают.

Дознаватель взъерошил пятернями жесткие темные волосы.

– Слова твои звучат дико, Первоход. Но я тебе верю. О боги, боги мои... – простонал вдруг Замята, жалобно сморщив лицо. – Что же нам теперь делать?

– Наконец-то вопрос по существу, – спокойно проговорил Глеб. – Мы с тобой пойдем в Гиблое место и отнесем туда перевертень.

– Мы? – вскинул лохматые брови Замята.

Глеб кивнул:

– Да. Ты уж прости, дознаватель, но одному мне никак не справиться. Ты поможешь мне.

Замята усмехнулся и качнул головой.

– Ну, нет. Я скорее отрублю себе руку, чем пойду в Гиблое место. Здесь я потеряю только плоть, а в Гиблом месте – самую душу.

– Если ты останешься здесь, призрачные твари сожрут тебя вместе с твоей драгоценной душой, – мрачно возразил Глеб. – Через пару дней поблизости не останется ни одного человека, и Хлынь превратится в мертвый город, населенный тенями.

Лицо Замяты страдальчески искривилось.

– Да пойми же ты, чужак-человек, – жалобно запричитал он. – Я никогда не встречался с темными тварями. Я не уверен, что смогу с ними драться. Я не ходок!

Глеб ободряюще улыбнулся, но улыбка его была слишком холодной и жестокой, чтобы кого-нибудь приободрить.

– Не бойся, дознаватель, – насмешливо произнес он. – Я водил туда и не таких нытиков. И приходи в себя поскорее, потому что нам нужно спешить. Покамест эти твари чувствуют себя в городе неуютно, но как только они обретут уверенность, городу конец.

Замята посмотрел на Глеба безнадежным, скорбным взглядом, вздохнул и сказал:

– Ладно... Знаю, что теперь ты от меня не отстанешь. Видно, и впрямь придется с тобой пойти. Надо собираться.

Замята двинулся к комоду, и тут в дверь чулана кто-то яростно забарабанил. Глеб вздрогнул и с лязгом выхватил из ножен меч.

– Что за черт?! – воскликнул он. – Кто это там у тебя?

Замята уставился на дверь, поскреб пятерней в затылке и с досадой проговорил:

– Вот леший, про него-то я и забыл. Два дня назад поймали на торжке воришку. Я зашел с ним домой только на минутку, чтобы переодеться в сухое...

– А остался на два дня, – договорил за него Глеб. – И что же, все эти два дня воришка сидит у тебя в чулане?

– Видать, так.

Замята вздохнул и двинулся к чулану. Когда он откинул щеколду и распахнул дверь, из чулана в комнату выкатилось нечто мохнатое и запыхтело, отдуваясь:

– Ух... Ух...

Это был маленький мужичок, лысоватый, с клочковатой бородой и морщинистым личиком.

– Анчутка! – воскликнул вдруг Глеб. – Глазам своим не верю! Неужели ты?

Коротышка просиял. Он подбежал к Глебу, обнял его за талию и прижался к его животу лохматой щекой. Глеб неуверенно улыбнулся и так же неуверенно погладил мужичка по лысоватой голове.

– Хозяин, – пробормотал коротышка сипловатым голосом, – а я думал, ты сгинул.

Сбитый с толку Замята удивленно посмотрел на Глеба.

– Ты что, его знаешь?

Глеб усмехнулся:

– А ты думаешь, что я бросаюсь в объятия каждого встречного недомерка? Да, я его

знаю. Это мой слуга. Год назад он помог мне уничтожить воинство нелюдей.

– Вот оно что, – неуверенно и недоверчиво проговорил Замята и перевел взгляд на хлюпающего носом мужичка. – Так какого же лешего твой слуга теперь шляется по чужим лабазам да курятникам?

Глеб пропустил его слова мимо ушей. Он отстранил от себя мужичка, оглядел его заросшее бородой лицо и спросил:

– Где же ты все это время был, Анчут?

– Служил у князя, – ответил коротышка, горделиво выпятив грудь.

– Вот как? Кем же?

– Шутом!

Глеб улыбнулся:

– Так ты умеешь смешить?

Анчутка отошел от него и вдруг пустился в пляс, загорлавив песню:

Вот – новый поворот!
И мотор ревет!
Что он нам несет?
Пропасть или взлет?
Омут или брод?
И не разберешь,
Пока не повернешь
За па-ва-рот!..

Глеб засмеялся и хлопнул коротышку по плечу:

– Молодец.

– Хорошая песня, – похвалил Замята. Он глянул на ноги Анчутки и вдруг удивленно вскинул брови: – Мне показалось или у него вместо ног копыта?

– Тебе показалось, – заверил его Глеб.

– Да, – согласился дознаватель. – В самом деле показалось.

Глеб склонился к коротышке и тихо проговорил ему на ухо:

– Значит, заклятье, которое наложила на тебя Диона, все еще действует?

– Как видишь, хозяин, – ответил Анчутка.

Глеб улыбнулся, но тут же улыбка покинула его губы, а тень заботы вновь легла на чело. Он взглянул на дознавателя и сказал:

– Нам нужно торопиться, Замята. Одевайся поскорее. И не забудь повесить на пояс меч.

Замята вмиг нахмурился, кивнул и двинулся к комоду. Анчутка проводил его взглядом, вновь взглянул на Глеба и спросил:

– Куда вы собираетесь, хозяин?

– Мы уходим в Гиблое место, Анчут, – ответил Глеб.

Коротышка схватил Глеба за штанину и жалобно проговорил:

– Возьми меня с собой, хозяин.

Глеб качнул головой:

– Прости, но нет. Там нынче слишком опасно.

Анчутка прыгнул к Замяте, вырвал у него из рук ножны, выхватил короткий меч-скрамасакс и, сделав зверское лицо, махнул клинком. Кончик восковой свечи, стоявшей на столе, со стуком упал на пол, гладко срезанный клинком.

Глеб засмеялся.

– Я вижу, ты не терял времени даром. Что ж, пожалуй, я и впрямь могу взять тебя с собой.

– Бери, бери, – проворчал Замята, забирая у коротышки меч. – Будет, кого скормить тварям, когда они бросятся за нами в погоню.

В последующие пять минут Замята одевался и навешивал на себя оружие, а изголодавшийся Анчутка, усевшись за стол, с аппетитом заглатывал куски хлеба и вяленой рыбы.

Замята в очередной раз нагнулся к комоду и достал громоздкую, тяжелую вещь необычной формы.

– Арбалет? – удивленно поднял брови Глеб. – Где ты раздобыл эту диковинку?

– Забрал у одного пленного гофа, – хмуро отозвался дознаватель.

– А стрелы к нему есть?

– А как же. – Замята открыл окованный железом сундук и достал из него деревянный газарский сагайдак, обтянутый кожей. Из сагайдака торчал пучок тяжелых стрел со стальными наконечниками.

– Двенадцать штук, – подсчитал Глеб. – Неплохо. Я расплавлю пулю и сделаю напайки из белого железа на острия твоих стрел.

Замята вытащил из сундука короткую дубовую палицу, утыканную острыми гвоздями. Потрогал пальцем один гвоздь и поинтересовался:

– А на эти «стрелы» у тебя белого железа хватит?

– Хватит, – ответил Глеб. – Разжигай печь и доставай сковороду. – Он взглянул на окно и вдруг спросил: – Кстати, у тебя тут есть черный ход?

Замята тоже посмотрел на окно и усмехнулся.

– Обижаешь. Я ведь княжий дознаватель. С черной лестницы в город ведет тайный ход. Мы проскользнем мимо тварей и выберемся в сорока саженьях от дома.

Глава четвертая

1

Темен и мрачен был княжий град Хлынь. На пустырях горели костры, возле которых на мерзлых бревнах, тупо глядя на огонь, сидели разномастные бродяги. Все они были чем-то схожи. Неподвижные, бледные лица. Оцепенелые, будто у наркоманов, взгляды. Озябшие, спрятанные в карманы дырявых кафтанов руки.

Глеб и его спутники старались ступать по дороге как можно тише и держаться подальше от слюдяных коптелок и костров, однако изредка кто-нибудь из бродяг поднимал голову и вглядывался в сумрак мертвым, сомнамбулическим взглядом.

– Почему они такие? – спросил Замята, когда они отошли подальше от очередного костра.

– Точно не знаю, – ответил Глеб. – Но думаю, что после того, как тварь нацепила на себя человеческую шкуру, ей нужно какое-то время, чтобы освоиться.

– Они мерзнут, – тихо сказал Анчутка. – Им очень холодно.

– Прямо как новорожденные младенцы, – с усмешкой заметил Замята.

Неподалеку от костров, вблизи торговых изб и лавок, стояли брошенные сани и телеги. На некоторых из них все еще оставался товар.

Замята поежился и спросил:

– Интересно, в городе еще остались люди?

– Если и остались, то отсиживаются по домам и не высовывают носа на улицу, – ответил Глеб.

На обочине дороги лежал растерзанный ратник в кольчуге. Глаза ратника были вырваны из глазниц. Вокруг него валялись темные ворохи одежды – все, что осталось от призрачных тварей, с которыми он вступил в схватку.

– Этот ратник дорого продал свою жизнь, – сказал Замята, покосившись на ворохи одежды.

Анчутка поежился и теснее прижался к бедру Глеба, с опаской поглядывая вокруг.

Глеб сделал знак рукой, и все трое остановились. Он поднял с земли меч-всеруб убитого охоронца. Судя по клейму, тот был выкован кузнецом Вакаром, а значит, содержал в своем сплаве и белое железо. Потому-то твари и не притронулись к нему. Глеб достал из ножен свой хуралуговый меч и положил его на снег, а вместо него вложил в ножны меч ратника. Затем повернулся к своим спутникам и сказал:

– Возьмем одну из брошенных телег.

– Дело, – согласился Замята. – Но как нам подступиться к телегам? Они недалеко от костра, а там полно этих тварей.

– Кто-нибудь из нас должен отвлечь их, – сказал Глеб после секундного раздумья.

Замята кивнул на Анчутку.

– Хорошо бы, чтобы это сделал твой слуга. Он маленький и юркий. Мы легко подхватим его по дороге.

Глеб хотел возразить, но коротышка схватил его за полу шубейки и, глядя на него снизу вверх преданными глазами, проговорил:

– Разреши мне сделать это, хозяин. Ты превратил меня в человека, и теперь я твой должник.

Глеб нахмурился и покачал головой:

– Нет, Анчут. Ты слишком мал и слаб, чтобы...

Но коротышка его уже не слушал. Выпустив из пальцев шубейку, он резко развернулся и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, побежал к костру. Глеб ринулся было за ним, но Замята удержал его за плечо и покачал головой.

– Нет, Глеб. Твой слуга сам сделал свой выбор. Наша задача – пробраться к телеге.

Через пару минут в отблесках далекого пламени замаячила маленькая фигурка, марширующая вокруг костра и что-то громко горланящая. Прислушавшись, Замята услышал:

Вот – новый поворот!
И мотор ревет!
Что он нам несет?
Пропасть или взлет?
Омут или брод?..

Замята покосился на Глеба и произнес – скорее вопросительно, чем утвердительно:

– Коротышка сказал, что ты сделал его человеком.

Глеб дернул щекой.

– Долгая история.

Дознаватель задумчиво наморщил лоб. И вдруг лицо его озарилось догадкой.

– Подожди. Кажется, я понял. Уж не хочешь ли ты сказать, что Анчутка...

Глеб кивнул:

– Да.

– И значит, копыта, которые я видел...

– Они у него есть, – снова договорил Глеб.

– Но почему я не вижу их теперь?

– Диона наложила на него заклятье-оберег. Мы видим его таким, каким она пожелала.

– Гм... – Замята поскреб ногтями длинный нос. – Заклятье-то хоть было от нечисти? – уточнил он.

Глеб усмехнулся и ответил:

– Нет.

– Значит, от людей, – хмуро проговорил дознаватель. – Так я и подумал. Не мешало бы подрастять этого малого на дыбе.

– Сделаешь это, и я сам тебя «подрастяну», – пообещал Глеб.

Анчутка между тем продолжал развлекать ошеломленных существ, сидящих на

бревнах вокруг костра. Он кричал петухом, ходил колесом, топал на руках, уморительно дрыгая ногами.

Существа, подняв головы, смотрели на него как замороженные.

– Замята, пора, – шепнул Глеб.

Они, стараясь ступать бесшумно, зашагали к крайней телеге, запряженной пегой лошадкой, толстоногой и крепкой на вид. До телеги добрались без приключений. Глеб отвязал лошадку, а Замята ловко и бесшумно забрался на телегу и взял в руки поводья. Отойдя от коновязи, Глеб одним прыжком запрыгнул в телегу.

– Гони! – сказал он.

Замята взметнул над головой кнут и хлестнул лошадку по крупу.

Завидев гроыхающую по мерзлым комьям земли телегу, Анчутка резко оборвал песню и бросился к ней.

– Давай на дорогу! – крикнул дознавателю Глеб.

Тот кивнул и крепко сжал в пальцах поводья.

Анчутка перебежал через пустырь и выскочил к дороге. Сидевшие у костра существа вскочили на ноги и бросились вдогонку.

Телега поравнялась с несущимся во весь дух Анчуткой. Глеб наклонился, на полном ходу подхватил коротышку за шиворот и забросил его на телегу.

Из тьмы вынырнули еще несколько нелюдей. Они наискось пересекли пустырь, выскочили на дорогу и побежали за телегой.

– Гони! Гони! – приговаривал Глеб.

Твари не отставали. Они бежали молча и быстро, не зная устали и не сбавляя темпа.

Телега проехала с четверть мили, оставив преследователей позади, когда впереди показался конный разъезд княжских охоронцев.

– Никогда не думал, что буду так рад охоронцам! – радостно крикнул Замята и хлестнул лошадку. – Гони, милая! Гони!

2

За десять сажений до поста Замята натянул поводья и крикнул:

– Тпру!

Лошадка сбавила ход, а затем и вовсе остановилась. Навстречу телеге выехали шестеро всадников. Двое были вооружены мечами и двуострыми бердышами, двое – мечами и пиками. Еще у одного в руках был большой лук с костяными вставками, а за плечом – колчан со стрелами.

Возглавлял разъезд охоронцев пожилой десятник – рослый, широкоплечий, с подстриженной рыжевато-бурой бородой. Десятник шевельнул плечами, облитыми поверх меховой куртки маслянистой чешуей брони, и строго спросил:

– Кто такие?

– Я княжий дознаватель Замята Кнут! – ответил охоронцу Замята.

Десятник перевел спокойный, внимательный взгляд на Глеба.

– А кто с тобой?

– Мои друзья, – ответил Замята. – Охотник Годимир и лавочник Анчут. А как зовут тебя, десятник?

– Я зовусь Видбор, – представился десятник и пристально взгляделся в лицо Глеба. – Твое лицо кажется мне знакомым, охотник. Мы встречались раньше?

– Может быть, – спокойно ответил Глеб. – Нынче я часто наведываюсь в Хлынь.

– Богатый промысел? – поинтересовался охоронец, слегка прищулив веки.

– Есть такое, – кивнул Глеб. – Белки, куницы и соболя ушли из Гиблого места за межу.

– Из-за тумана?

– Думаю, да.

Десятник хотел еще что-то спросить, но вдруг сомкнул губы и взглянул на толпу

нелюдей, остановившихся в десяти шагах от телеги.

– А это еще кто такие? – хмуро проговорил он.

Один из преследователей выдвинулся из толпы и крикнул:

– Эй, охоронцы, отдайте нам воров!

– Эти люди покрали наш товар! – крикнул другой. – Выдайте их нам!

Десятник Видбор выпрямился на коне и властно крикнул:

– Если хотите со мной говорить, подойдите ближе!

Замята поежился и тихо проговорил:

– Видбор, не нужно этого делать.

– Я сам знаю, что нужно, а что нет, – грубо оборвал его десятник. И гаркнул преследователям: – Ближе, я сказал! Вот так. А теперь – стойте на месте!

Толпа замерла в нескольких шагах от задка телеги. Подступивших было не менее дюжины. В лунном свете их лица были бледны и угрюмы. Один из преследователей снова выдвинулся из толпы и спросил:

– Десятник, узнаешь ли ты меня?

Десятник взглянул на его лицо и проговорил с легким удивлением:

– Я узнаю тебя, купец. Ты Бава Прибыток. Но почему ты сам гонишься за ворами? Что случилось с твоими охоронцами?

– Эти воры убили их, – ответил Псевдо-Бава.

Брови десятника удивленно приподнялись.

– Убили? Ты хочешь сказать, что княжий дознаватель, охотник-промысловик и коротышка-лавочник перебили твоих головорезов? В своем ли ты уме, Бава?

– Я-то в своем, – угрюмо ответил чернобородый купец. – А вот ты явно рехнулся, если не веришь моим словам. Отдай нам этих людей, десятник, и я сам решу, что с ними делать.

Десятник потер рукавицей бороду и задумчиво изрек:

– Ты имеешь на это право.

– Видбор, не делай этого! – хрипло шепнул Замята.

– Не верь им, десятник, – сказал и Глеб. – Мы ничего у них не крали.

– Они лгут тебе, десятник! – гортанно крикнул Псевдо-Бава. – Обыщи карманы охотника! В одном из них лежит брусочек дерева! Этот брусочек он украл у меня!

Десятник прищурил тяжелые веки.

– Какого лешего тебе понадобился брусочек дерева, Бава?

– А это не твоего собачьего ума дело, ратник!

Глаза десятника Видбора гневно сверкнули.

– Как ты со мной разговариваешь, смерд? – рявкнул он вдруг так громко и яростно, что Анчутка вздрогнул на телеге и, задрожав всем телом, прижался к Глебу.

– Я тебе не смерд! – так же яростно ответил ему Псевдо-Бава. – Мой отец был в родстве со старым князем Аскольдом, и в моих жилах течет кровь свейских хевдингов! Я такой же воин, как ты!

Несколько секунд десятник хмуро смотрел на купца, затем проговорил примирительно, но с явной неохотой:

– Прости, Бава. Я не должен был говорить того, что сказал. Если ты хочешь виру, я...

– Я не держу на тебя зла, десятник Видбор, – перебил его Псевдо-Бава. – Отдай мне вещь, которую украл у меня этот негодяй, и мы будем в расчете.

Десятник задумался. Видно было, что предложение чернобородого купца ему не по душе. Он вздохнул и хотел, по-видимому, ответить утвердительно, но вдруг остановился и внимательно взглянул на Баву и окруживших его людей.

В лице десятника что-то дрогнуло. Он нахмурился и грубо заявил:

– Я заберу этих людей с собой, купец. До полного выяснения. Если они и впрямь украли у тебя брусочек, они за это ответят. Влас! – окликнул он одного из своих ратников. – Возьми их лошадь под уздцы!

Ратник кивнул и направил лошадь к телеге. Замята повернулся к толпе преследователей

и торжествующе крикнул:

– Что, твари, съели?!

Телега медленно двинулась вслед за всадниками.

– Видбор, гляди! – заорал вдруг один из охоронцев.

Глеб обернулся быстрее Видбора. Обернулся и обомлел. Лица их преследователей стали выцветать и бледнеть, превращаясь в клубящийся туман, лишенный черт. Прошло несколько мгновений, и преследователи потеряли человеческий облик – они опустились на корточки и трянули огромными головами. Одежда лопнула на их мускулистых телах.

– Оборотни! – крикнул кто-то из охоронцев.

Чудовища подняли морды, и огромные клыки блеснули в лунном свете.

– Гони! – крикнул Видбор.

Бич взвился над головой Замяты и хлестнул лошадку по крупу. Телега и всадники, резко взяв с места, устремились вперед, кони понеслись, забили копытами по мерзлой дороге.

Стая оборотней рванулась за ними. Первый оборотень быстро нагнал телегу и прыгнул на Анчутку, но промахнулся и кубарем скатился по крутой обочине. Но тут же второй оборотень взвился в воздух и, вцепившись в горло одному из ратников, свалил его с коня.

Видбор выхватил из ножен меч и на всем скаку рубанул одну из скачущих за ним тварей. Тварь упала на землю с разрубленной головой.

– Глеб, сзади! – крикнул Замята, обернувшись.

Оборотень прыгнул в телегу, превратился в упыря и схватил Анчутку, пытаясь добраться оскаленными зубами до его шеи.

Глеб, балансируя в телеге, шагнул к упырю, схватил его за ворот расплывшегося кафтана, рванул на себя и, быстро перерезав чудовищу горло, вышвырнул его с телеги.

Пока он возился с упырем, стая быстроногих оборотней нагнала всадников Видбора. Одно за другим взвились в воздух несколько поджарых, покрытых клочковатой шерстью тел, и еще трое охоронцев упали на дорогу с перекушенными шеями.

Охоронец-стрелок резко осадил коня, быстро положил на тетиву стрелу и пустил ее в ближайшего оборотня. Стрела вонзилась чудовищу в лохматый загривок, он споткнулся и упал, но тут же снова вскочил на толстые лапы и прыгнул на стрелка.

Остальные оборотни набросились на стрелка, стащили его с лошади и, лязгая зубами, стали рвать его на части.

– Нам не уйти! – крикнул Глеб. – Правь к дому!

Замята кивнул, свернул телегу с дороги и направил ее к видневшейся неподалеку избе. Видбор поскакал следом за ними.

3

– Дави! – крикнул Видбор и сам подналег плечом на дверь.

Тощий мужик, зажатый дверью, заверещал от боли. Видбор махнул мечом и отсек ему голову. Голова грохнулась на пол, а обезглавленное туловище отшатнулось и скрылось за дверью.

Замята и Анчутка захлопнули дверь, а Глеб с Видбором подхватили с пола дубовый брус и бросили его на железные скобы.

– Слава богам! – выдохнул Замята и, хрипло дыша, сел на лавку.

– Уф-ф... – Десятник Видбор перевел дух, отшвырнул отрубленную голову ногой в угол комнаты, повернулся и оглядел избу, освещенную светом бензиновой зажигалки, которую держал в руке Глеб.

– Брошенная, – определил он. – Нынче таких много по окраинам. Люди ушли от голода в поля, а обратно не вернулись.

Глеб вытер рукою потный лоб.

– Ты не отдал нас купцу, – сказал он. – Что тебе помешало?

– Я не так глуп, как ты думаешь, ходок, – отчеканил Видбор.

Глеб взглянул внимательнее на хмурое, сосредоточенное лицо десятника и спросил:

– Как же ты догадался?

– Они не отбрасывали тени, – ответил десятник. – А теперь скажи мне, что за твари убили моих людей? Я никогда прежде не видел, чтобы оборотни и упыри действовали сообща.

Глеб покачал головой и сказал:

– Они не оборотни и не упыри. Но легко могут превращаться и в тех, и в других.

– Кто же они такие? – недоуменно вскинул брови десятник.

– Призрачные твари, – хмуро ответил Замята, стряхивая с одежды кровавые ошметки. Вздохнул и пояснил: – Они вышли из тумана.

Видбор взглянул на запертую дверь. Нахмурился и проговорил глухим, недоверчивым голосом:

– Но поначалу они выглядели как люди. И Бава Прибыток...

– Это не Бава, – сказал Глеб. – Это одна из тварей, которая приняла облик Бавы.

– Но он говорил, как человек, – неуверенно возразил Видбор. – И он знал, кто я.

– Ублюдки полакомились Бавой, и теперь знают и умеют все, что знал и умел наш славный купец. – Глеб воткнул в светец с гнилой водой лучину и запалил конец. Поднял взгляд на десятника и осведомился: – Что еще ты хочешь знать?

Видбор снял рукавицы и заткнул их за пояс, после чего спросил:

– Оборотень, пронзенный стрелой Савкоя, снова поднялся на ноги. Этих тварей можно убить?

– Да. Но только если твой клинок сделан из белого железа.

Десятник положил пыльцы на рукоять меча и гордо заявил:

– Мой меч выковал кузнец Вакар.

– Он заговоренный?

– Тремя заговорами против нечисти и иноземных врагов!

– В таком случае тебе нечего бояться. Вакар всегда добавлял в заговоренные мечи белое железо.

Тогда Видбор сказал:

– Мне уже доводилось биться с оборотнями, когда я охранял межу. Эти твари разорвали моих ратников, и теперь я намерен разобраться с ними.

Он с лязгом вытянул из ножен широкий меч и повернулся к двери.

– Ты собираешься сразиться с ними в одиночку? – не поверил своим ушам Глеб.

Видбор глянул на него поверх широкого плеча и обронил:

– Да.

– Но ведь это глупо! Вместе мы хоть чего-то стоим. Порознь – не стоим ни черта.

Десятник облизнул широкие губы и пробасил:

– Я знаю, кто ты. Ты – Глеб Первоход. При встрече я был обязан схватить тебя и бросить в подземелье. Но теперь ты предлагаешь мне стать твоим союзником. Ты не слишком высокого мнения о чести и доблести княжских охоронцев, верно?

Глеб прищурил темные глаза.

– Тебе не кажется, что сейчас не самые подходящие время и место заморачиваться вопросами чести?

– Моя честь не зависит от времени и места, – гордо ответил десятник. – Отпустить тебя – одно. А сражаться с тобой плечом к плечу – совсем другое. Я не имею права помогать преступнику.

– А ты взгляни на это иначе, Видбор, – посоветовал десятнику Замята. – Втроем мы уьем больше темных тварей. А когда мы разделаемся с ними, ты вызовешь Глеба на поединок. Как тебе такой план?

Видбор прищурил глаза и усмехнулся.

– Мне нравится твой план, дознаватель. Ответь мне еще на один вопрос, Первоход:

куда вы направлялись, когда я вас задержал?

– В Гиблое место, – ответил Глеб.

Десятник прищурил глаза.

– Это шутка?

– Увы, нет, – сказал Глеб. – Брусок, который хотел отнять Бава, это амулет. Пока мы не отнесем его в Гиблое место, эти твари будут убивать людей и захватывать их дома.

– Помогите нам добраться до межи, Видбор, – попросил Замята. – А дальше мы пойдем сами.

Десятник обдумал слова Глеба, вздохнул и вложил меч в ножны.

– Хорошо, – сказал он. – Я помогу вам добраться до Гиблого места. Но когда ты вернешься обратно, Первоход, я свяжу тебе руки и доставлю к князю. Таково мое последнее условие. Принимаешь ли ты его?

Глеб усмехнулся и развел руками.

– Боюсь, что ты не оставляешь мне выбора, десятник. Я принимаю твоё условие и обещаю, что...

– Глеб! – позвал вдруг кто-то.

Мужчины схватились за мечи и резко повернулись к окну.

– Глеб! – вновь позвал от окна тихий женский голос. – Глеб, это я, Милана! Открой ставни!

Первоход побледнел.

– Я очнулась на полу! – снова прозвучал женский голос. – Я истекла кровью... Пожалуйста, открой!

Глеб шагнул к окну, но Замята схватил его за рукав.

– Не открывай, – предостерег он. – Она не настоящая.

– Я знаю, что делаю, – сухо возразил Глеб.

Он стряхнул руку Замяты и двинулся к окну, но десятник Видбор встал у него на пути, угрюмо сверкая глазами из-под косматых бровей.

– Не глупи, ходок, – пророкотал он. – Если это призрачная тварь, она убьет нас всех.

– Любый мой... – вновь позвала от окна Милана. – Глеб, помоги мне... Пожалуйста...

Глеб взглянул на Видбора и процедил сквозь стиснутые зубы:

– Уйди с дороги, десятник.

Видбор покачал головой:

– Нет.

Первоход с лязгом выхватил из ножен меч.

– Уйди! – повторил он, глядя Видбору в глаза.

Несколько секунд они молчали, сверля друг друга взглядами, затем десятник сдался и отошел в сторону. Глеб шагнул к окну. Остановившись у окна, он приник к щели между ставнями и хрипло спросил:

– Милана, это ты?

– Да... Помогите мне, Глеб.

Первоход сунул меч в ножны, скинул с петли железный крюк и распахнул створку ставни.

Быстро втянув девку в дом, Глеб захлопнул створку и снова набросил крюк на петлю.

Милана была смертельно бледна, под глазами у нее пролегли темно-фиолетовые тени, щеки запали. Повязка на руке взмокла от крови. Сердце Глеба сжалось от тоски, жалости и страха.

– О боги! – выдохнул он. – Ты потеряла много крови!

– Она... – Милана сглотнула слюну. – Она резала меня ножом...

– Тихо. – Глеб нежно погладил девушку по окровавленным волосам. – Не трать силы на слова. Я все знаю. Прости меня.

– За что? – робко спросила Милана.

В руке Глеба сверкнул нож.

– За это! – рявкнул он и всадил его Милане в грудь.

Девка раскрыла рот и зашипела, как змея. Глеб оттолкнул ее от себя, и она рухнула на пол. Тело ее стремительно побледнело и стало опадать, превращаясь в слизь. Глеб вытер нож об ее платье, сунул его в ножны, взглянул на ошалевших приятелей и сказал:

– Мы обмажемся этой слизью.

4

– Что? – Замята облизнул губы. – Ты хочешь, чтобы я обмазал себя этой дрянью? Да ни в жизнь!

Видбор положил ему на плечо тяжелую руку.

– Первоход прав, – сказал он. – Они подослали эту девку, чтобы она сожрала нас и превратила в тварей. Если мы обмажемся слизью, они примут нас за своих.

– А если запах тут ни при чем? – нервно проговорил Замята. – Если в их глазах мы просто иначе выглядим!

– Тогда и будем думать, что делать дальше, – сказал Глеб. – А пока – садитесь рядом и натирайте лицо, шею и руки слизью.

Видбор, Замята и молчаливый Анчутка, скривив рты и наморщив от омерзения носы, двинулись к растаявшему телу.

Через пять минут физиономии всех четверых были плотно покрыты черной грязью.

– Выйдем через дверь – открыто, – распорядился Глеб.

– Они удивятся, когда не увидят с нами рядом Милану, – заметил Видбор.

– Если спросят, скажем, что Первоход... прежний, настоящий Первоход... убил ее, – сказал Глеб. – Не будем терять время.

И Глеб первым зашагал к двери.

Когда Глеб Первоход, десятник Видбор, дознаватель Замята и коротышка Анчутка вышли из дома, твари расступились, давая им проход и разглядывая их пристальными, неподвижными взглядами.

Навстречу выдвинулся Бава Прибыток.

– Как все прошло? – спросил он, сверля черными, бездушными глазами лицо Глеба.

– Нормально, – ответил тот невозмутимым голосом. – Пришлось повозиться с Первоходом, но в целом все хорошо.

Площадка перед домом была ярко освещена факелами. Твари, переминаясь на грязном снегу, вглядывались в лица новичков, перепачканные черной слизью.

Глеб, Видбор и Замята держались невозмутимо и независимо, лишь перепуганный Анчутка жался к ноге Глеба. Он был бледен, на лбу у него поблескивали в свете факелов капли пота, губы мелко подрагивали.

– А что с этим? – кивнул на коротышку Бава Прибыток.

Глеб взглянул на Анчутку и спокойно ответил:

– Первоход ударил его мечом из белого железа. Слава богам, удар пришелся голомению.

Глеб положил руку Баве на плечо и сдвинул его в сторону. Затем невозмутимо двинулся дальше.

– Куда ты? – прищурился чернобородый купец.

– Хочу наведаться в княжьи палаты, – ответил Глеб, не оборачиваясь.

– Мы не можем добраться до князя. Охоронцы заняли глухую оборону. Их мечи выковал кузнец Вакар. Они из белого железа.

– Я знаю, как обмануть князя, – небрежно проговорил Глеб.

Замята и Видбор двинулись следом за Глебом.

– Вы с ним? – вскинул брови Бава Прибыток.

– Да, – спокойно ответил Видбор. – Десятник и дознаватель – люди князя, и он доверяет нам.

Толпа двойников расступилась перед ними, и они беспрепятственно дошли до телеги. Псевдо-Бава угрюмо смотрел им вслед.

– Когда я нашел Милану в амбаре, она была еще жива! – крикнул он вдруг. – Добить ее было так приятно!

Глеб не отреагировал. Он спокойно забрался на телегу. Десятник Видбор уселся рядом с ним и взял в руки поводья. Замята помог вскарабкаться Анчутке и сам запрыгнул на задки. И тут Анчутка, не выдержав напряжения, закричал:

– Всесильные боги-думраны, помогите нам! – И, зарыдав, прижался к Глебу.

– Хватайте их! – тотчас взревел Бава и первым бросился к телеге.

Замята взмахнул кнутом.

– Пошла, залетная!

Лошадка резко взяла с места. Глеб выхватил из кобуры ольстру, Замята положил на тетиву арбалета тяжелую стрелу.

Загрохотали выстрелы, засвистели стрелы. Оборотни один за другим кувыркались через голову и падали в мерзлую грязь с простреленными головами и шеями, пронзенными стрелами.

5

Лошадка резво стучала копытами по мерзлой дороге, фыркая ноздрями и пуская в темный воздух облака белого пара. Над ее ушастью головой раскинулось огромное звездное небо.

– Кажись, оторвались, – проговорил десятник Видбор, опуская окровавленный меч.

Глеб нахмурился и покачал головой.

– Не думаю, что все так просто.

– По-твоему, это было просто? – вскинул брови Замята. – Я чуть в штаны не напустил от ужаса!

– Да, но твои стрелы били точно в цель, – заметил Видбор. – А быть хорошим воином можно и с мокрыми штанами.

Глеб усмехнулся и вытер рукавом испачканное слизью лицо. Затем сунул руку в карман охотничьей куртки, взял щепоть бурой пыли и быстро отправил ее в рот.

Это движение не укрылось от взгляда десятника.

– Что ты делаешь, Первоход? – спросил он, прищутив серые, колючие глаза.

– Ничего, о чем тебе следовало бы знать, – спокойно отозвался Глеб.

Видбор качнул массивной головой, увенчанной медным шоломом, и сказал:

– Я в этом не уверен. Если ты хочешь, чтобы мы и дальше были вместе, ты должен быть со мной откровенен.

Глеб взглянул на него недобрым взглядом.

– Ты хочешь знать, что я только что сделал? – холодно проговорил он. – Хорошо. Я только что съел щепотку бурой пыли.

Лицо Видбора потемнело.

– Значит, вся твоя храбрость от бурой пыли? – презрительно проговорил десятник. – Этого и следовало ожидать. Я никогда не верил в рассказы о богатыре-Первоходе. И теперь вижу, что был прав.

Глаза Глеба запылали гневом, но он сдержал себя и ответил спокойным голосом:

– Храбрость тут ни при чем. Охоронец Бавы Прибытка выстрелил в меня отравленной стрелой, и теперь яд лиловой ящерицы бродит по моим жилам. Если я не буду есть бурую пыль, гнев и боль сведут меня с ума.

– Ты ешь бурую пыль, чтобы не гневаться? – удивился Видбор.

Глеб кивнул.

– Да.

Десятник опустил взгляд на рукоять меча Глеба, которую тот крепко сжимал в пальцах.

Усмехнулся и сказал:

– И ты считаешь, что у тебя это получается?

Глеб проследил за его взглядом и поспешно выпустил меч из пальцев.

– Ты прав, – согласился он. – С каждым разом это получается все хуже и хуже. Но другого способа все равно нет. А теперь разреши мне помолчать.

Глеб закрыл глаза и погрузился в наркотическую дрему...

– Телега дальше не проедет, – услышал он и открыл глаза.

По всей вероятности, продремал Глеб не меньше получаса. Дорога закончилась, и впереди начинались поросшие кустарником и чахлыми деревцами буераки.

– Дальше только пешком, – сказал Видбор.

– Но если мы пойдем пешком, чудовища нас нагонят, – робко проговорил Анчутка.

– Значит, придется идти очень быстро, – «успокоил» его Глеб.

Он спустился на землю, поправил ножны и заплечную кобуру.

– Я отпущу лошадь пастись, – сказал Видбор.

Пока он распрягал лошадку, Глеб почистил и зарядил ольстру, затем проверил ножи и меч.

– Готово, – доложил наконец Видбор.

Глеб оглядел лица своих спутников и сказал:

– Слушайте внимательно. Город остался позади, и теперь мы в моих «владениях». С этой минуты схема действий следующая: я приказываю, вы – выполняете.

– Это справедливо, – пробасил Видбор.

– Я и не подумаю тебя послушаться, – с бледной усмешкой заверил Замята.

– Как прикажешь, так и сделаю, хозяин, – угодливо склонил голову коротышка Анчут.

Глеб взглянул на чернеющий впереди лес и передернул плечами.

«Я сделал все, чтобы не попасть туда снова, – хмуро подумал Глеб. – Теперь я умываю руки».

– Мы отправляемся к реке! – объявил он вслух и первым зашагал по буеракам.

Над лесом пробивался рассвет. Березы ярко белели на фоне черной земли и темных сосен. Однако с каждой пройденной верстой темно-зеленые верхушки пихт, елей и сосен делались все многочисленнее. В этом молчаливом противостоянии хвойные явно брали верх.

Глеб подумал, что через несколько лет они окончательно победят березу. Вся чащоба станет хвойным лесом, если только лесорубы князя не вырубят или яростные пожары не убьют всю молодую хвойную поросль.

– Видбор? – негромко позвал Замята.

– Чего? – откликнулся тот.

– Мне как-то не по себе от этой тишины. Давай об чем-нибудь поговорим?

– Что ж, давай. Что ты хочешь знать?

– Твой отец тоже был ратником?

Десятник кивнул.

– Да. Он служил в дружине старого князя Аскольда, когда тот еще был молод.

– А дед?

Видбор усмехнулся:

– Нет, дед ратником не был. Дед мой был богатым боярином. Подпоясывался не лыком по кострецу, а кушаком под грудь, чтобы выпирал сытый живот. Соболью шапку надвигал на лоб, а бороду задирал выше носа.

– И что ж с ним случилось?

– На деда работали чудины. Однажды чудины перепили сбитня и взбунтовались. Пожгли деду дом, убили бабку, перерезали дворовых людей. Мой отец успел убежать и три дня сидел в сугробах, дожидаясь, пока хевдинг и его викинги придут на помощь.

– Н-да, дела, – протянул Замята, опасливо поглядывая на черные мерзлые деревья. – Значит, ты родом с севера?

Десятник кивнул:

– Угу.

– Поэтому ты просил прощения у Бавы Прибытка?

– Да. Он – потомок хевдингов. Коли б не его предки, не ходить бы мне сейчас по свету. Несколько шагов прошагали молча. Затем Видбор спросил:

– Ну, а ты, дознаватель? Какого ты роду-племени?

– Мой отец тоже был знатным боярином, – ответил Замята. – Но после войны с кривичами впал у старого князя в немилость.

– Чего так?

– Княжью казну обобрали, а всю вину повесили на моего отца. Знатен он был, но дурковат. Посадили моего отца на кол, а после, когда разобрались, что к чему, старый князь отвалил моей матери кошель с золотом и сказал, что, как только подрасту, – возьмет меня к себе на службу. Так и случилось.

– Грустная история, – резюмировал десятник. – И что же, ты всегда был дознавателем? Замята покачал головой.

– Нет. Начинал с третьего помощника.

– И что же ты делал как третий помощник?

Замята пожал плечами и вздохнул:

– Да разное.

– Сильно лютовал? – поинтересовался, прищулив серые глаза, Видбор.

Дознаватель подумал и покачал головой.

– Нет, не думаю. Пятки я прижигал, но без лютоści. Исключительно по службе. Поначалу было противно, но потом ничего, привык.

– Да, – задумчиво проговорил Видбор. – Человек не свинья, ко всему привыкает. Помню, когда я первого хазарского неопереньша на копье поднял, так три дня потом места себе не находил. Все казалось, что мальчишка по пятам за мной ходит и в спину мне глядит. Начал пить хмель, и спился бы, но воевода помог. Заметил меня, объяснил, отчего моя боль, и к себе приблизил. Вместо отца мне был. Всею, что умею, меня научил. Эй, Анчут! – окликнул десятник бородатого коротышку. – А твой отец был лавочником?

Анчутка втянул голову в плечи и как-то нелепо и странно замотал головой.

– Чего это он? – удивился Видбор.

– На голову хворый, – тихо шепнул ему на ухо Замята.

– Вот оно что. – Десятник прищурился и кивнул: – Я это сразу заметил. Слышь, Анчут! Махонький ты уж очень для мужика-то. Обижали тебя, небось, в детстве?

Анчутка насупился, но ничего не ответил.

– Вот то-то и оно, – вздохнул десятник. – Одного боги делают рослым и дюжим, другого – малым и хилым. И к чему такой разброд – непонятно. Самого человека не обвинишь, а богов винить – и того глупее.

– Стоп! – поднял вдруг руку Глеб. – Спрячьтесь за камни и пригните головы!

Все четверо быстро скользнули к серым, поросшим пожухлой травой скалам и укрылись за ними.

В предрассветных сумерках они увидели, как большой бурый медведь выбрался из сухого малинника и зашлепал лапами по хлипкому снегу, направившись к молодой пихте.

Остановившись перед пихтой, медведь поднялся на задние лапы и, вытянувшись во весь рост, царапнул ствол когтями. Потом рыкнул и свирепо куснул кору желтоватыми клыками.

– Зачем это он? – с удивлением спросил Замята.

– Хочет показать другим медведям, какой он большой, – ответил Глеб.

Медведь принялся к ветру.

– Он стоит прямо у нас на пути, – с досадой проговорил Видбор. – Что будем делать?

Глеб вынул из кобуры ольстру. Взвел курок и прижал приклад к плечу. Громыкнул выстрел. Пуля выбила из ствола пихты щепку. Медведь отскочил от дерева и пустился

наутек.

– Путь свободен, – сказал Глеб и вложил ольстру в кобуру.

6

Возле того места, где Глеб спрятал лодку, вода еще была замерзшей, и Глебу, и его спутникам пришлось волочить лодку по тонкому льду к кромке чистой воды.

Лишь только лед затрещал под ногой, они вскочили в лодку. Глеб и Видбор сели на весла. Несколькими сильными гребками они вывели лодку из мелких льдин и принялись ритмично грести. Благодаря их усилиям четырехметровая лодка быстро резала воду.

– Анчутка, Замята, – окликнул через плечо Глеб. – Откиньтесь назад. Нужно перенести центр тяжести к корме.

Вряд ли они поняли про «центр тяжести», но послушно откинулись назад, приняв неудобные позы. Лодка заскользила на корме, уменьшив сопротивление воды.

Глеб и Видбор были первоклассными гребцами. Каждый из них старался сильнее подать лодку на своем гребке. Удары весел становились все быстрее и резче, лодка все больше задирала нос.

Через полчаса оба взмокли от напряжения, но руки их сами собой погружали весла в холодную воду реки. Там, где вода была свободна ото льда, лодка быстро скользила вперед. А там, где серый ледок подернул поверхность, им приходилось поднажимать, и тогда слышался хруст льда, ломавшегося под носом лодки при каждом ударе весла.

По временам, когда лед со скрежетом скользил по бортам, Глебу казалось, что лодка распорота и вот-вот развалится на куски.

До межи было еще несколько верст, но Глеб уже почувствовал дыхание Гиблого места. Что-то вроде легкой, холодноватой вибрации, пронзающей все его тело.

Впереди показался скалистый причал. Лодка с такой быстротой неслась к нему, что Глебу пришлось выполнить сложный маневр. Он приказал Видбору бросить весло и сам занялся лодкой.

Лодка повернулась поперек волны, зачерпнула воды и едва не опрокинулась.

Наконец они причалили.

– Что будем делать с твоей ладьей? – спросил у Глеба дознаватель Замята.

– Спрячем на берегу и забросаем лапником, – ответил тот.

Вчетвером они быстро выволокли лодку из воды и перенесли ее в укромное место за деревьями, которое Глеб не раз использовал и раньше. Быстро нарубили лапника и прикрыли лодку.

– А как мы поплывем обратно? – спросил Замята. – Течение ведь не будет попутным.

– Здесь недалеко есть широкий ручей со вспятым течением, – ответил Глеб. – Обычно я доставлял туда лодку волоком.

– Волоком? – удивился Замята. – Один?

– Это несложно, если иметь навык и знать путь, – сказал Глеб.

Оглядевшись и вслушавшись в звуки утреннего леса, он объявил:

– Думаю, нам удалось оторваться от наших преследователей. Устроим привал и перекусим. Нам понадобятся силы.

Глеб быстро развел костер, наслаждаясь каждым движением. В нем снова проснулся охотник, и здесь, в лесной чащобе, он чувствовал себя почти как в отчем доме.

Вскоре костер жарко запылал, взметнув языки огня в сумеречный, холодный воздух. Мужчины скинули обувь и обмотки и повесили их на воткнутые в землю палки, чтобы хоть немного просушить. Затем протянули босые ноги к огню и блаженно заухмылялись.

Замята достал из сумки захваченный в дорогу каравай и несколько вяленых рыб. Быстро нарезал кинжалом каравай на большие куски и раздал всем по ломтю хлеба и по вяленой рыбе.

Ели молча и неторопливо. Никому не хотелось заканчивать с трапезой быстро, обувать

полусырые сапоги и топать в Гиблую чащобу, на каждом локте и на каждой сажени которой их может поджидать страшная и неминуемая смерть.

– Слышь, Первоход, – окликнул Глеба дознаватель Замята, уминая рыбье мясо с хлебом. – А как люди становятся упырями?

– Помирают в Гиблом месте и поднимаются снова, – ответил Глеб.

– И что же, любой, кто помрет здесь, станет упырем?

– Да.

– И нет другого выхода?

Глеб покачал головой.

– Нет.

Замята вздохнул.

– Жаль... Не хотел бы я стать упырем.

– Никто не хочет, – небрежно заметил Глеб.

– Да нет, я серьезно. Когда я был крохой, рядом с нашим домом остановился цыганский табор. Вечером они устроили представление. Ну, знаешь... разные там скоморохи, певчие и прочее. А в конце на пустошь вышли цыганята-уродцы. – Замята, глядя на огонь, передернул плечами. – Помню, меня тогда едва не стошнило.

– И что? – без всякого интереса спросил Глеб.

– Да ничего. Просто с тех пор я страшно боюсь стать уродом. Иногда мне даже сны такие снятся.

– Какие?

– Ну... Например, будто я проснулся утром, глянул на свою рожу в кадку с водой, а оттуда на меня смотрит цыганенок с двумя носами и кривым глазом.

– С похмелья и не такое привидится, – заметил Глеб.

Замята недовольно нахмурился и вздохнул.

– Да ну тебя, ходок. Тебе бы только зубоскалить. Так, значит, и правда, нет никакого способа?

– Чтобы не превратиться в упыря?

Дознаватель кивнул.

– Угу.

– Есть один, – подумав, сказал Глеб.

– Какой? – насторожился Замята.

– Остаться в живых. Ладно, парни, пора собираться в путь. Замята, прибери остатки ествы в сумку. Анчутка, а ты снимай скорей с палки сапог – он у тебя уже дымится!

Анчутка всполошился и бросился снимать с палки сапог, но все равно опоздал. Носок сапога просмолился и исходил легким сизым дымком.

Десятник Видбор усмехнулся в рыжую бороду и насмешливо проговорил:

– Хорошо прожарился. Когда кончится хлеб, можешь съесть его на обед.

Мужчины постягивали теплые, подсохшие сапоги и обмотки с палок и стали обуваться. И вдруг чудовищный вой, похожий на трубный рев слона, пронесся по чащобе.

Сапог выпал у Анчутки из рук. Замята оцепенел с куском хлеба в руке. Видбор нахмурился и сжал рукоять меча так сильно, что костяшки пальцев побелели. Глеб ухватился за приклад ольстры да так и замер. Кровь застыла у путников в жилах.

Первым молчание прервал десятник Видбор.

– Что это за вой, Первоход? – тихо спросил он у Глеба.

Тот пожал плечами и так же тихо ответил:

– Понятия не имею. Раньше в Гиблой чащобе никто так не выл.

Десятник облизнул губы и хрипло проговорил:

– Знавал я одного парня. Отец отправил его на службу к князю из селения Топлево. Было это четыре месяца назад.

– И что?

– Парень сбился с пути и попал в Гиблое место.

– И зачем ты нам это рассказываешь? – нервно спросил дознаватель Замята.

– Затем, что тот парень все время бормотал о каких-то «освежевателях».

Замята опустил кусок хлеба в сумку и мрачно сообщил:

– Я тоже о них слышал. Это те самые чудища, что освежевали четырех ходоков и подвесили их на дерево.

– Освежевали? – робко переспросил Анчутка.

Замята кивнул.

– Да. Содрали с них кожу.

И снова трубный рев потряс чащобу. Мужчины замерли с открытыми ртами.

– Они знают, что мы идем, – промолвил десятник Видбор. – Эй, Первоход, что ты думаешь об этих освежевателях?

– Думаю, что если они живые твари, то их можно убить, – ответил Глеб, дернув щекой.

Десятник хмыкнул в рыжеватую, коротко стриженную бороду:

– Это слова настоящего воина, ходок. Но если освежеватели вылеплены из того же теста, что и призрачные твари, убить их будет нелегко.

– Есть только один способ это выяснить, – сказал Глеб. – Тушим костер и идем.

7

Глеб первым зашагал к меже – потемневшей от времени, полуразрушенной каменной арке, влево и вправо от которой на десятки километров тянулась двухметровая стена бурелома, наваленная предками нынешних жителей Хлынского княжества.

Замята, Видбор и Анчутка неохотно двинулись за ним. На душе у всех четверых было тяжело. Каждый знал, что может не вернуться из чащобы, но втайне надеялся на свой родильный оберег, который каждому из них на шею повесила мать – много-много лет тому назад.

Лес вокруг был темный, сырой, неприветливый. Даже вечнозеленые сосны и ели казались мрачными, черными и мертвыми.

Глеб шел чуть впереди, внимательно вслушиваясь в звуки леса и поглядывая по сторонам зоркими, замечающими каждую мелочь глазами.

Когда они отошли от межи на полверсты, Замята окликнул его:

– Первоход!

– Чего? – отозвался Глеб, не поворачивая головы.

– Мы уже за межой. Не пора ли выбросить вещь, которую ты несешь в кармане своей охотничьей куртки, и повернуть обратно?

– Нет, Замята, не пора, – откликнулся Глеб. – Поверь мне, я знаю, что делать.

– Это хорошо, что знаешь, – сказал, тяжело ступая по мокрому валежнику, десятник. – Но расскажи и нам, тогда мы тоже будем знать.

Глеб умерил ход, чтобы спутники нагнали его, быстро огляделся по сторонам, будто опасался, что кто-то чужой может услышать его слова, и сказал, понизив голос:

– Эту штуку нельзя бросить просто так. Я собираюсь утопить ее в болоте за Кривой балкой.

– Это ты верно придумал, – согласился после секундной паузы Видбор. – Но сколько идти до этого болота?

– Около десяти верст.

Замята присвистнул:

– Десять верст по Гиблому месту?

– Поверь мне, я заходил гораздо дальше, – с едва заметной усмешкой произнес Глеб.

Дознаватель неприязненно напомнил:

– Да, но это было до тумана.

Глеб пожал плечами:

– А я никого не неволю. Если хотите, можете вернуться.

– Ну уж нет, – прогудел в рыжую бороду Видбор. – Вместе пришли, вместе и уйдем.
– Как скажешь, десятник. Но имейте в виду: мы утопим «перевертень», но на этом наша миссия не закончится.

– Что означают твои слова? – насторожился Замята. – Какая такая «миссия»?

Глеб несколько шагов прошел молча, собираясь с духом, затем признался:

– Этот туман появился по моей вине. Год назад я разрушил печать, скрепляющую вход в земные недра, и выпустил туманных тварей из-под земли.

Замята и Видбор переглянулись. Замята сдвинул брови и грубо проговорил:

– Если это так, то ты...

– Охолони, – негромко перебил его десятник Видбор. Он взглянул на Глеба и хмуро спросил: – Как ты это сделал?

Глеб дернул бровью:

– Долгая история. Я пытался вернуться домой и не внял предупреждениям жрецов.

– Что еще за жрецы? – снова спросил Видбор.

– Они охраняли святилище Нуаран, – нехотя объяснил Глеб. – Святилище это расположено в самом сердце Гиблого места. Нелюди считали, что в нем захоронен упавший с неба бог.

– И что же ты сделал, Первоход?

– В святилище стоит плита, на которой начертано послание павшего бога. Я вынул из нее камень.

– Зачем?

– Чтобы вновь вставить его на место.

Десятник удивленно посмотрел на Глеба, затем перевел взгляд на Замяту и тряхнул головой.

– Ничего не понимаю. А ты, дознаватель?

– Я тоже, – хмуро откликнулся Замята. – Да и какая разница, что он там вытащил из плиты. Единственное, чего я хочу, это вернуться домой живым и невредимым.

Десятник Видбор поправил на голове шлем, взглянул на суровое лицо Глеба и спросил:

– Ты можешь загнать этот туман обратно в землю, Первоход?

Глеб пожал плечами:

– Не знаю. Но я попытаюсь это сделать.

Некоторое время Видбор размышлял над словами Глеба, затем сказал:

– Может, этого и не нужно? Если ты утопишь «перевертень», призрачные твари не смогут больше разгуливать за межой.

– Это так, – согласился Глеб. – Но ты уверен, что они не найдут другого способа вырваться наружу?

Видбор не нашелся, что ответить, и посмотрел на Замяту. Тот пожал острыми плечами и сказал:

– Не смотри на меня, десятник. Я, так же, как и ты, слышу эту историю впервые.

Глеб глянул на их хмурые, недовольные лица, усмехнулся и сказал:

– Сами видите, парни, что у меня нет другого выхода. Но вы не беспокойтесь. Если нужно будет сунуть голову в пекло, я сделаю это первым. И постараюсь, чтобы ваше участие не потребовалось.

– Для человека, который впутал нас во все это, ты слишком любезен, – с ироничной ухмылкой заметил дознаватель. – Но все равно спасибо.

Несколько минут шагали молча. Чащоба вокруг становилась все мрачнее, несмотря на то что солнце уже взошло. Похоже, этот лес был краем вечных сумерек.

– Если нам удастся выбраться отсюда живыми, уйду в отставку, – сказал вдруг десятник Видбор. – Буду, сидя у очага, рассказывать об этом приключении своим внукам.

– А у тебя есть внуки? – удивился Замята, который знал, что у большинства дружинников и охоронцев семей нет, да и не может быть.

Видбор покачал головой:

– Пока нет.

– А дети?

– Тоже нет.

– Ну а жена? – спросил тогда Замята. – Жена у тебя имеется?

– И жены пока нет, – невозмутимо ответил десятник. – Вот выйду в отставку и заведу. – Он улыбнулся и добавил: – Дурное дело нехитрое.

Дознаватель всмотрелся в резкие морщины Видбора и насмешливо вскинул бровь.

– Сколько же тебе лет, ратник?

– Через седмицу после праздника Макоши будет сорок, – ответил тот.

Замята улыбнулся:

– Не поздновато ли ты собрался обзаводиться семьей?

– Нет. В самый раз. Ты не смотри, что я наполовину седой. В мужском деле я еще ого-го!

Дознаватель хмыкнул и сказал:

– В этом я не сомневаюсь. Ты мужчина крепкий и напористый. Девки таких любят. Но не думаю, что тебе удастся дождаться внуков.

– Это еще почему? – нахмурился Видбор.

– Да потому. Вот скажи сам: сколько раз ты был ранен?

Десятник нахмурил широкий лоб, припоминая, затем ответил:

– С десятков раз наберется. Если не считать мелочей. А что?

– Раны-то, небось, к непогоде ноют?

Видбор невесело вздохнул:

– Еще как.

– И поясница по осени болит?

– Бывает и такое. Да ты почему спрашиваешь-то?

Замята усмехнулся:

– Дальше будет еще хуже. Лет через пять охромеешь. А через десять будешь лежать на печи, не в силах разогнуться, и молить, чтобы Чернобог да Марена поскорее прибрали тебя к рукам.

Десятник задумался. Пару минут он молчал. Потом вздохнул, как вздыхают старики, тяжело и хрипло, и сказал:

– А ведь ты прав, дознаватель. На ратной службе у меня не было времени как следует об этом подумать. – И он снова вздохнул, еще тяжелее, чем прежде. – Походы, битвы, лекарни... Жизнь пролетела так быстро, что и заметить не успел. Грустно все это.

– То-то, что грустно, – кивнул Замята. – Ничего ты уже не изменишь, десятник. И помереть тебе лучше на бранном поле, пока ты еще хоть на что-то годен.

Видбор метнул на дознавателя хмурый взгляд из-под сдвинутых бровей, но возражать не стал. Еще немного прошли молча, затем Глеб поднял руку и приказал:

– Стоп!

Путешественники остановились.

Глеб опустил на колени, затем лег грудью на влажную траву и прижал к земле ухо. Полежал так немного, вслушиваясь, затем отнял ухо от земли, поднялся на ноги и сказал:

– Сюда что-то движется. Что-то очень большое.

Замята побледнел, а Видбор сдвинул брови и уточнил:

– Как близко?

– Верстах в четырех от нас, – ответил Глеб.

– Мы можем убежать?

Глеб покачал головой.

– Вряд ли. Но попробовать стоит. Если боги нам помогут...

– Я задержу это «очень большое», – спокойно перебил десятник.

Три пары глаз с изумлением уставились на него.

– Ты хочешь остаться здесь один? – не поверил своим ушам Глеб.

– Да. Я приму бой, – просто ответил Видбор.

– Позволь тебе напомнить, друг, – заговорил Замята напряженным голосом, – что эта тварь, скорее всего, растерзает тебя.

– Может, да. А может, нет. Ну, а коли погибну, так жалеть тут не о чем.

– Жалеть всегда есть о чем, – возразил Глеб.

– Брось, Первоход. – Десятник улыбнулся и кивнул на Замяту. – Ты ведь слышал, какую будущность обрисовал мне княжий дознаватель.

– Я молот чушь, – заверил его Замята и нервно облизнул сухие губы. – Не так уж ты и стар. У тебя еще могут быть и дети и внуки.

Видбор покачал головой.

– Нет, друг. Моя судьба – это поле битвы. На ней я прожил, на ней и умру. Идите вперед и не вздумайте возвращаться.

Замята и Глеб переглянулись.

– Оставить тебе лук со стрелами? – дрогнувшим голосом спросил Замята.

Видбор покачал головой:

– Нет. Лучник я неважный. Зато уж мечом владею лучше всех в княжестве.

Дознаватель хмыкнул:

– Не знаю, какой ты лучник, но хвастун ты отменный, десятник.

Видбор улыбнулся.

– Какой же богатырь не любит прихвастнуть.

И тут чудовищный, нечеловеческий рев прокатился по глухой чащобе. А следом за ревом путешественники услышали другой звук – будто что-то огромное продвигалось по чащобе, пробивая себе путь через кустарники, круша и ломая молодняк деревьев.

Замята передернул плечами.

– Дорого бы я дал за то, чтобы не слышать этого.

Видбор надел рукавицы и грозно проговорил:

– Ну, все, ребята. Идите отсюда.

– В семи верстах к северу, там, где река сужается, стоит на берегу охотничий домик, – сказал Глеб. – Если уцелеешь, ступай к нему.

Десятник кивнул. Затем махнул рукой и повернулся лицом к реке, давая понять, что прощание завершено.

Дождавшись, пока Глеб, Замята и Анчутка скроются за деревьями, Видбор неторопливо достал из ножен меч, взгляделся в черную стену деревьев и спокойно проговорил:

– Давай, тварь! Посмотрим, у кого из нас кровь гуще!

Когда ветви деревьев раздвинулись, он на миг окаменел от ужаса, но в следующее мгновение вскинул меч и, издав боевой клич, ринулся навстречу чудовищу.

8

С минуту Глеб, Замята и Анчутка шли по чащобе молча. Потом, когда чащоба стала почти непролазной, Глеб предупредил:

– Берегитесь сухих веток, они могут проткнуть вам глаза. И берегитесь молодых веток. Они могут оплести вам шеи и задушить.

– Разве такое возможно? – усомнился Замята, покосившись на черные, влажные ветки деревьев.

– В Гиблом месте – да, – ответил Глеб.

И снова они пошли молча. Однако долгого молчания Замята не выдержал.

– Первоход, – тихонько окликнул он. – Как думаешь, Видбор уцелеет?

– Я не гадалка, – ответил Глеб.

Замята вздохнул:

– Хоть бы уцелел. Хороший мужик. Надежный. Коли бы раньше встретились – обязательно бы подружились.

– Это вряд ли, – возразил Глеб. – Я слышал, ратники не жалуют дознавателей. Считают их живодерами и мучителями.

Замята уставился на Глеба обиженными глазами.

– Не каждый из нас живодер, – с упреком сказал он. – Да и какое в этом удовольствие – мучить людей? Я без нужды вообще в ход кулаки не пускаю.

– Правильно делаешь, – сказал Глеб. – Если долго мучить человека, он...

Договорить Глеб не успел. Отчаянный, полный ужаса и боли вопль потряс лес. Глеб, Замята и Анчутка остановились и повернули головы в сторону крика.

– Это Видбор? – севшим от страха голосом спросил Анчутка.

Глеб молча кивнул.

– Всесильные боги-думраны, помогите нам выжить и выбраться отсюда! – пробормотал Анчутка на языке нелюдей. – Пусть Глеб Первоход, Замята-истязатель и твой верный раб Анчутка – Кирлымкумайрген останутся живыми и выберутся из Гиблого места!

Замята глянул на коротышку неприязненным взглядом и холодно поинтересовался:

– Зовешь на помощь своих дружков, нелюдь?

– Дурак, – сухо сказал ему Глеб. – Он молится за тебя. Молится своим кишенским богам.

– Вот как? Не тем ли богам, которые идут за нами по пятам, чтобы сожрать нас?

И вновь страшный рев пронзил тишину леса, заставив троих путешественников оцепенеть и покрыться испариной ужаса.

– О боги... – сорвалось с побелевших губ Заматы. – Эта тварь совсем рядом.

– Да, – нахмурившись, подтвердил Глеб. – Меньше версты.

И тут они услышали шум. Будто кто-то стремительно приближался к ним сквозь лес, хрустя валежником, разрывая кусты и ломая сухие ветви деревьев. И вновь жуткий вой прокатился по лесу.

– Бежим! – крикнул Глеб, схватил Замату и Анчутку за рукава и потащил их прочь с тропы.

Они во весь дух понеслись через черный, пропахший плесенью и мокрыми травами лес. Бежать по чащобе было нелегко. Наваленные ветки и ямы, корни, сучки и стволы упавших деревьев – все это то и дело возникало на пути Глеба, Заматы и коротышки Анчута, замедляя их бег и грозя убить их или покалечить. Однако то, что преследовало их, было несоизмеримо страшнее.

Постепенно шум погони за спиной стих. Видимо, таинственный преследователь потерял их след. Но интуиция подсказывала Глебу, что это ненадолго.

Наконец они остановились у ручья.

– Можем попробовать перебраться через ручей, – хрипло дыша, сказал Замята. – Это сбивает хищников со следа.

– Верно, – согласился, восстанавливая дыхание, Глеб. – Беда лишь в том, что мы не знаем, какие твари водятся в этом ручье.

– Что же нам делать?

– Я знаю, что! – воскликнул Анчутка и, не медля больше ни секунды, бросился по склону к ручью.

– Анчут, стой! – крикнул Глеб.

Но коротышка уже вошел в ручей.

– Твою мать! – выругался Глеб и побежал за ним.

Анчутка зашипел от боли, сковавшей его ноги, когда они погрузились в ледяную воду, и упорно побрел вперед. Глеб добежал до ручья, но остановился на берегу, наблюдая за Анчуткой и готовый в любую секунду броситься коротышке на помощь.

Однако помощь не потребовалась. Анчутка благополучно перешел через ручей и выбрался на противоположный берег. Овернулся и с улыбкой объявил:

– Все хорошо!

Глеб и Замята переглянулись и быстро последовали за ним. Ледяная вода обожгла им щиколотки и едва не стянула судорогой икры.

– Леший... – простонал Замята, перемалывая ногами воду. – Чего ж она такая холодная?

– Чтобы ты спросил, – угрюмо отозвался Глеб, который тоже не испытывал никакого удовольствия от этой водной прогулки.

Наконец Замята и Глеб выбрались на берег. Замята тяжело опустился на поваленное, гнилое дерево и, поморщившись, потерял правую ногу.

– Никогда не думал, что вода может быть такой ледяной, – сиплым от боли голосом объявил он, растирая сведенную судорогой ногу.

По чащобе вновь прокатился вой. Анчутка подскочил на месте и испуганно пробормотал:

– Опять освежеватель воет!

Глеб прищурился и покачал головой.

– Нет. Это не освежеватель.

– А кто же?

– Оборотень, – коротко ответил Глеб.

Замята округлил глаза.

– Настоящий оборотень?

– Похоже на то.

Дознаватель испуганно огляделся по сторонам.

– Я думал, туман пожрал всю былую нечисть. Выходит, оборотни уцелели.

– Выходит, что так.

По лесу вновь прокатился тоскливый вой. Когда вой отзвучал и лес поглотил его эхо, Глеб положил руку на кобуру с ольстрой, сдвинул брови и сказал:

– Будем надеяться, что это обычные оборотни.

– О чем это ты? – насторожился Замята.

Глеб хмуро объяснил:

– После тумана в Гиблом месте все иное. У меня нехорошее предчувствие.

По лицу Замяты пробежала тень.

– Не нравится мне твое предчувствие, ходок, – пробормотал он. – Что будем делать, коли эти твари на нас нападут?

– Сражаться, – сухо ответил Глеб. – Другого выхода у нас нет.

– Сражаться, – с горькой усмешкой повторил Замята. – Легко тебе говорить, ты ведь ходок. А я и мечом-то как следует махать не умею.

– У тебя есть еще пара стрел, – напомнил Глеб.

– Пара... – Дознаватель дернул щекой. – Будто бы они меня спасут. – Он посмотрел на Глеба, и глаза его вдруг возбужденно блеснули. – Слушай, а у тебя, случайно, не припрятано на этот случай никаких амулетов? Вы, ходоки, постоянно таскаете их с собой.

– Меня изгнали из княжества полгода назад, – сказал Глеб. – Уезжая, я распродал все свои амулеты.

– Это ты поторопился, – угрюмо проронил дознаватель. – Ладно. Будем надеяться, что оборотни нас не учуют.

Едва он это сказал, как в нескольких метрах от путешественников захрустел валежник.

– О боги! – хрипло воскликнул Замята, побледнев и выкатив от ужаса глаза.

Из кустов орешника по ту сторону ручья высунулись две огромные оскаленные морды с пылающими, красными глазами.

Глеб никогда прежде не видел таких тварей. На первый взгляд они были обычными оборотнями, разве что с более широкой грудью да на два-три вершка повыше в холке. Но

стоило Глебу всмотреться попристальнее, и он увидел различия.

Передние лапы у тварей были безобразные и больше походили на мясистые клешни, заканчивающиеся мощными крючкообразными когтями. Зубы в оскаленных пастьях росли вкривь и вкось, были остры, как гвозди, и загибались внутрь. Попадешь в такую пасть – обратно уже не вырвешься.

Пылающие красным огнем глаза чудовищ были меньше, чем у обычных оборотней, и зрачки в них были вытянутые и поперечные, словно у змеи.

Помимо прочего, бурая клочковатая шкура тварей была вся испачкана отвратительной черной слизью, будто они только что вывалились в грязи.

– Что нам делать? – хрипло спросил Замята у Глеба за спиной.

– Обнажайте мечи, – ответил Глеб. – Как только они бросятся...

Договорить он не успел – чудовища ринулись в атаку. Одним огромным прыжком перемахнули они через ручей. Глеб вскинул ольстру, но оборотень ударом лапы выбил оружие из его рук, а вторым ударом отшвырнул Глеба к дереву.

– Руби их! – крикнул Глеб, выхватил меч-всеруб и полоснул первого оборотня мечом по морде.

Удар пришелся вскользь, заговоренный меч рассек зверю шкуру и срезал кончик уха. Оборотень готов был подмять Глеба под себя, но тот ловко увернулся, перекатился в сторону и вновь вскочил на ноги.

Краем глаза он увидел, как Анчутка, бледный от ужаса, рубанул второго оборотня скрамасаксом по груди, но промахнулся, грохнулся на землю, перекувыркнулся через голову и покатился по невысокому склону в ручей.

Зубы первого оборотня лязгнули в сантиметре от уха Глеба. Он вновь увернулся и ударил оборотня мечом в живот. Лезвие соскользнуло с твердой и жирной от слизи шкуры чудовища.

Промажнувшись в прыжке, оборотень развернулся и вновь бросился на Глеба. Секундной заминки Глебу хватило, чтобы отпрыгнуть в сторону, схватить с земли ольстру, развернуться и встретить оборотня выстрелом в грудь.

Пуля, начиненная огвоздками и крестовинами из белого железа, разворотила зверю грудь и раздробила нижнюю челюсть.

Глеб развернулся, чтобы выстрелить в другого оборотня, но оказался недостаточно быстр. Зверь подмял его под себя и попытался схватить его зубами за лицо. Перевернув ольстру поперек, Глеб уперся ею оборотню в челюсть и, изо всех сил сдерживая огромного зверя, прохрипел:

– Замята... Помоги...

Зубы оборотня, острые, длинные, крючковатые, покрытые черной слизью, щелкнули у самого лица Глеба.

– Замята... – вновь позвал Глеб, сдерживая монстра из последних сил.

Зубы чудовища щелкали все ближе и ближе. Черная слизь капала Глебу на щеки, зловонное дыхание обдавало ему лицо. Руки Глеба дрогнули, и он понял, что не сможет больше удерживать оборотня.

И тут что-то со свистом рассекло воздух, и оборотень замер. Глаза зверя погасли, тело обмякло, и Глеб одним рывком скинул его с себя.

За спиной у зверя, сжимая в руках окровавленный скрамасакс, с бледным, перекошенным от ужаса лицом, стоял Анчутка. Глеб вскочил на ноги и огляделся. Оба зверя были мертвы.

– Замята! – позвал Глеб, хрипло дыша. – Замята, мать твою, где ты?

– Да тут я, тут.

Где-то наверху послышался треск веток, и вслед за этим дознаватель неуклюже спрыгнул с дерева на землю.

– Кончено, – с облегчением проговорил он. – А вы молодцы.

Глеб холодно взглянул на дознавателя и сказал:

– Я звал тебя на помощь. Ты слышал?
Тот отвел взгляд и нехотя кивнул:
– Слышал. Но какой от меня толк. Я всего лишь княжий дознаватель и не привык махать мечом.
– В следующий раз, – хрипло проговорил Глеб, – я не стану тебя защищать. Просто возьму и скормлю оборотням.
– Ты защищал свою шкуру, а не меня, – беззлобно возразил Замята.
Дознаватель отвернулся, подошел к одному из мертвых чудовищ, глянул на его оскаленную, оцепеневшую морду и покачал головой:
– Ну и харя. Такого во сне увидишь, не проснешься. Первоход, а разве оборотень после смерти не должен превратиться в человека?
– Должен, – ответил Глеб.
– А почему этот не превращается?
– Спроси у него.
– Грубый ты, Первоход, – со вздохом проговорил Замята. – Эй, Анчутка! – Дознаватель дружески хлопнул коротышку по плечу. – А ты молодец. Не будь ты нелюдем, мы бы могли стать друзьями. Верно?
Коротышка улыбнулся и кивнул.
– Ну вот, – сказал Замята. – И помирились. Куда дальше, Первоход? Может, сделаем привал и перекусим?
– Мы наделали много шума, – проговорил Глеб, внимательно оглядывая деревья. – Если освежеватели услышали нас, они скоро будут здесь.
И словно в подтверждение его слов, в отдалении вновь послышался треск ломаемых веток.
Замята насторожился и пробормотал дрогнувшим голосом:
– Вот леший... Кажется, ты прав.
– Нужно уходить, – сказал Глеб. – Проверьте оружие и одежду – все ли в порядке.
Анчутка и Замята проверили одежду, удостоверились, что мечи в ножнах, а ножны – на поясах.
– Теперь идем, – сказал Глеб. – И не отставать от меня.
Глеб повернулся и зашагал в черную, пахнущую сыростью и тлением чащобу.

10

– Страшный какой лес, – сказал Замята, шагая по буеракам и напряженно оглядываясь по сторонам. – Никогда не думал, что лес может быть таким страшным. И звуки тут какие-то не те. И запах. И эти постоянные сумерки. Интересно, здесь когда-нибудь бывают солнечные дни?
– После тумана – нет, – ответил Глеб.
Замята опустил взгляд и тревожно проговорил:
– А туман-то до конца не сошел. Стелется вдоль земли. Будто притаился и выжидает.
Анчутка тоже посмотрел вниз и сделал резкое, нелепое движение, будто хотел поджать под себя ноги. Замята заметил это и с усмешкой поинтересовался:
– Что, нелюдь, и тебе тут неспокойно?
– Не называй меня нелюдем, – сказал вдруг Анчутка, схмутив брови.
– Почему? – удивился Замята. – Ты ведь нелюдь. У тебя и ног-то нет, одни копыта. Я же видел.
– Хозяин сделал меня человеком, – дрогнувшим голосом возразил коротышка. – Раньше я был нелюдь Кирлымкумайрген, и меня никто не любил. Теперь я – мужик Анчутка. Я человек, ясно?
Дознаватель хмыкнул:
– Ну, пусть так. Хотя, если вдуматься, то что тут хорошего – быть человеком?

– А что хорошего быть нелюдем? – угрюмо спросил Анчутка.

Замята подумал и кивнул.

– Да, ты прав. И то, и другое отвратно. Живешь, коптишь воздух, кланяешься сильному, гнобишь слабого, и все равно страшно. Придет кто-нибудь, кто сильнее и подлей тебя, и раздавит. Порой собственной тени боишься.

Рассуждая, Замята не обошел, как Глеб и Анчутка, большую, темную кучу бурелома, а по инерции стал карабкаться по ней, намереваясь чуть сократить путь. И вдруг мокрый ствол под его ногой дрогнул.

Глеб среагировал мгновенно.

– Анчутка, прочь! – крикнул он, прыгнул к зазевавшемуся коротышке и отшвырнул его в сторону, однако сам отпрыгнуть не успел.

Мокрые, ветвистые стволы посыпались из-под сапога Замяты на ходака, сбили его с ног, прокатились по его ногам и остановились, наткнувшись на торчащий из земли комель сосны.

– Твою мать! – выругался Глеб, пытаясь сбросить с себя ствол.

Испуганный Замята, которому каким-то чудом удалось устоять на ногах, бросился к Глебу и помог ему откинуть ствол.

Глеб хотел подняться, но не смог. Его правая ступня застряла в расщелине между комелем сосны и черным сучковатым стволом дерева.

– Черт... – прорычал, стиснув зубы, Глеб.

Он потянул ногу из расщелины, но не смог. Нога застряла прочно. Тогда Глеб протянул руки к стволу и попытался сдвинуть его. Но и это не принесло результата. Силы рук явно не доставало. Нужно было что-то вроде рычага.

– Анчутка, – позвал Глеб. – Анчутка, леший, где ты?

Замята кивнул подбородком на стоявшего рядом коротышку.

– Да вот он, твой Анчутка.

Глеб поднял голову.

– Анчутка, что ты там увидел?

Глеб проследил за взглядом коротышки, и корни его волос обдало жаром.

Метрах в тридцати от бурелома, на невысоком пригорке стояли люди. Высокий, сутуловатый мужик в длинной, грязной рубаше и меховой, изъеденной молью жилетке, рядом – худая, простоволосая баба в дырявом зипуне, а между ними – маленький мальчонка со светлыми всклокоченными волосами.

– Люди! – радостно воскликнул Замята. – Глеб, мы здесь не одни! Эй! – крикнул он незнакомцам и помахал им рукой.

– Нет! – Глеб попытался ухватить Замяту за ногу, но тот шагнул вперед и, улыбаясь до ушей, зашагал к пригорку.

– Замята, нет! – сипло крикнул Глеб. – Это не люди!

Мальчик улыбнулся и со звонким смехом побежал с пригорка навстречу Замяте. Глеб хотел выхватить из кобуры ольстру, но обнаружил, что ольстры нет. Видимо, вылетела из кобуры, когда он падал, и теперь лежит под рухнувшими стволами.

– Анчутка! – позвал Глеб, но коротышка не шелохнулся. – Анчутка, дьявол!

Тот вздрогнул и уставился на Глеба.

– Найди ольстру! Быстро!

Коротышка бросился шарить по земле руками и взглядом.

Глеб видел, как Замята и мальчишка встретились посреди пригорка. Видел, как мальчишка высоко подпрыгнул. Видел, как Замята засмеялся от радости и как смех его оборвался, когда зубы ребенка сомкнулись на шее бедняги-дознателя.

Замята закричал от ужаса и боли и попытался оторвать от себя ребенка, но тот впился, как клещ. А на помощь упыренку уже заспешили взрослые. Втроем они повалили Замяту на землю и стали рвать зубами его тело.

Замята орал и вопил, пытаясь отбиться, но пальцев у него на руках уже не было, их

отгрызла упыриха. Твари действовали сосредоточенно и неторопливо, не обращая внимания на вопли и дерганья Замяты. Больше всех усердствовал ребенок. Своими маленькими и острыми, будто у пираньи, зубами он быстро обгладывал Замяте голову.

Дознаватель уже перестал дергаться, но все еще был жив.

– Где ольстра? – хрипло спросил Глеб.

– Нет, – растерянно пробормотал коротышка, с ужасом глядя на трапезу упырей.

– Палку! – прохрипел Глеб. – Найди палку покрепче!

Ребенок вскинул голову и уставился на Глеба. Затем толкнул в плечо отца и показал ему на Глеба пальцем. Взрослый упырь, пережевывая оторванную руку Замяты, повернул голову. Теперь двое упырей – большой и маленький – смотрели на Глеба.

– Быстрее! – поторопил Глеб.

Упырь-мужик небрежно отшвырнул изжеванную руку Замяты, поднялся на ноги и зашагал к Глебу.

Упырь-ребенок вскочил на ноги, нагнал отца и зашагал рядом с ним, с безумной, похожей на судорогу улыбкой глядя на Глеба.

– Анчутка! – взмолился Глеб, потя от ужаса. – Ищи палку!

Анчутка бегал по высокой траве, пытаясь высмотреть подходящую крепкую и толстую палку, но ничего пригодного ему не попадалось.

Женщина-упырь продолжала с чавканьем обглаживать труп Замяты. А мужчина и мальчишка быстро приближались. Оба не сводили с Глеба голодных, алчущих плоти взглядов. Ноздри их трепетали от запаха свежего мяса.

– Анчутка, мать твою! – севшим от ужаса голосом крикнул Глеб.

Он задергался в своей ловушке, пытаясь вытащить ногу из расщелины. Поняв, что искать палку уже бессмысленно, храбрый коротышка выхватил из ножен свой скрамасакс и побежал на подмогу Глебу.

Глеб согнулся пополам, уперся в ствол ободранными в кровь пальцами и хрипло прошептал:

– Боги Гиблого места, помогите мне!

Затем сцепил зубы, напряг руки так, что на предплечьях вздулись жилы, и последним отчаянным усилием сдвинул ствол в сторону.

И в этот миг упыри набросились на него. Молниеносно выхватив из-за пояса нож, Глеб всадил его маленькому упырю в висок, выдернул клинок и откатился в сторону. Ноги мальчишки подломились, и он рухнул лицом в мокрую траву.

Взрослый упырь остановился и озадаченно завертел головой. Казалось, он не мог понять, что произошло и почему добыча вдруг исчезла из поля его зрения. Вблизи Глеб разглядел на его лице трупные пятна.

Увидев подбегающего Анчутку, упырь выставил перед собой руки со скрюченными пальцами и ринулся на него.

– Эй! – окрикнул его Глеб.

Упырь обернулся на звук, и Глеб одним ударом снес ему с плеч голову. Отрубленная голова прокатилась по траве и, ткнувшись в ноги Глеба, попыталась вцепиться ему зубами в сапог. Глеб отдернул ногу и пнул чудовищную голову сапогом. Голова взлетела в воздух и, пролетев две сажени, упала в снег.

Туловище упыря все еще пыталось схватить Анчутку, загребая руками воздух, но Анчутка уворачивался и, ловко орудуя мечом, наносил безголовому монстру быстрые, точные удары в бока и живот.

Глеб поудобнее перехватил меч, шагнул к чудовищу и одним сильным ударом прекратил его муки.

– Осталась еще одна, – хриплым голосом проговорил Глеб и повернулся к упырихе, которая продолжала с чавканьем пожирать тело Замяты. – Идем.

И он, прихрамывая и поморщиваясь от боли, стал взбираться на пригорок. Бледный, встрепанный Анчутка последовал за ним. Завидев приближающихся врагов, упыриха

несколько мгновений оцепенело смотрела на них, потом быстро поднялась на ноги и побежала в лес.

Глеб остановился и, перегнувшись пополам и упершись рукою в колено, стал восстанавливать дыхание.

– Черт... – прохрипел он, морщась от боли в ноге и груди. – Надо бросать курить.

Растерзанный труп дознавателя Замяты лежал на пригорке. Снег и жухлая трава вокруг были забрызганы его кровью. Глеб и Анчутка, хмурые, бледные, измазанные зловонной кровью упырей, стояли рядом.

Глеб поднял правую руку и проговорил – не торжественно, а скорее устало:

– Покойся с миром, княжий дознаватель Замята. Мне жаль, что ты погиб. Правда, жаль. Надеюсь, лесные твари обглодают твои кости прежде, чем ты превратишься в упыря. – Он вздохнул и перевел взгляд на коротышку-нелюдя. – Идем отсюда, Анчут.

Глеб поправил на поясе ножны и зашагал к чащобе. Коротышка нерешительно посмотрел ему вслед, затем вновь взглянул на труп Замяты, поднял с земли сосновую ветку с засохшими иголками и бережно прикрыл ею лицо дознавателя.

Потом повернулся и закосолапил за Глебом.

Глеб и Анчутка уже скрылись за деревьями из виду, когда лежащее на пригорке истерзанное тело Замяты зашевелилось. Дознаватель резко поднял обглоданную упырями голову и огляделся по сторонам единственным уцелевшим глазом.

Затем с трудом поднялся на ноги и несколько секунд стоял, балансируя, чтобы не упасть. Вместо левой руки из его плеча торчал обглоданный обрубок. Сорванный с черепа и изжеванный мальчишкой-упырем скальп висел на лоскуте кожи, словно обрывок желто-красного платка.

Замята приподнял голову и приняхался, шевеля порванными ноздрями. Затем кивнул сам себе и, время от времени приняхиваясь, заковылял по следам Глеба и Анчутки.

11

Дергающая боль в плече, о которой Глеб успел подзабыть, вернулась, а вместе с ней вернулась и злоба. Пора было принимать бурую пыль. Глеб потянулся к карману, но остановился. Что, если бурая пыль затуманит его разум и сделает его уязвимым для врагов? Этого нельзя было допустить.

Но, с другой стороны, без бурой пыли он станет опасен сам для себя. И для Анчутки. Придется все же рискнуть.

Глеб сунул руку в карман, собрал остатки бурой пыли – получилась отменная щепоть – и сунул ее в рот.

Через несколько секунд мир вокруг Глеба преобразился. Так хорошо и комфортно он чувствовал себя только в баре, в компании близких друзей, после двух кружек пива, заеденных жареной свиной рулькой или промаринованными в лимонном соке и прожаренными до хрустящей корочки ребрышками.

– Слышь, Анчутка, – обратился он к семяющему рядом коротышке. – Вот ты раньше был нелюдем, а теперь вроде как человек. Так?

– Так, – кивнул Анчут, пугливо поглядывая на кусты, камни и деревья, за каждым из которых ему чудилась новая смертельная опасность.

– А знаешь ли ты, что значит быть человеком?

Анчутка поднял голову и непонимающе посмотрел на Глеба. Тот усмехнулся.

– Вот то-то и оно. А между тем человек – это звучит гордо. И звучит гордо, и мычит гордо, и плачет гордо. Даже стучит – и то гордо.

Глеб понимал, что несет ахинею, но не мог остановиться. Уж очень хорошо ему было.

– Понимаешь, Анчутка... – продолжил он, – в человеке все должно быть прекрасно. И тело, и лицо, и душа... И даже одежда. Нет у тебя прекрасной одежды – значит, ты уже не человек. А уж если природа одарила тебя жуткой рожей и хромой ногой, то ты вообще...

непонятно кто.

Коротышка поглядывал на Глеба удивленным, хмурым взглядом. Он явно был встревожен странным поведением своего хозяина.

– Ты не бойся, – успокоил его Глеб. – Умирать не страшно. По крайней мере, не так страшно, как жить. Ну, а мы с тобой... Мы с тобой еще увидим небо в алмазах. Это я тебе обещаю.

Жуткий слоновий рев прокатился по черному лесу. Глеб остановился и вслушался.

– Кажется, освежеватель вышел на наш след, – определил он. Потом усмехнулся и перевел взгляд на Анчутку: – Знаешь, мне чертовски надоело убегать. Что, если мы остановимся, повернемся к врагу грудью и примем бой? Ведь мы же не знаем, что это за тварь. Вдруг это какой-нибудь хорек-переросток?

Мысль о хорьке-переростке показалась Глебу смешной, и он захохотал. Эхо его хохота страшно прокатилось по лесу, отражаясь от черных, влажных деревьев. Глеб оборвал смех и нервно поежился.

– Странное здесь эхо, правда? – вновь заговорил он. – Анчутка, ты заметил, какое оно странное?

Коротышка был бледен. На его лысоватом лбу и бородатой мордочке заспанного домового выступила испарина. Он взглянул на Глеба испуганными глазами и сбивчиво пробормотал:

– Хозяин, прошу, не делай так больше.

– Не смеяться? – Глеб пожал плечами. – Ладно, не буду. Да это и не я смеялся. Это бурая пыль во мне смеялась. Черт бы ее побрал, эту бурую пыль! Откуда она вообще взялась в Гиблом месте? И для чего она?

Глеб вздохнул:

– Глупые, в сущности, вопросы. А откуда в этом проклятом богом лесу взялись упыри и оборотни? Откуда появились волколаки и все эти чудные вещи, которые люди называют амулетами? Ты, случайно, не знаешь?

Анчутка покачал головой.

– Вот и я не знаю, – сокрушенно проговорил Глеб. – Ладно, идем. Мы должны успеть избавиться от перевертня до того, как эта жуткая тварь оторвет нам головы.

И они зашагали дальше, поскрипывая влажным валежником и грязным снежком. Несколько минут Глеб шел, хмуря лоб и размышляя о чем-то. Потом заговорил снова:

– Знаешь, что я думаю? – негромко сказал он. – Гиблое место – это дыра в мироздании. Несколько столетий назад с неба упал метеорит. Или иноземный космический корабль, если уж дать фантазии разгуляться. Этот чертов метеорит не только разрушил Кишень-град и заразил радиацией окружающие леса, породив «незримых духов», но и пробил брешь в самой ткани мироздания. И из этой дыры в наш мир выползли какие-то дьявольские силы. Я понятно выражаюсь?

Анчут моргнул и покачал головой.

– Нет? – Глеб пожал плечами. – Ну, извини. Я ведь не писатель и не ученый. Я всего лишь журналюга-борзописец, который сунулся туда, куда ему не следовало соваться. – Глеб вздохнул и хмуро добавил: – Знаешь, Анчутка, есть пропасти, в которые лучше не заглядывать. Это я теперь точно знаю.

И снова безмолвный, темный лес сотрясся от трубного рева. На этот раз рев прозвучал намного ближе, чем прежде. А вслед за тем до чуткого уха Глеба долетели звуки ломаемых деревьев. Чем бы ни была тварь, которая преследовала их, она быстро приближалась.

Глеб остановился. Мрачно усмехнувшись, снял с плеча сумку и швырнул ее на припорошенную снегом траву.

– Все, пришли, – сказал он.

– Что ты, хозяин? – испуганно спросил Анчутка.

– Ничего. Но дальше мы не пойдём.

На этот раз рев прозвучал так громко и яростно, что с черных, мокрых ветвей

сорвались снежинки и посыпались на землю. Теперь уже и Анчутка слышал звук ломаемых ветвей. Он прижался к сапогу Глеба, вцепился пальцами в край его шубейки и забормотал сиплым, дрожащим голосом:

– Хозяин, чудовище приближается! Нам надо бежать!

Глеб покачал головой:

– Нет, Анчутка. Тварь движется быстрее, чем мы. А прятаться здесь негде. Через минуту чудовище будет здесь.

Анчутка затрясся всем телом и с ужасом уставился на лес. Глеб погладил его ладонью по лысоватой голове и мягко проговорил:

– Ты прости, что я притащил тебя сюда. Попробуй найти укромное место и притаиться. Может быть, тебе повезет. Отсидишься часок-другой, а потом пойдешь назад. Хотя... – Глеб горько усмехнулся. – Какой в этом смысл?

Новый раскат трубного рева потряс деревья. Лес перед Глебом и Анчуткой загрохотал, затрещал и содрогнулся.

– Сейчас... – дрогнувшим голосом проговорил Глеб и вытянул из ножен меч.

И в ту же секунду молодые сосновые стволы вылетели из земли, вырванные с корнем, и полетели на Глеба и Анчутку, осыпая их снегом, щепками и землей.

– Пригнись! – крикнул Глеб и хотел пригнуть голову коротышки пониже, но тот выскользнул из-под его ладони, выхватил из ножен короткий меч-скрамасакс и, крикнув что-то неразборчивое, бросился навстречу ломаемым деревьям.

– Стой! – заорал Глеб.

Он двинулся с места, но тут новое облако грязи, щепок накрыло его с головой. Глеб машинально пригнул голову и заслонил рукой глаза.

– Анчутка, стой! – снова крикнул он и, отплеывая грязь, побежал за коротышкой. – Стой, говорю!

Молодая береза с хрустом взлетела в воздух от мощного удара и со скоростью выпущенного из пушки ядра полетела в Глеба. Он успел увидеть мелькнувший перед глазами белый ствол, отпрыгнул в сторону, перекувыркнулся через голову и, услышав, как хрустнуло сломанное ребро, скатился в черную воронку.

* * *

Чудовище зависло над Анчуткой. Он прижался спиной к толстому стволу дерева и с ужасом смотрел на приближающуюся тварь. Она была похожа на огромного червя, сотканного из клубящегося дыма, в котором полыхали вспышки молний.

Анчутка понял, что умрет от ужаса. Тогда он набрал полную грудь воздуха и запел песню хозяина, которая когда-то казалась ему непонятной абракадаброй, но которая за последний год много раз спасала его от голодной смерти:

Вот – новый поворот!
И мотор ревет!
Что он нам несет?
Пропасть или взлет?
И не разберешь,
Пока не повернешь
За па-ва...

Тварь стремительно ринулась вперед, в мгновение ока обвила Анчутку и подняла его в воздух. Коротышка махнул скрамасаксом, но клинок увяз в туманном теле чудовища. Анчутка выдернул его и рубанул еще раз, но что-то ухватилось за клинок и с легкостью вырвало его из пальцев коротышки.

Два огромных темных глаза взглянули на него из клубящегося тумана.

– Нет! – крикнул Анчутка, содрогнувшись от ужаса. – Нет!

Ледяные пальцы впились в его тело со всех сторон. Коротышка успел почуять страшную боль от сдаваемой кожи, и боль эта свела бы его с ума, если бы в следующее мгновение не пришло избавление, и холодная рука смерти не остановила его сердце.

12

Тварь была похожа на огромного змея, сотканного из клубящегося серого тумана, или на смерч. Глеб стоял перед ней, сжав в руке меч и хмуро сдвинув брови.

– Так ты и есть освежеватель?! – крикнул он с издевкой. – Просто огромный черный червяк! Я думал, ты страшнее!

Туманное тело червя содрогалось и пузырилось, и от него, подобно темным протуберанцам, отлетали клочки тумана и тут же начинали жить собственной жизнью, пытаясь принять какую-то форму.

Глеб взглянул на эти копошащиеся призрачные обрывки и усмехнулся. Затем перевел взгляд на червя и насмешливо прокричал:

– Так все эти твари – из тебя? Выходит, ты у них что-то вроде пчелиной матки? Кто же тебя оплодотворяет, тварь?

Чудовище ринулось на Глеба и ударило его в грудь. Он отлетел на две сажени и рухнул в мокрый, грязный снег. Попытался нащупать рядом меч, но меча не было.

Поняв, что смерти не избежать, Глеб поднялся на ноги, выпрямился в полный рост и смело взглянул в большие, темные глаза чудовища.

– Ну, давай, – небрежно произнес он. – Сожри меня. Но для тебя это уже ничего не изменит. Я принес перевертень в Гиблое место. Твои ублюдки-оборвыши не смогут выбраться за межу.

Огромный, клубящийся червь взвился в воздух, зависнув над Глебом на высоте четырех или пяти метров. Глеб сглотнул слюну, сунул руку в карман и достал перевертень.

– Ты хочешь получить эту вещь? – крикнул он. – Попробуй возьми!

Темная, бесформенная голова твари устремилась к Глебу. Он размахнулся и ударил чудовище перевертнем по морде. Тварь отдернула голову и взревела, с ужасом уставившись на брусok.

Глеб яростно сверкнул глазами и шагнул к твари.

– Что, не нравится?! – крикнул он. – Хочешь получить еще? Давай!

И он вновь махнул перевертнем. Тварь отшатнулась и с невероятной быстротой, ломая деревья и кустарник, скрылась в чащобе. Сгустки серого тумана еще какое-то время копошились на земле, тщетно пытаясь принять хоть какую-то форму, но затем развеялись ветром и растворились в воздухе.

Глеб перевел дух и взглянул на вещь-перевертень. Освежеватель явно испугался этой штуки. Значит, она действует как оберег. Однако она не остановила оборотней и упырей. Видимо, освежеватель связан с перевертнем. Так же, как связаны с нею призрачные твари. Это хорошо.

Глеб облегченно вздохнул и сунул перевертень во внутренний карман меховой куртки. Затем огляделся. Взгляд Первохода случайно упал на висевшего на дереве Анчутку, и к горлу ходака подступила тошнота.

Он быстро отвернулся, чтобы больше не видеть красный, освежеванный кусок мяса, в который превратился коротышка.

– Храбрый малыш, – дрогнувшим голосом проговорил Глеб. – Мне жаль, что ты умер. Надеюсь, эта тварь убила тебя быстро, и ты не сильно мучился.

Глеб, больше не глядя на Анчутку, зачерпнул в пригоршни грязный снег и вытер им окровавленное лицо. Затем поправил на плече кобуру, закинул на плечо рюкзак, поправил пояс и зашагал вперед.

– Как это я забыл ольстру? – бормотал он, шагая по комьям мерзлой земли и влажным палым веткам. – Это все бурая пыль. После следующей дозы вообще забуду, как меня зовут...

13

Затянутые туманом моревские рудники Глеб миновал без приключений.

Впереди был Кишень, страшный мертвый город, в руинах и подклетах которого еще год назад ютились, прячась от людей и лесных тварей, мутанты. Племя уродливых, обросших рогами, панцирями и шерстью нелюдей, из которого вышла самая прекрасная девушка на свете – Диона.

Интересно, уцелел ли кто-нибудь из них?

– Есть лишь один способ это проверить, – привычно пробормотал себе под нос Глеб и заковылял к городу.

Как всегда, когда Глеб приближался к мертвому городу, по спине его пробежал неприятный холодок. За каждым камнем и подклетом здесь ему чудилась опасность.

Осторожно продвигаясь по заросшим травой тропкам, Глеб всхлипнул и стиснул зубы, чтобы не заплакать. Ему вдруг до боли в сердце захотелось домой, в родной и славный двадцать первый век. Со всеми его ужасами и кошмарами, с исламскими фундаменталистами, с заигравшейся Америкой, со старенькой, сытой, ворчливой Европой, с дремучей, размашистой Россией – в двадцать первый век, в котором ему не повезло и посчастливилось жить.

Сесть в «Хонду», охлестнуть вечернюю Москву. Поиграть в боулинг, покатать шары на бильярде, закатиться с друзьями в спортбар и посмотреть игру питерского «Зенита» с московским «Спартакoм», вопя и размахивая кружкой с пенистым пивом после каждого опасного момента – не говоря уж о забитом мяче.

Даже необязательно в спортбар. Можно забрести с девушкой в кофейню, заказать себе чашку горячего капучино, пить кофе, болтать с ней о разных пустяках и смотреть, как за окном накрапывает дождь и сгущаются осенние сумерки.

А потом, когда кончится дождь и на проспекте зажгутся фонари, пойти с девушкой в кино. На «Ночной дозор». Или на «Двенадцать друзей Оушена». Нет, лучше на нового «Бонда»!

Смотреть, как на экране кто-то другой спасается от пуль и крошит врагам черепа, и знать, что все это происходит не с тобой, более того – что все это лишь понарошку.

Глеб улыбнулся и задумчиво пробормотал:

– Орлов. Глеб Орлов.

Да, да, именно так – Глеб Орлов! И никаких Первоходов, Озаров, Замят, никаких воевод, десятников, охоронцев, никаких мечей, кинжалов, стрел и бердышей!

Темный смокинг, белая рубашка, туфли от «Фуга», чetyреста баксов за пару. За столом – красотка в полупрозрачном платье с вызывающим декольте, а в ее тонких, ухоженных пальцах – хрустальный бокал с холодным шампанским.

А в номере отеля – горячая ванна, приятная музыка, чистая постель, тонкий, кружащий голову аромат духов и шелковое нижнее белье...

К черту лес с его свежим воздухом, деревьями и зверьем! Да здравствует огромный город, шумный, суетный, бестолковый, пропахший бензином! Полжизни за облачко выхлопного газа!

К горлу Глеба подкатил ком. Неужели он застрял в этом сказочном средневековье навечно и ему суждено помереть здесь?

Глеб задрал рукав куртки и взглянул на покрытое шрамами предплечье. Шесть шрамов были четкими, а один побледнел и уменьшился в размерах. Значит, сейчас он чуть поближе к цели.

Что ж, если так пожелали боги, он сделает, как хотят они. Пройдет через все испытания и выйдет из них живым. Главное, чтобы боги не обманули. А уж он со своей задачей

справится.

– Да поможет мне огнекрылый пес Семаргл! – пробормотал Глеб, вытирая рукавом куртки мокрые глаза, и ускорил шаг.

...Пошел дождь, непрерывная, постоянная морось, которая могла продлиться не один час. Глеб передвигался вперед, сильно прихрамывая на правую ногу, отдавленную стволом дерева.

Наконец, решив, что ему понадобится какой-нибудь костыль или трость, если он хочет идти дальше, Глеб остановился. В пределах его досягаемости, среди наваленных бурей веток, была часть ствола молодого деревца. На вид она была безупречно прямой. Глеб поднял ствол, отсек с него ветви и обтесал его ножом.

Покончив с работой, Глеб снова зашагал вперед, опираясь на импровизированный костыль.

Когда его вес время от времени слишком сильно перемещался на правую ногу, Глеб сжимал зубы и шипел от боли. Обогнув россыпь поросших травой камней, он свернул на то, что раньше было широкой тропой, и теперь, тяжело опираясь на костыль, протискивался между выросших на ней кустов.

Дождь растопил снег и превратил каждый открытый клочок земли в мокрую грязь, и Глеб боялся поскользнуться и упасть.

Должно быть, призрачные твари уверены, что теперь он не выберется отсюда. Хромой, одинокий, не знающий, куда идти, и полагающийся лишь на собственную интуицию ходок. Теперь он для них легкая добыча.

Зубы Глеба блеснули в усмешке – ну уж нет. Он им еще покажет.

Холодный порыв ветра прошелестел травой и заставил Глеба поежиться. Среди кустов были разбросаны кучи щебня. Руины впереди становились все крупнее. Подклеты и подвалы были заполнены испарениями зла, пробивавшимися, подобно туману, даже сквозь ровный морозящий дождик.

Был здесь и вездесущий туман. Глеб видел, как спереди наплывали серые, туманные спирали, окутывая кучи гниющего дерева, кирпича и камня от обвалившихся кладок.

Новый приступ пульсирующей боли в плече заставил Глеба остановиться. Он вдруг почувствовал себя измотанным и выжатым. Сил, чтобы двигаться дальше, почти не осталось. Пожалуй, нужно найти безопасное место, где он мог бы укрыться от дождя, разжечь костерок, просушить обувь и перекусить остатками вяленой рыбы.

Глеб перевел дух и заковылял дальше, внимательно вглядываясь в развалины домов и храмов. Беспокойный город мертвецов... Сколько ходоков сложили здесь головы...

Ходока Бобрыню сожрало чудовище, которое он принял за приبلудного щенка.

Ходок Ведан помер от боли, провалившись в яму и схватившись за жердины, обмазанные грязью из голодной прогалины. Грязь сожрала ему руки до костей.

Ходок Мончук Малый нарвался на ловушку. Выскочившие из земли острые колья разорвали его тело на куски.

Ходоку Пакомилу размозжил голову камень, упавший неведомо откуда.

Ходоки Скиф и Роздых просто исчезли. Все, что от них осталось, это долгий, незатухающий крик, летающий по чащобе вечной гари.

Много их было, погибших и сгинувших ходоков. Всех и не упомнишь. Глеб почувствовал потребность в молитве и прошептал:

– Боги Семаргл и Хорс, помогите мне. Будьте рядом и пошлите спасение в страшную минуту.

В том, что страшная минута наступит, Глеб не сомневался. Редко кому из ходоков удавалось пересечь Кишень-град без происшествий.

Осторожно пробираясь между развалинами, Глеб дошел до небольшого холма, на котором стояло полуразрушенное здание из посеревшего, потрескавшегося камня. Судя по размерам и высоте, когда-то это был храм.

Склон холма был покрыт редкими, низкими кустами. Поразмыслив, Глеб решил, что из

храма можно будет наблюдать почти за всей прилегающей территорией, самому оставаясь незамеченным. Он поудобнее перехватил костыль и заковылял к зданию.

Над вторым этажом еще сохранилась часть перекрытия, которая послужила Глебу крышей и укрыла его от дождя. В былые времена он бы никогда не осмелился остановиться на отдых в мертвом городе. Но сейчас Кишень был пуст. После разгоревшейся больше года назад войны между людьми и нелюдьми почти никто из нелюдей не уцелел.

Самые сильные воины нелюдей полегли в страшной битве, остальные расплзлись и разбежались по Гиблому месту, и их сожрали темные твари. Вспоминать об этом Глебу было почему-то неприятно.

Он подошел к полуразрушенной стене и выглянул наружу. Обзор и впрямь был хороший. В городе стояли сумерки, и далекие руины на окраине города, откуда пришел Глеб, казались багровыми.

Глеб хотел отвернуться и отойти, но вдруг услышал это – низкий многоголосый вой, который поднимался все выше и выше, пока не превратился в безумный, злобный рев.

Сердце Глеба быстро забилося в груди. Он вновь взглянул на далекие руины и увидел их.

Призрачные твари, пришедшие за ним по пятам, вынюхивали среди травы и валежника его следы. Глеб почувствовал не столько страх, сколько досаду. Выходит, костер и отдых отменяются.

Нога болела, усталость валила с ног, глаза слипались. Все же без отдыха никак не обойтись. Да и какого черта уходить из города прямо сейчас? Город большой, этот дом – надежное убежище. Тварям не так-то просто будет найти его.

По крайней мере, подремать-то немного он может?

Глеб проковылял в угол и осторожно сел на холодный пол. Потом закрыл отяжелевшие веки, намереваясь поспать часок, но не успел задремать, как вдруг услышал поблизости негромкое ворчание.

Открыв глаза, Глеб увидел, что он в комнате не один. У стены стоял пес. Вислоухий, коричневой масти, рослый, но костлявый и ободранный. Страху Глеб почему-то не почувствовал. Только удивление и досаду. Вероятно, это был остаточный эффект после приема большой дозы бурой пыли.

– Эй, приятель, ты откуда взялся? – хрипло спросил у пса Глеб.

Тот склонил голову набок и наострил уши.

«В Гиблом месте все не то, чем кажется», – вспомнил Глеб. Он положил руку на рукоять кинжала, но доставать его из ножен не торопился.

– Ну? – спросил он пса. – И как тебя зовут?

Пес пригнул голову и глухо зарычал.

– Ну-ну-ну, – успокаивающе произнес Глеб. – Чего же ты сердишься, балбес? Я тебя не трону.

Глеб осторожно протянул руку к сумке-ташке, притороченной к поясу, достал кусочек вяленой рыбы и швырнул его псу. Пес, лязгнув зубами, поймал угощение на лету и тут же его проглотил.

Снова уставился на Глеба, но на этот раз не так кровожадно. И даже хвостом вильнул.

– Аппетит у тебя в норме, – констатировал Глеб. – Будешь вести себя хорошо, дам еще кусочек. А теперь... – Глеб протянул руку. – Иди сюда.

Пес вильнул хвостом, но с места не двинулся.

– Боишься? – Глеб хмыкнул. – Зря. Мне сейчас так же паршиво, как тебе. Тебе ведь нужна компания?

Пес тронулся с места, прошел несколько шагов и остановился, продолжая внимательно наблюдать за Глебом.

– Вот это уже прогресс, – кивнул с улыбкой Глеб. Он достал из сумки еще один кусочек вяленой рыбы и протянул псу: – А теперь возьми с моей руки. Давай же! И не смотри на меня таким взглядом. Если ты хочешь получить рыбу, тебе придется решиться на

это.

Пес сделал еще пару шагов, остановился, вытянул морду и осторожно куснул предложенное.

– Вот так, – кивнул Глеб. – Лопай на здоровье, Дружок. Только не оттяпай мне руку.

Пес взял рыбу и, почти не прожевывая, проглотил ее. Глеб осторожно погладил пса по голове.

– И как же ты тут выжил, Дружок? – негромко спросил он. – Ловил зайцев и перепелок? Судя по выпирающим ребрам, везло тебе с ними не очень.

Пес пригнул голову под теплой ладонью Глеба и блаженно прикрыл глаза.

– Соскучился без общества? – с улыбкой спросил Глеб. – Ну, ничего. Вот выберемся отсюда, и возьму тебя к себе. Будешь охранять мое хозяйство. Я ведь огородник, и без охраны мне никак. Знаешь, какая у меня капуста? – Глеб развел руками: – Вот такая! А арбузы! А свекла! А баклажаны!

Глеб усмехнулся и покачал головой.

– Это тебе не дохлая хлынская репа. Вот погоди – дай мне еще пару лет, и я заброшаю Россию овощами. Хотя... России-то пока никакой еще нет. Это даже забавно. России еще нет, а садовая клубника уже есть.

Глеб тихо засмеялся. Внезапно он почувствовал голод.

Достал из сумки черствую хлебную корку и большой кусок рыбы. Пес смотрел на рыбу жадными глазами. Шкура его подрагивала от нетерпения и волнения.

– Держи. – Глеб отщипнул от рыбы кусок и протянул псу. – Вот так. А это – мне.

С минуту они ели молча.

– И все же – откуда ты взялся? – снова спросил Глеб. – Думаю, твоим хозяином был какой-нибудь кишенский мутант. Полтора года назад ваш город был оживленным местечком, верно? А потом пришел Глеб Первоход и уничтожил всех. – Глеб вздохнул. – Ты уж извини, Дружок. Если честно, твои бывшие хозяева первые начали. Не сиделось им, понимаешь, в Кишени, захотелось мирового господства. А всякий, кто жаждет мирового господства, кончает плохо. Ты уж мне поверь, я знаю.

Глеб зевнул.

– Черт, спать хочется – мочи нет.

Глядя на него, зевнул и пес.

– Что, тебя тоже сморило? – усмехнувшись, спросил Глеб. – Ладно, иди сюда.

Пес подошел к Глебу, уселся рядом и положил ему морду на колени. Глеб погладил пса и поморщился.

– Ох, и вонючий же ты, приятель. Отчего это собаки так воняют? Брали бы, что ли, пример с кошек. Ладно, не обижайся. Я несколько дней не мылся и не снимал одежду, и тоже пахну не цветами...

Разговаривая с псом, Глеб сам не заметил, как начал засыпать. Глаза его закрылись, реальность потускнела и отдалилась, превратившись в сон, приятная дрема охватила тело и разум.

14

– Вот черт!

Глеб вскочил на ноги, забыв про боль в правой ступне, и схватился за кобуру, но пальцы его загребли лишь воздух. Кобура и меч остались на поясе, а пояс валялся на полу, у входа в комнату. Похоже, пес оттащил его подальше, пока Глеб спал.

Сам пес сидел там же. Как только Глеб поднялся, он тоже вскочил на ноги и угрожающе зарычал. Глеб облизнул пересохшие губы и хрипло проговорил:

– Я понял, что с тобой не так, приятель. Понял во сне.

Пес чуть склонил голову набок, словно и впрямь слушал, что ему говорит Глеб. Первоход усмехнулся.

– Выглядишь, как настоящий. Ты хоть в курсе, что у тебя нет тени?

Пес, по-прежнему внимательно глядя на Глеба, проворчал в ответ что-то невразумительное, но с места не сдвинулся.

– Черт... – с досадой проговорил Глеб. – Ты ведь даже не пес. Ты тень пса. Тень, которая возомнила себя псом. И как я мог купиться на такую уловку? А еще опытный ходок... Ну? Чего смотришь? Хочешь меня сожрать? Не выйдет. И знаешь, почему? Потому что я сильнее тебя!

Глеб рванулся вперед и прыгнул на пса. Навалившись на тварь сверху, он попытался ухватить призрачное создание за челюсти, чтобы разорвать их, но пес мотнул мордой и увернулся. Затем одним сильным движением сбросил с себя Глеба и резко повернул к нему оскаленную морду.

Глеб был не только безоружен, но слишком слаб и измотан, чтобы стать достойным противником чудовищу.

«Кончено!» – пронеслось в голове у Глеба, но тут вдруг произошло нечто невообразимое. Вместо того, чтобы вцепиться ходоку в горло, призрачный пес лизнул его в лицо своим мягким, влажным языком. Это было настолько неожиданно, что Глеб опешил и изумленно уставился на пса.

– Не понял, – растерянно проговорил он. – Разве ты не хочешь меня сожрать?

Пес тряхнул головой, отошел от Глеба, сел на пол и вильнул по грязному полу хвостом. Несколько секунд Глеб пристально смотрел на пса, ожидая нападения, затем тряхнул головой и сказал:

– Чертовщина какая-то. Ты вообще не пес, но ведешь себя, как настоящий пес. Ты здорово сжился со своей ролью, Дружок. Ну-ка, отвечай, почему ты меня не сожрал, пока я спал? Ведь мог же.

Пес оскалил пасть и тихонько заскулил, будто пытался что-то сказать. Глеб нахмурился и покачал головой.

– Нет, не понимаю. Извини, Дружок, но я плохо владею собачьим языком. Боюсь, что без переводчика нам друг друга не понять.

Первоход тяжело встал на ноги, поднял с пола ремень с ножнами и кобуру. Надел все это, защелкнул пряжки и вновь взглянул на пса.

– Пойду посмотрю, что делают наши друзья, – сообщил он псу, повернулся и заковылял, прихрамывая, к стене.

Осторожно выглянув из-за полуразрушенной кладки, Глеб взглянул назад, туда, откуда пришел, и оцепенел. Сердце Глеба учащенно забилось, рубаха на спине взмокла от холодного пота. В километре от храма он разглядел темные фигуры.

Одна... Две... Три... Четыре... Глеб насчитал десять фигур. Они стояли у руин и, задрав головы, внимательно оглядывали город, не решаясь, по-видимому, двинуться дальше.

Нелюди – так же, как и люди, – боялись темной нечисти и закопали в землю Кишень-града много амулетов-оберегов. Тварям придется сильно попотеть, чтобы найти лазейку. Однако расслабляться не стоит.

Глеб поспешно пригнул голову.

Твари, которые его преследовали, не были теми безликими тенями, которые отпочковывались от клубящегося тела червя-освежевателя. Они были вполне сформировавшимися – в шубах, кафтанах и телогрейках. Сомнений не осталось – эти ублюдки шли за ним по пятам из самой Хлыни.

В душе Глеба стала вскипать ярость, плечо дернулось, прожженное огненным лезвием боли.

Что ж, шансов выжить становится все меньше и меньше. Может, стоит принять бой?

Глеб несколько секунд размышлял, затем качнул головой: нет, к сражению с десятком тварей он сейчас не готов. Слишком устал. Да и ушибленная нога может подвести в любой момент.

Глеб не успел разглядеть, вооружены ли его преследователи, но был почти уверен, что

нет. Призрачные твари ненавидели человеческое оружие и больше рассчитывали на свои пакостные зубы, мускулы и клыки. Да и зачем тебе меч или нож, если ты в любой момент можешь превратиться в оборотня и разорвать жертву на куски!

– Жертву? – Глеб угрюмо нахмурился, сжал пальцами рукоять меча и покачал головой: – Ну нет, твари. Это мы еще посмотрим, кто из нас жертва. Эй, Дружок! – тихо окликнул он пса. – Если ты хочешь получить еще кусочек рыбы, тебе придется выступить на моей стороне. Ты к этому готов?

Пес вскочил на ноги и вильнул хвостом.

Однако причин бодриться не было. Оглядев ольстру, Глеб пришел к выводу, что спусковой механизм обреза сломан. Заговоренный от нечисти меч из белого железа потерялся во время схватки с червем-освежателем. Оставался только метательный нож. Но ножом много не навоюешь.

Глеб вздохнул и тихо проговорил:

– Жаль, что рядом нет кузнеца Вакара.

При звуках этого имени пес дернул головой и громко заскулил.

– Ты чего? – удивился Глеб.

Пес подошел к Глебу и, глядя на него снизу вверх, снова заскулил, будто вновь пытался что-то ему сказать. Глеб погладил пса по голове и успокаивающе проговорил:

– Тебе не о чем переживать, Дружок. Это просто мысли вслух. Видишь ли, год с лишним тому назад, еще до того, как мерзкий туман выполз из-под земли, я оставил в лесу своего друга. Он кузнец, но не просто кузнец, а кузнец-вещун. Нелюди похитили его, чтобы он выковал им мечи и заговорил их против людей. А чтобы он не брыкался, мутанты отвели его в свое тайное святилище, к черному камню желаний, который называется Нуаран. Там они что-то сделали с кузнецом, и он тоже стал превращаться в нелюдя.

Пес тявкнул, как щенок, и потерся мордой о штанину Глеба.

– Да... – задумчиво протянул Глеб. – Плохи наши дела. Я обещал кузнецу вернуться за ним и помочь ему. Но не выполнил своего обещания. Не смотри на меня с таким укором, Дружок. Я понимаю, что виноват. Но... как-то все сразу навалилось. Этот туман... Изгнание из княжества...

Холодный, мокрый нос пса ткнулся Глебу в ладонь. Первоход взглянул в собачьи глаза и вдруг спросил:

– Может, ты встречал этого кузнеца? Его зовут Вакар.

При слове «Вакар» пес дернул мордой и снова тоненько тявкнул.

– Что? – Глеб удивленно уставился на пса. – Ты знаешь Вакара?

Пес затряс головой и завилял хвостом. Глеб нахмурился.

– Или я выдаю желаемое за действительное, или ты действительно очень умный пес. Возможно, ты и впрямь встречал здесь кузнеца. Отведешь меня к нему?

Пес тявкнул. Затем вдруг схватил Глеба зубами за рукав и потянул его к выходу.

– Что? – удивленно улыбнулся Глеб. – Ты хочешь отвести меня к нему прямо сейчас?

Пес вновь затряс мордой. Глеб растерянно развел руками.

– Даже не знаю. Может, ты хочешь заманить меня в ловушку? Ты ведь как-никак призрачная тварь. Я не забыл об этом.

Пес заскулил и снова схватил Глеба зубами за рукав куртки. На этот раз он потянул к выходу гораздо настойчивее, и рукав Глеба затрещал.

– Ну, ладно, ладно. – Глеб оттолкнул пса и поднял с пола костыль. – Я помню, что кузнец обосновался где-то недалеко от Кишени. Вряд ли он еще жив. Но, может быть, мне повезет, и я раздобуду хороший меч? Без меча мне все равно отсюда не выбраться.

Ночь выдалась лунная, но от этого не менее зловещая. Луна в Гиблом месте была странная, как ночное светило с иной планеты, – багровая и полнокровная, видом своим

напоминавшая брюхо насосавшегося крови комара. В ее красноватом призрачном свете все вокруг казалось нереальным и жутковатым.

На одной из стен дрогнула зыбкая бледная тень. Глебу стало не по себе. В мертвом городе такое случалось часто. По стенам скользили тени, хотя ни людей, ни зверей поблизости не было.

Старые промысловики, которым много лет назад случалось забредать в мертвый город, были уверены, что эти сгустки сумрака – тени жителей города, погибших во время падения бога. Люди вспыхнули и сгорели в одно мгновение – так быстро, что тени не успели разделить судьбу своих хозяев и теперь вынуждены скитаться по развалинам, как бродячие звери.

Вот еще одна тень скользнула по полуразрушенной стене. Глеб остановился и стиснул рукоять кинжала до боли в пальцах. Пес у его бедра тихонько заскулил.

Багровая тень на остатках белокаменной кладки задрожала и вдруг отклеилась от стены и шагнула вперед. Пройдя пару шагов, тень остановилась и вновь задрожала, словно внутри зыбкого контура за клубился дым или пар.

Но вот контур фигуры обозначился резче, а клубящийся пар внутри ее оформился и обрел человеческие черты. Теперь уже не просто тень, а невысокий, широкоплечий человек стоял перед Глебом. Одет он был в рубаху, штаны и сильно поношенные сапоги.

Глеб выставил перед собой кинжал и хрипло спросил:

– Кто ты, тварь?

Губы туманного человека зашевелились.

– Ты меня не помнишь? – прошелестел его голос, как мог бы прошелестеть по траве и листве деревьев холодный ночной ветер. – Ты называл меня своим другом. А потом бросил в Гиблом месте. Как собаку.

Глеб пристальнее взгляделся в лицо призрака и вздрогнул.

– Васька Оляха! – прошептал он и судорожно облизнул губы. – Но ведь ты умер!

– Ты притащил меня в Гиблое место, – вновь прошелестел голос. – Здесь я умер, и здесь ты закопал меня. Ты знал, что все, кто находит смерть в Гиблом месте, восстают и превращаются в упырей. И ты позволил мне стать чудовищем.

Глеб взял себя в руки и процедил сквозь зубы:

– У меня не было выхода.

– Выход есть всегда, – отчеканил призрак.

Новая тень отделилась от стены и медленно приблизилась к Глебу. Черты ее были неясными и туманными.

– Ты завел меня в Гиблое место, ходок, – прошелестела эта тень. – И теперь я мертв, и душа моя блуждает между небом и землей, не находя себе успокоения.

Третья тень присоединилась к двум предыдущим. Глеб узнал ее. Это был алхимик из Моравийского царства, который искал в Гиблом месте траву для изготовления кислоты, способной превращать железо в золото.

– Я стал стригоем, проклятой тварью, – прошелестел призрачный алхимик. – Ты привел меня в чащобу и обещал, что я вернусь живым. Я поверил тебе. И кто я теперь?

Глеб сжал кулаки и хмуро проговорил:

– Я тебя не бросал. Ты сам ушел в чащу, поддавшись зову ведьмы.

Призрак усмехнулся.

– Я всего лишь ученый муж, способный заблудиться в собственном доме. Как ты мог оставить меня одного, ходок?

Краем глаза Глеб заметил, что новая тень отделилась от стены. Глеб повернулся к ней и задрожал. Перед ним, со слегка затуманенным челом, стояла Диона.

– Я любила тебя, Глеб, – сказала она. – И я хотела стать человеком. Я сбежала от нелюдей, чтобы стать счастливой, но ты вернул меня обратно. Посмотри, кем я стала, Глеб.

Лицо Дионы подернулось и стало чернеть, словно его пожирал невидимый огонь.

Глеб сглотнул слюну и взял себя в руки.

– Да, – хрипло проговорил он. – Я виноват. Я не уберег вас. Но что сделано, то сделано. Прошлого не воротись.

Тени дрогнули и чуть приблизились. Первоход попятился и прохрипел:

– Вас нет! Вы всего лишь тени. Убирайтесь прочь, призрачные твари!

Пес рядом с Глебом зарычал. Глеб резко развернулся и занес кинжал для удара, но увидел, что пес рычит не на него, а на туманных чудовищ. Глеб опустил кинжал и удивленно спросил:

– Значит, ты тоже видишь их?

Пес хрипло гавкнул, шерсть у него на загривке встала дыбом.

Одна за другой от стены отделялись тени и бросали в лицо Глебу страшные обвинения. И вот они все вместе тронулись с места и стали медленно надвигаться на Глеба, окружая его. Пес зарычал и вышел вперед.

Глеб сжал в пальцах кинжал и сухо проговорил:

– Я уже сказал, что виноват, и покончим с этим. Если вы решили напугать меня до беспамятства – зря стараетесь. Я видел много такого, в сравнении с чем вы – просто ночные мотыльки, порхающие вокруг свечного огарка. А теперь – прочь от меня!

Глеб шагнул вперед и, взмахнув кинжалом, рассек ближайшую призрачную фигуру надвое.

Тени стали выцветать и таять, и вот уже не человеческие фигуры, а бесформенные сгустки белесого тумана парили перед Глебом, едва касаясь земли.

Глеб опустил кинжал, взглянул на пса и устало проговорил:

– Они были правы. Я – ходок. Моя работа – водить людей в Гиблое место и делать так, чтобы они возвращались обратно. Живыми.

И вдруг огромное, темное, клубящееся облако, похожее на гигантского червя, взлетело над развалинами храма.

– Освежеватель! – выдохнул Глеб, отступая назад.

Он выхватил из кармана перевертень и выставил его перед собой, как оберег.

Огромное тело червя скрутилось в воздухе и стало свиваться кольцами. Дымчатый хвост яростно ударил по белокаменной кладке, и кладка разлетелась вдребезги.

Лицо Глеба дернулось. Он разомкнул губы и засмеялся.

– Ты ничего не можешь со мной сделать, безликая тварь! – крикнул он, сжимая в пальцах перевертень. – Ничего, слышишь! Я загоню тебя обратно в твоё логово!

Гигантский червь взвыл, ринулся вниз и с гулом ушел под землю.

Глеб еще минуту стоял, внимательно оглядывая руины и держа в вытянутой руке перевертень. Затем облегченно вздохнул и спрятал чудную вещь в карман.

– Идем, Дружок! – устало окликнул он пса. – Отведи меня к кузнецу. И не вздумай дурить. Попробуешь завести меня в ловушку, сдеру с тебя живьем шкуру.

16

Спустя полчаса Глеб и пес вышли наконец из мертвого города. Впереди расстилался лес вечной гари, через который вела узенькая, но совершенно не заросшая травой тропка.

Пес устремился по этой тропке вперед. Глеб, прихрамывая и постукивая палкой о мерзлую землю, последовал за ним. Шагая по мерзлым комьям, он не заметил, как стал тихо напевать:

Вот – новый поворот!

И мотор ревет!

Что он нам несет?

Пропасть или взлет?

Омут или брод?

И не разберешь,
Пока не повернешь...
Пока не повернешь...

Глеб осекся и с досадой проговорил:

– Тыфу ты черт. Нашел время выть. Эй! – окликнул он тварь, бегущую впереди. – Проклятый пес, ты решил уморить меня? Если в ближайшие полчаса я не...

Глеб осекся. Он вдруг увидел за деревьями небольшой бревенчатый сруб с крохотным подворьем, а за срубом – еще один. Глеб облизнул губы и с волнением выдохнул:

– Кузнец!

Крепкая дубовая дверь оказалась незапертой и распахнулась от легкого толчка. В нос Глебу ударил запах плесени и тления. Он поморщился и шагнул в избу.

Внутри было темно, мрачно и холодно. Обшарпанный стол, широкая лавка, холодная, покрытая толстым слоем гари и пыли печь. Все вокруг затянула паутина. Пройдя к столу, Глеб хотел разорвать паутину, но не решился. Неизвестно, какие тут теперь водятся пауки.

Кузнец Вакар лежал по ту сторону стола, на лавке. Сермяжный кафтан, подпоясанный лыком, обмяк на его отощавшем теле. На ногах – все те же грязные онучи и стоптанные лапти. Казалось, старик спал, закинув голову и слегка приоткрыв рот. По крайней мере, кожа его не была тронута тлением.

Рыжая борода кузнеца сильно поредела. Череп его был совершенно лыс, мягок и прозрачен, как желе. Сквозь тонкую кожу ясно просматривался мозг.

– Вакар! – позвал Глеб. – Вакар, просыпайся!

Он протянул руку, схватил кузнеца за плечо и сильно встряхнул.

Морщинистые веки кузнеца дрогнули и приподнялись. Он взглянул на Глеба невидящим взглядом. Глеб достал из сумки-ташки маленькую крынку с зельем, которое дала ему ведьма Мамелфа, быстро вынул затычку и приставил горловину крынки к серым губам кузнеца.

Старик не шевелился. Тогда Глеб приподнял ему голову и силой влил в рот зелье.

Кожа Вакара посветлела, губы порозовели, а взгляд, до сих пор бессмысленный и пустой, будто у куклы, слегка прояснился.

– Ах... – вздохнул кузнец и, повернув голову, взглянул на Глеба. – Ты... кто? – сипло, с трудом и натугой проговорил он.

Глеб улыбнулся:

– Я Первоход. Глеб Первоход. Помнишь меня? Я обещал вернуться и спасти тебя. И я вернулся.

Вакар оглядел свое тело. Пошевелил рукой. Попробовал шевельнуть ногами.

– Затекли... – пробормотал он. Снова перевел взгляд на Глеба и хрипло спросил: – Я человек?

– Похоже на то, – кивнул Глеб.

Кузнец поднял руку – медленно и осторожно, словно боялся, что она сломается. Оглядел свои пальцы, затем поднес руку к голове и бережно ощупал свой череп.

– Мягко... – хрипло сказал он.

– Пока да. Но выглядит он уже гораздо лучше, чем пять минут назад.

Кузнец сдвинул клочковатые брови и прохрипел:

– Как ты это сделал?

– Долгая история. Попробуй сесть.

Глеб обхватил кузнеца за плечи и помог ему усесться на лавке. Коснувшись руки кузнеца, он невольно содрогнулся: рука эта была холодна и тверда, как палка.

– Сколько я спал? – спросил кузнец.

– Все зависит от того, когда ты уснул, – ответил Глеб.

Кузнец наморщил лоб, подумал и сказал, неуклюже ворочая отвыкшим от речи языком:

– Я лег сразу после твоего ухода.

Глеб изумленно приподнял брови:

– Неужели это правда? Но, если это так, то ты проспал больше года!

Кузнеца эта новость, похоже, ничуть не удивила. Он снова поднял руку к голове, провел широкой, мозолистой ладонью по отощавшему лицу, словно снимал с него прилипшую паутину, и глухо проговорил:

– Теперь понятно, почему я так голоден... У тебя есть еда?

Глеб достал из сумки-ташки кусок вяленой рыбы и протянул кузнецу. Тот попытался взять кусок, но руки еще плохо слушались его, а движения были сбивчивы и неверны.

Тогда Глеб сам отщипнул кусочек и сунул Вакару в рот.

– Жуй! – велел он.

Кузнец стал жевать. Челюсти его сухо заскрипели, как заржавленные, несмазанные петли.

К лавке, неуверенно виляя хвостом, подошел пес.

– А, это ты... – вяло сказал ему кузнец. – А я думал, ты издох. Это моя собака, – объяснил он Глебу.

Глеб покачал головой:

– Теперь уже нет.

Он сунул кузнецу в рот еще один кусочек рыбы.

– Хочешь сказать, что теперь этот пес не мой?

– Хочу сказать, что теперь это совсем не пес, – ответил Глеб. – Думаю, твоего пса сожрали призрачные твари. А этот... – Он кивнул на виляющего хвостом Дружка, – его двойник. Ожившая тень.

Кузнец проглотил рыбу, приподнял руки и медленно потянулся. Лицо его еще заметнее посвежело, а череп уже не казался таким мягким и совсем потерял прозрачность.

– Вижу... – Вакар остановился, кашлянул пару раз, прочищая горло, и попробовал снова: – Вижу, пока я спал, в Гиблом месте произошло много интересного.

– Это точно, – согласился Глеб.

Вакар попробовал подвигать кистями рук – и это ему удалось. Затем он медленно сжал и разжал пальцы.

– Получается, – хрипло сказал он. – Еще чуть-чуть, и я буду в порядке.

– Надеюсь, что так. – Глеб отщипнул кусочек рыбьего мяса и хотел вложить его кузнецу в рот, но тот отрицательно качнул головой. Сам взял из пальцев Глеба кусок и сам отправил его в рот. На этот раз челюсти его задвигались бодрее.

– Отлично, – похвалил Глеб. – Скорей приходи в себя, кузнец. Ты мне очень нужен.

Вакар проглотил рыбу, вытер рукавом кафтана рот и спросил:

– Зачем я тебе?

– Кое-что случилось, Вакар. И без твоей помощи мне не обойтись.

Кузнец хрипло вздохнул и прищурил глаза, в которых вновь замерцал всегдашний лукавый огонек.

– И что же такое случилось? – спросил он.

– Долгая история. Все, что тебе сейчас нужно знать, это то, что Гиблое место нынче изменилось. И что за мной по пятам идут твари, страшнее которых ты еще не видывал.

– Зачем?

– Чтобы убить меня, – спокойно ответил Глеб. – Вставай, Вакар. Ты должен дать мне хороший меч.

Кузнец нахмурил лоб и медленно покачал головой.

– Мои нынешние мечи выкованы и заговорены против людей, – сказал он. – Ты ведь помнишь это?

Глеб нетерпеливо кивнул:

– Да, я помню. Но на безрыбье и рак рыба. Моя ольстра сломалась, а меч потерялся. Остался только кинжал, но кинжалом много не навоюешь.

Пес, которому надоело стоять просто так, попытался лизнуть ладонь Вакара, но тот

убрал руку и гневно сверкнул на четырехногую тварь глазами.

– Поди прочь, тень! – грубо проговорил он.

Пес сел на полу и стал переводить взгляд с кузнеца на Глеба и обратно, словно пытался сообразить, кто же теперь его настоящий хозяин.

– Твоя ольстра сломалась? – Вакар вытер об кафтан руку и протянул к Глебу. – Дай посмотреть!

Глеб неуверенно воззрился на руку кузнеца.

– Ты уверен? Ты сейчас так слаб, что не удержишь ольстру в руках.

– Дай, – повторил Вакар тоном, не терпящим возражений.

Глеб вынул обрез из кобуры и протянул его кузнецу. Тот взял оружие, поднес к глазам и стал медленно и тщательно его осматривать.

Глеб долго выжидал, поглаживая по голове присевшего у его ног пса. Затем сказал:

– Вакар, не думаю, что ты сможешь починить ольстру. Лучше дай мне меч. У тебя наверняка...

– Хватит болтать, – оборвал его, не отрывая взгляда от ольстры, кузнец. – Пойди лучше растопи печь. Я чувствую себя так, будто у меня вместо груди ледяной ком.

Глеб неопределенно хмыкнул, поднялся с лавки и направился к печи. Пес-призрак заковылял за ним.

У печи валялась вязанка сухих дров, и Глеб принялся за дело. Вскоре в печи запылал огонь. В избе потеплело. Пахучий дымок закрутился под закопченным потолком и полетел в волоковое окошечко над дверью.

Растопив печь, Глеб поднялся на ноги и повернулся к Вакару. За то время, пока Первоход возился с печью и дровами, кузнец совершенно преобразился. На щеках его появился румянец, борода загустела, и даже лысый череп покрылся легким пушком.

«Ай да ведьма!» – подумал Глеб и восторженно качнул головой. А вслух осведомился:

– Ну, что, кузнец? Дашь мне меч?

– Меч тебе не нужен, – сказал Вакар и громыхнул ольстру на стол. – С твоим огнестрельным посохом все в порядке.

Глеб нахмурился и недоверчиво качнул головой.

– Этого не может быть. Спусковой механизм...

– Я починил его, – отрезал Вакар.

Глеб прошел к столу, взял ольстру и осмотрел ее. Затем пощелкал ударно-спусковым механизмом, осмотрел патронник и с изумлением пробормотал:

– Ну, Вакар... Ну, Кулибин... Знал я, что ты гений, но чтобы настолько... – Подняв взгляд на кузнеца, он с горечью проговорил: – Но у меня все равно нет патронов.

– Патроны есть у меня, – прогудел Вакар. Он протянул руку: – Помоги мне встать.

Глеб ухватил растопыренную, широкую пятерню кузнеца и помог ему подняться на ноги. С минуту Вакар топтался на месте, заново привыкая к своим ногам и дожидаясь, пока пройдет онемение, затем повернулся и вразвалку зашагал к дверце кладовой. Глеб посмотрел на его неуклюжие, словно только что приделанные к туловищу ноги и усмехнулся.

– Вижу, дело пошло на поправку, – сказал он. – Скоро сможешь танцевать.

– Болтаешь много, – не оборачиваясь, проворчал кузнец.

Он подошел к кладовой, открыл дверь и исчез в темном проеме, из которого пахнуло ледяным холодом. Глеб положил пальцы на рукоять кинжала и пристально уставился на проем.

Однако ничего страшного не случилось. Вакар вышел из кладовой, неся в руках сумку из промасленной холстины. Подойдя к столу, кузнец перевернул сумку и вывалил на пыльную столешницу десятков патронов.

– Что за начинка? – деловито осведомился Глеб.

– Чугунные огвоздки и куски белого железа, – ответил Вакар.

Глеб взял патрон, осмотрел его и загнал в магазин ольстры. Потом еще один. И еще.

– В нашу прошлую встречу ты не говорил мне, что у тебя есть патроны, – заметил он,

забивая магазин под завязку.

– Тогда я был нелюдем, – глухо отозвался Вакар. – И думал только о том, как бы сдержаться и не свернуть тебе шею. А теперь рассказывай: куда собираешься отправиться и что будешь делать?

Глеб сунул заряженную ольстру в кобуру и запихал в кожаный карман оставшиеся патроны. Затем ответил:

– Больше года назад я вынул камень из плиты святилища и выпустил наружу туман. Вслед за этим туманом из земных недр выбралась страшная тварь. Эта тварь сожрала половину темной нечисти, а оставшуюся половину изменила.

– Изменила? – приподнял косматую бровь кузнец.

Глеб кивнул.

– Да. Сделала сильнее. Кроме того, в Гиблом месте появились новые твари. Они похожи на сгустки тумана. При встрече с человеком туманная тварь забирается ему в глотку, а затем выползает наружу и становится его двойником.

– Вот оно что. – Вакар перевел взгляд на пса, задремавшего перед печью. – А почему одна из этих тварей таскается с тобой?

– Дружок привел меня к тебе, – объяснил Глеб.

Кузнец угрюмо качнул головой.

– Это не повод, чтобы доверять темной твари, – отчеканил он.

– Верно, – согласился Глеб. – Но поверь мне: если этот милый песик вздумает выкинуть какую-нибудь гадость, я прикончу его без сожалений.

– Надеюсь, ты сделаешь это прежде, чем он вцепится тебе в глотку, – недовольно проворчал кузнец. – Продолжай свой рассказ, Первоход.

И Глеб продолжил:

– Ходок Дивлян вынес из чащобы чудную вещь, которая позволила призрачным тварям выбраться из Гиблого места. Твари пришли в Хлынь и начали убивать людей. Потом...

Плечо Глеба дернулось от дикой, почти невыносимой боли, и он вынужден был остановиться, чтобы перевести дух. Лицо его побелело и покрылось испариной, дыхание участилось. Собравшись с силами, Глеб продолжил:

– Одним словом, я добыл эту вещь и собираюсь утопить ее в болоте за Кривой балкой.

Кузнец внимательно посмотрел на Глеба, покачал головой и сказал:

– Этого мало.

– Я знаю, – отозвался Глеб и облизнул побелевшие от боли губы. – Камень из святилища при мне. Я вставлю его в плиту, и все вернется на место.

Новый приступ боли едва не лишил Глеба чувств. В душе его всколыхнулась лютая злоба, глаза стала завлакивать багровая пелена. Усилием воли Глеб остановил подступающий приступ и сунул руку в карман меховой куртки, намереваясь наскрести щепотку бурой пыли.

Карман был пуст.

Вакар, внимательно поглядывая на Глеба, пригладил ладонью закурчавившуюся бороду и гулко спросил:

– Где эта вещь, Первоход?

– У меня в кармане, – ответил Глеб.

– А где камень из святилища?

– При мне.

– Где именно?

Глеб подозрительно прищурился:

– Зачем ты хочешь это знать?

– Если с тобой что-то случится, кто-то должен будет доделать твою работу.

Несколько секунд Глеб размышлял, потом кивнул:

– Ты прав. Я зашил камень под кожу, чтобы он всегда был при мне. На левом боку. Если я умру, ты легко сможешь его нащупать и достать.

Кузнец усмехнулся:

– Ты распорол себе бок? Хитро. – Он оглядел испещренное свежими шрамами и кровоподтеками лицо Глеба и спросил: – Есть ли на тебе хоть одно живое место, ходок?

– Пока твари не добрались до меня, я сам – одно сплошное живое место, – неловко отшутился Глеб.

Вакар вздохнул.

– Что ж... – проговорил он. – Пусть светлый бог Семаргл поможет тебе исправить твою ошибку, ходок.

– Ты пойдешь со мной? – спросил Глеб.

Вакар покачал головой.

– Нет. Я слишком слаб для таких путешествий. Я подожду тебя здесь. Но если ты не вернешься через день, я отправлюсь тебя искать.

– Но поход может затянуться.

Кузнец прищурил синие глаза и сказал:

– Возможно, твое путешествие окажется гораздо короче, чем ты думаешь.

Вакар хотел еще что-то прибавить, но слюдяная пластина хрустнула в окне, и большой камень, влетев в комнату, сбил шапку с головы Глеба.

– Твою мать! – выругался Глеб, пригнувшись. – Отодвинься от окна, Вакар!

Кузнец сделал, как велел Глеб.

– Кто это может быть? – удивленно спросил он.

Глеб поднял камень и осмотрел его. Тот был покрыт черной слизью.

– Твари уже здесь, – сказал Глеб.

– И что мы будем делать? – спросил Вакар.

Глеб на мгновение задумался, затем отрывисто проговорил:

– Попробую пробиться. А ты спрячься в погреб и молись богу Велесу, чтобы он укрыл тебя от взоров тварей своей плащаницей.

Вакар повернулся и, не делая попыток возразить, заковылял к погребу. Дождавшись, пока кузнец спустится в погреб и задвинет за собой тяжелую дубовую крышку, Глеб схватил со стола ольстру и решительно двинулся к двери.

Пес, сидевший у печи, вскочил на ноги и заспешил за Глебом.

17

Открыв дверь, Глеб, не колеблясь, шагнул на улицу. Шагнул и – остолбенел. Вся лужайка перед домом была заполнена призрачными тварями. Существа стояли неподвижно и безмолвно, глядя на Глеба потемневшими, злобными глазами, словно ждали сигнала для атаки. Бава Прибыток, Дивлян, Ведана... Почти все лица были знакомы Глебу. Иных он знал близко, с иными лишь единожды встречался в кружале или на торжке.

За их спинами колыхались, покачиваясь в воздухе, безликие тени – словно зрители, собравшиеся со всего Гиблого места, чтобы понаблюдать за исходом битвы.

Глеб закрыл за собой дверь и крепко сжал в руках ольстру.

Новый приступ боли дернул его плечо. Боль запульсировала, сотрясая все тело. Глеб тяжело и хрипло задышал. Что ж, похоже, это его последняя битва. Расправиться с этими тварями, а потом можно и покровсать на куски самого себя.

Глеб передернул затвор ольстры и зычно крикнул:

– Хоронись, нечисть! Первоход вышел на охоту!

Он рассмеялся и бросился на тварей. Грохот выстрелов взорвал тишину леса. Дым пороховых газов окутал поле сражения. Твари кидались на Глеба, но падали одна за другой, срезанные раскаленным белым железом, падали на снег и таяли, оставляя после себя темные, пузырящиеся пятна.

А Глеб все стрелял и стрелял в выскакивавшие из дыма оскаленные рожи. Когда патроны закончились, он отшвырнул ольстру, выхватил из ножен метательный нож и

принялся разить тварей ножом. Кромсая вязкие тела чудовищ, он чувствовал что-то вроде опьянения.

Призрачный пес сражался бок о бок с Глебом. Он грыз тварей зубами, разрывал их когтями. И вскоре на вытоптанной пустоши перед избой Вакара не осталось ни одного чудовища. Остатки темных тел пузырились и корчились на земле, вскидывая руки и судорожно сжимая тающие пальцы в последней попытке схватить Первохода.

Глеб остановился и вытер рукавом потное лицо.

– Похоже, мы покончили с ними, – хрипло проговорил он.

Пес, выдохшийся, испачканный слизью, сел рядом и, высунув язык, устало оглядел поле битвы.

И тут Глеб услышал треск ломаемых ветвей. Освежеватель надвигался из леса, круша березовый молодняк и ломая наваленные бурями гнилые стволы.

И вот огромная клубящаяся туша вынырнула из-за деревьев и, не останавливаясь, набросилась на Глеба. Сильный удар опрокинул Первохода на землю и выбил у него из рук ольстру и нож. Обвившись вокруг тела Глеба, тварь вздернула его в воздух, приблизила к нему свою бесформенную голову, вгляделась в его лицо огромными темными глазами и угрожающе затрещала, как трещит сухой хвост разъяренной гремучей змеи.

– Что, тварь... – прохрипел Глеб, преодолевая боль от сжавших его тело ледяных клещей, – не нравлюсь?

Он дотянулся до кармана, нащупал гладкую поверхность бруска-перевертня и, наморщив лоб, представил себе предмет, который ему был сейчас наиболее необходим.

Бесформенная голова червя-освежевателя закружилась и, потрескивая, стала расширяться, будто он раскрывал свою огромную дымчатую пасть. Ледяные клещи потащили Глеба в эту разверзшуюся пасть, но он, вложив в одно-единственное движение всю силу, на какую только был способен, вырвал руку из кармана, размахнулся и всадил чудовищу в глаз клинок из белого железа, в который превратился перевертень.

На мгновение чудовище замерло, а затем распалось в воздухе на куски и обрушилось на землю грязным, зловонным ливнем.

Глеб рухнул на землю, встал на корточки и закашлялся. Темный сгусток выпал у него изо рта на снег. Глеб вытер грязный рот рукавом охотничьей куртки, поднял со снега перевертень, снова превратившийся в брусок, и сунул его в карман. Затем тяжело поднялся на ноги.

– Вот теперь точно все, – проговорил он, оглядев усыпанную грязью землю. – Идем, Дружок. Вакар нас заждался.

Он повернулся и захромал к избе. Пес нагнал его и пошел рядом.

Как только Глеб и пес вошли в дом и закрыли за собой дверь, нечто темное и склизкое зашевелилось на снегу. Ошметки грязи, усыпавшие землю, стали сползаться к темному комку, извергнутому из утробы Глеба, и соединяться с ним. Мокрый грязевой ком стал расти, подрагивая и корчась на земле.

Достигнув размеров человеческого тела, темный ком распрямился и поднялся на ноги. Контур его обрел четкость, а на темном лице прорезались человеческие черты. Взглянув на дом, он усмехнулся, сплюнул на снег грязь, прочищая рот, а затем бодро зашагал к двери, тихонько напевая странным, сипловатым голосом:

Вот – новый поворот.
И мотор ревет.
Что он нам несет?
Пропасть или взлет?..

Глеб сидел на полу у печи, вытянув к раскаленной заслонке озябшие руки, а кузнец Вакар стоял рядом с ним, когда дверь вдруг распахнулась, и темная тварь вошла в дом.

Остановившись у порога, тварь оглядела избу и весело проговорила:

– Привет! Вижу, вы меня не ждали?

Тварь была точной копией Глеба, только голой, грязной и мокрой, как только что покинувший материнскую утробу младенец.

Пока Глеб приходил в себя от изумления, Вакар подхватил с пола кочергу и шагнул к двойнику. Однако тот быстрым движением выбил из пальцев кузнеца кочергу, схватил Вакара за грудки и швырнул его об стену.

Грохнувшись об стену, кузнец рухнул на пол и затих. Двойник усмехнулся, перевел взгляд на Глеба и проговорил:

– Неплохо для простой тени, верно?

Глеб медленно поднялся на ноги. Пес, стоявший у печи, отступил к стене и тонко заскулил.

– Глеб, Глеб, – снова заговорил двойник, разглядывая ходока. – Вспомни, кем ты был, когда попал сюда впервые. Безвольным, слабым червяком. А теперь? Разве не Гиблое место сделало тебя таким сильным?

Глеб облизнул пересохшие губы и попятился. Двойник сделал шаг навстречу Глебу и снова остановился.

– Не понимаю я тебя, – с досадой проговорил он. – С какого перепоя ты решил помогать людям? Разве это то, что тебе нужно? «Помогать людям, вершить добро»... – Двойник фыркнул. – Какая банальность! Все твое «добро» не стоит ломаного гроша. Не говоря уж о помощи людям. Эти ублюдки изгнали тебя из княжества после того, как ты спас их шкуры! Хороша благодарность.

– Кто ты, тварь? – хрипло проговорил Глеб, угрюмо глядя на чудовище, принявшее его облик. – Тень? Черная часть моей души? Моя темная половина?

Двойник усмехнулся.

– Я – это ты, Глеб, – ответил он. – Пора это признать. – Двойник сделал еще шаг. – То, что ты называешь «злом», – это то же добро, только поставленное с головы на ноги, – продолжил он. – Пойми, Орлуша, Гиблое место не зря наделило тебя Силой. Шесть лет ты водишь сюда людей и до сих пор жив. Думаешь, это случайность? Думаешь, если бы Гиблое место захотело тебя уничтожить, оно бы этого не сделало?

Глеб сжал кулаки и мрачно проговорил:

– Я привык полагаться на собственные силы.

– «Собственные силы», – передразнил двойник. – Да нет никаких «собственных сил»! Ты – часть Гиблого места. Прими это, Глеб. Согласись принять Силу, не отмахивайся от нее, и станешь всемогущ!

Глеб молчал, исподлобья глядя на двойника. Тот пристально взгляделся в его лицо и с досадой изрек:

– Вот оно что. Похоже, мы не сможем договориться. Жаль. Что ж, если ты не хочешь, придется мне самому.

И он приблизился к Глебу еще на один шаг.

– Что ты собираешься сделать? – тревожно спросил Глеб.

Двойник напустил на себя величественный вид, усмехнулся и торжественно процитировал:

– «Если твоя левая рука искушает тебя – отрежь свою руку!» Ты – моя левая рука, Глеб. И я от тебя избавлюсь.

Двойник пригнул голову и, холодно сверкнув глазами, двинулся на Глеба. Они схватились, как два борца, и, глядя друг другу в глаза, заскрежетали зубами. Глеб, высвободив руку, попытался ударить двойника по лицу, но тот перехватил руку Глеба, схватил его за больное плечо, приподнял над полом и швырнул в угол комнаты.

– Слабак! – презрительно проговорил двойник. – И всегда был слабаком!

Тут пес, до сих пор наблюдавший за схваткой неподвижно, вдруг сорвался с места, бросился на двойника и вцепился ему в руку.

Глеб открыл глаза и увидел перед собой перевертень. Черт! Он совсем забыл про эту штуку. Проклятая бурая пыль!

Двойник тем временем легко оторвал от себя Дружка, размахнулся и швырнул его о печь с такой легкостью, словно это была болонка, а не рослый, рассвирепевший пес. Ударившись о печь, Дружок упал на пол и заскреб по полу когтями, силясь подняться.

Глеб, сцепив зубы, дотянулся до перевертня и обхватил его содранными в кровь пальцами.

– Так-так-так, – насмешливо проговорил двойник, шагая к Глебу. – Кажется, ты решил прилечь и отдохнуть? Неужели беседа со мной так сильно утомила тебя?

Остановившись перед Глебом, двойник нагнулся и схватил его пальцами за плечи. И в это мгновение Глеб развернулся и трижды нажал на спусковой крючок. Семнадцатизарядный «глок» трижды яростно пролаял у него в руке.

Двойник замер и уставился на продырявленную в трех местах грудь, из которой хлынула на живот черная кровь.

– Пистолет... – прохрипел он. Поднял взгляд на Глеба и усмехнулся. – Остроумно. Но пули меня не возьмут.

– Только если они выплавлены не из белого железа, – холодно парировал Глеб.

По лицу Двойника пробежала судорога. Он облизнул мигом пересохшие губы и, с ненавистью глядя на Глеба, прохрипел:

– Мы еще увидимся... Первоход.

– Конечно. В аду.

Глаза Двойника закатились, и он рухнул на пол. По телу твари пробежала дрожь, оно запульсировало и, испустив облачко пара, стало сжиматься и таять прямо на глазах, пока не оставило после себя темную, зловонную лужицу.

Глеб перевернулся на спину и расслабил измученное тело.

19

– Вакар! Вакар, как ты, старина?

Кузнец открыл глаза и посмотрел на Глеба.

– Лучше, чем до твоего прихода, – хрипло ответил он. – Помоги подняться.

Глеб протянул ему руку. Вакар крепко сжал его ладонь своей мозолистой лапищей и тяжело поднялся на ноги. Огляделся, увидел на полу темную лужицу, перевел взгляд на Глеба и спросил:

– Это он?

Глеб кивнул:

– Да.

Кузнец усмехнулся:

– Вот теперь вы с ним точно похожи. А где твоя собака?

– Эй, бродяга, – окликнул Глеб пса. – Ты жив?

Пес, пошатываясь, заковылял к Глебу. Глеб опустил на пол, обнял подошедшего пса рукой и прижал его голову к своей груди.

– А ты ничего, – сказал он. – Хоть и темная тварь.

Пес заскулил и лизнул Глеба в нос. Тот поморщился и проговорил:

– Только давай без нежностей, парень. Такие штуки я позволяю только женщинам. А ты всего-навсего вонючая, грязная собака. Помни об этом и знай свое место, если хочешь остаться со мной.

Глеб потрепал псу холку, выпрямился и двинулся к двери.

– Куда ты? – окликнул его Вакар.

– Пойду глотну свежего воздуха. У тебя в избе воняет мертвечиной.
– Это все от твоего друга, – сказал Вакар и кивнул на пятно. – Взял бы тряпку и протер, чем ворчать попусту.

– Я тебе не прислуга, – возразил Глеб, осторожно ступая на пол ушибленной ногой. – Я – отважный убийца двойников!

Вакар усмехнулся:

– Верно. Но это был твой двойник. Значит, тебе за ним и убирать.

Глеб махнул рукой, давая понять, что разговор закончен, и захромал к двери.

По сравнению с затхлым воздухом избы на улице было свежо.

Вытоптанная пустошь перед домом была завалена ворохами одежды – все, что осталось от дюжины призрачных тварей, которых Глеб вывел из города, подобно Гансу, выманившему из Гаммельна орду крыс с помощью волшебной флейты. Вот только флейта у Глеба была жутковатая.

Он хлопнул себя по карману, проверяя, на месте ли перевертень, и на мгновение встревожился, когда ощутил в кармане пустоту. Но тут же вспомнил, что оставил брусок на столе, и успокоился.

Разглядывая поле битвы, Глеб не заметил, как из-за угла дома выбралась окровавленная фигура.

– Дружок, это ты? – не поворачиваясь, спросил Глеб. – Иди поохотись, приятель. Может, принесешь нам зайца или куропатку. У меня желудок сводит от голода.

Тварь принялась шевеля ноздрями, затем двинулась к Глебу. Походка у существа была странной, а вид – ужасный. Голова его была ободрана и смотрела на мир единственным уцелевшим глазом. Вместо левой руки торчал изжеванный обрубок. Сорванный с черепа скальп висел на лоскуте кожи, словно обрывок желто-красного платка.

Пытаясь нашарить в кармане бурую пыль, Глеб сердито проговорил:

– Дружок, я что тебе ска...

Он повернулся, и в это самое мгновение упырь, голодно взыв, бросился на Глеба и вонзил острые зубы ему в шею. Глеб упал на землю и захрипел, отталкивая от себя упыря. Свет быстро мерк у него перед глазами. Он еще несколько раз дернулся, с шумом вдохнул воздух и, хрипло выдохнув, затих.

Дверь избы распахнулась, и кривой оконечник железной кочерги, просвистев в воздухе, размозил упырю голову, будто кочан капусты.

* * *

Покончив с упырем, Вакар наклонился и приложил пальцы к шее Глеба.

– А ты чего стоишь, раззява?! – гневно крикнул он на пса. – Где ты был, когда эта тварь жрала Первохода!

Пес стоял в шаге от Глеба, ошеломленно глядя на его оцепеневшее тело. Кузнец убрал пальцы от шеи ходока, вздохнул и достал из кармана складной нож.

Пес жалобно заскулил.

– Тебе на это лучше не смотреть, – сказал ему Вакар.

Он распахнул меховую куртку Глеба, приподнял лезвием ножа шерстяную поддевку и резко распорол ее. Потом прощупал пальцами левый бок Глеба, пока не наткнулся на твердую выпуклость. Нахмурившись и сцепив зубы, кузнец воткнул лезвие ножа Глебу в бок и рассек кожу.

Достав камень, кузнец обтер его снегом и сунул в карман кафтана, туда, где уже лежал небольшой деревянный брусок. Затем поднялся на ноги, повернулся и вновь побрел к дому.

Когда дверь за кузнецом закрылась, Дружок неуверенно подошел к Глебу, взгляделся в его лицо и лизнул ему щеку. Глеб не шевельнулся. Пес сел рядом с телом и жалобно заскулил.

Дверь открылась, и кузнец снова вышел из дома. За плечами у него была прочная

сумка, сшитая из оленьей кожи, на боку меч-всеруб. В левой руке он держал кубышку с земляной кровью, а в другой – горящую головню. Воткнув головню черенком в снег, Вакар вынул из кубышки затычку, перевернул ее и облил тело Глеба маслянистой черной жидкостью.

Когда в кубышке не осталось ни капли горючей жидкости, Вакар отшвырнул ее в сторону и вынул из снега пылающую головню.

– Пусть боги смилостивятся над твоей душой и откроют перед тобой двери благодатного Угря! – проговорил он, сжимая в руке горящую головню. – Прощай, Глеб Первоход, самый лучший и смелый из ходоков!

Кузнец обмахнул себя скрещенными пальцами, делая охранный знак, затем стиснул зубы и швырнул головню на тело Глеба.

Покончив с этим, Вакар поднял с земли ольстру, повернулся и зашагал в лес. Отойдя на несколько шагов, обернулся и крикнул псу:

– Ну? А ты чего встал? Идем!

Пес не сдвинулся с места.

– Ладно. Как знаешь. – Кузнец отвернулся и зашагал дальше, бормоча себе под нос: – Я обещал Первоходу доделать его работу. И лопни моя голова, если я не утоплю перевертень и не верну проклятый камушек в святилище.

Антон Грановский Тайный враг

Глава первая

1

Порыв ветра пробежал по кронам черных пихт и елей, словно вздох огромного чудовища, оплакивающего своих безобразных отпрысков, сраженных рукой чужака.

Крев столкнул с себя обезглавленное тело твари и поднялся на ноги. Несмотря на пронизывающий ветер, он обливался потом. Ему не впервой было драться с тремя противниками одновременно, но таких живучих и жутких гадов он в жизни еще не встречал.

Отряхнув порванный камзол, Крев поискал на земле выжигатель, который выронил во время схватки, нашел его, стряхнул с оружия мусор и сунул в чехол. Затем поднял сумку и, поморщившись от боли в ушибленной груди, забросил ее на плечо.

Избитое тело болело, но особых причин для расстройства не было – твари так и не сумели вцепиться в него зубами и не нанесли ему смертельных или опасных ран.

Крев огляделся. Сумерки в лесу стремительно сгущались. Еще полчаса, и мрак станет непроглядным. А этот странный лес и при дневном свете казался жутким. Отблесков далекого зарева над лесом не было видно. Судя по всему, огонь на месте разверзшегося ада уже угас. Хорошо хоть, не перекинулся на деревья.

Еще немного передохнув, Крев поправил на спине сумку и зашагал через мрачный и черный лес-глушняк, стараясь не сойти в сумерках с едва видневшейся тропки. Рано или поздно эта тропка куда-нибудь его приведет.

Он прошел шагов двадцать, когда ночную тишину леса взрезал жуткий многоголосый вой. По спине Крева пробежал мороз, но он не остановился. Лишь прижал ладонь к груди, к тому месту, где под прочной тканью камзола висел на шее пятигранный амулет, и хрипло прошептал:

– Великий Арес-Мортум, помоги мне выбраться из этого леса живым.

Он прислушался, не ответит ли бог, но сумрачное, странно багровое небо хранило молчание. Крев горько усмехнулся: надеяться на богов не стоило, ведь они отвернулись от него еще два года назад. Он сплюнул себе под ноги и двинулся дальше.

Интересно, выжил ли еще кто-нибудь? Крев вспомнил ухмыляющуюся физиономию Раха... Этот смертоносный дьявол вполне мог выжить. Рах силен, ловок и хитер. Крев помнил его еще по «прошлой жизни», когда сам, не зная сна и отдыха, шел по следу Раха, чтобы пресечь его кровавый путь, вымощенный трупами невинных людей.

И вот теперь он снова вынужден думать об этом дьяволе во плоти и оглядываться по сторонам, опасаясь внезапного нападения.

Резкий порыв ветра заставил Крева поежиться. Рваный камзол – плохая защита от холода и ветра. Хорошо бы сейчас развести огонь, но, увы, нечем.

Тьма становилась все гуще, и вот уже на небе проступили звезды.

И вдруг Крев остановился. За деревьями полыхал костер. Сердце Крева подпрыгнуло в груди, и, забыв об опасности, он бросился вперед. Теперь он не обращал внимания ни на быющие по лицу ветки, ни на чавкающую под ногами грязь. Лишь бы побыстрее выбраться из этой проклятой, промозглой чащобы, к огню, к людям и – о, дьявол Стогнум! – к еде. Он так давно не ел настоящей пищи, что почти забыл ее вкус. Мысль о жирном, хорошо прожаренном куске мяса вызвала в его желудке судороги и заставила его задрожать от вожделения.

Впереди, за деревьями, он увидел людей.

Их было четверо, и один из них явно услышал или почувствовал его приближение. Он был высок и широкоплеч и стоял спиной к костру, положив руку на пояс. (Вероятно, затем, чтобы побыстрее выхватить оружие в случае необходимости.) С этим нужно держать ухо востро, решил Крев.

У ног одного из странников, юного, белокурого парня, лежал старый пес.

Раздвинув кусты, Крев вышел на лужайку и остановился так, чтобы отблески костра падали ему на лицо. Пес лениво поднял морду, скользнул по Креву безразличным взглядом и снова положил голову на массивные лапы. Выждав несколько секунд, Крев решил, что незнакомцы успели его разглядеть, и громко спросил:

– Кто вы, странники?

Тот, что стоял спиной к костру, самый рослый и крепкий из всей компании, поднял левую руку в приветственном жесте и пробасил:

– Я ходок. Зовусь Ставром Смелым. Воевода Видбор – мой дядя. А ты...

– Ходок? – переспросил Крев.

Парень кивнул:

– Да. Ходок в места погиблые. А это... – он обвел широким жестом троих своих спутников, – мои ведóмые. Люди, которых я привел сюда за чудными вещами. А кто ты такой, добрый человек?

– Ты назвал меня добрым человеком?

– Да.

Крев усмехнулся. Затем огляделся и спросил:

– Далеко отсюда до города?

Странники, сидевшие у костра, изумленно переглянулись, а их предводитель, назвавший себя ходоком, ответил:

– Далеко.

Крев поскреб пальцами поросшую русой щетиной щеку и, нахмурившись, сказал:

– По дороге к вам на меня напали какие-то сумасшедшие. Я снес одному голову, но он продолжал цепляться за меня. – Крев передернул плечами. – Должно быть, я слишком устал и бредил наяву.

Сплюнув себе под ноги, он достал из кармана плоскую флягу, свинтил крышку и приложился к горлышку. Отхлебнул он торопливо, и вода полилась по подбородку.

Трое «ведомых», сидевшие у костра, испуганно о чем-то зашептались. А ходок Ставр хмуро спросил:

– Где ты взял эту воду, странник?

– Набрал в роднике, – последовал ответ. – А что?

– В Гиблом месте ничего нельзя пить и есть.

– Правда? Ну, теперь уже поздно об этом говорить. – Крев небрежно вытер рукавом рот и сказал: – Если вы направляетесь в город, я пойду с вами. А если у вас есть еда, я готов за нее...

Договорить он не успел. Наверху послышался странный шум – словно огромные знамена забили на резком ветру. В правой части неба звезды вдруг исчезли, и Крев не сразу понял, что мгла, поглотившая звезды, имеет контур огромной птицы.

– Спуржун! – завопил сидевший у костра толстяк.

Ходок Ставр молниеносно подхватил с земли лук и быстро вложил стрелу на тетиву. Стрела сорвалась с тетивы и со свистом ушла в небо.

Дальнейшее произошло так быстро, что Крев не успел ничего предпринять. Огромная птица спикировала на него с неба, вцепилась в его заплечную сумку острыми когтями и дернула Крева вверх. Метров пять проклятая тварь волокла его ногами по земле, а затем сорвала с его спины сумку и устремилась с нею в небо.

Ставр пустил ей вслед еще одну стрелу, но снова промазал – стрелок он явно был неважный.

Упав на землю, Крев тут же вскочил на ноги, выхватил из чехла выжигатель, направил его на улетающее чудовище и нажал на спуск.

Огненная стрела, стремительно вырвавшись из дула выжигателя, прочертила в черном воздухе пылающую дорожку и ударила птицу в огромную голову. Чудовище оглушительно вскрикнуло и выронило сумку, а затем, тяжело замахав крыльями, спикировало вниз и рухнуло на землю за черной стеной деревьев.

Крев перевел дух и взглянул на Ставра.

– Что это было? – напряженным голосом спросил он.

– Спуржун-птица, – ответил ходок. – Тебе повезло, что она схватила твою суму, а не тебя.

Крев натянуто улыбнулся.

– Да, – хрипло сказал он. – Мне и впрямь повезло.

Он взглянул на сумку. Сумка лежала метрах в пятнадцати от того места, где стоял Крев, посреди голого, довольно большого участка земли. Слава богам, крылатое чудовище не успело унести ее далеко.

Крев облегченно вздохнул и двинулся к сумке, но молодой ходок внезапно встал у него на пути.

– Что такое? – удивленно нахмурился Крев.

– Эта голая пустошь – голодная прогалина, – ответил Ставр. – Если ты ступишь на нее, она объест тебе ноги.

Несколько секунд Крев смотрел в глаза парню, пытаясь определить, шутит тот или нет, затем усмехнулся и сказал:

– А я-то думал, что это я – сумасшедший. – Он повернулся к белокурому юнцу, сидевшему ближе всего к костру, и приказал: – Ты! Иди туда и принеси мне сумку!

Даже при свете костра было видно, как сильно побледнел юнец. Он качнул головой и проговорил дрогнувшим голосом:

– Нет.

– Нет?

– Нет, – снова повторил юнец. – Прошу тебя, странник, не заставляй меня идти туда.

Крев прищурил глаза и облизнул губы. Эти перепуганные бродяги, которые наделали в штаны от одного вида огромной птицы, отказывались подчиняться ему. Что ж, придется преподать им урок.

Он поднял выжигатель, наставил его на неповоротливого старого пса, стоявшего у ног юнца, и нажал на спусковую панель. Пес грузно, как мешок с мукой, упал на бок.

Юнец вскрикнул, схватил пса за шкуру и потряхнул его. Но пес остался неподвижен. Юнец поднял взгляд на Крева и испуганно проговорил:

– Он мертв?

Крев натянуто усмехнулся и ответил:

– Мертвее жареного бекона.

Юнец зарыдал, а Ставр нахмурился и глухо спросил:

– Зачем ты убил собаку, странник?

Крев заметил, как пальцы парня скользнули к поясу. Он быстро направил на него выжигатель и холодно произнес:

– Убери руку с оружия, ходок.

Ставр нехотя подчинился.

– Мы не сможем достать твою суму, – угрюмо возразил он. – Любой, кто попробует до нее добраться, погибнет.

– Уверен, что толстяк справится, – жестко проговорил Крев и навел выжигатель на перепуганного увальня. – Давай, толстяк! Считаю до трех! Раз!.. Два!..

Толстяк с испуганным и растерянным видом поднялся с бревна.

– погоди! – остановил его ходок.

Он подошел к вороху толстого валежника, заготовленного для костра, поднял его, подошел к краю прогалины и одну за другой пошвырял палки в грязь.

– Старайся идти по палкам, – сказал он.

Толстяк кивнул и, опасливо косясь на выжигатель, двинулся вперед. Все затихли, напряженно следя за его передвижением. Шаг. Еще один. И еще. Грязь дрогнула у него под ногами и слегка забурлила. Черный блестящий язык быстро поднялся из прогалины и лизнул сапог толстяка, словно пробовал его на вкус.

И тут нервы толстяка сдали – вскрикнув, он повернулся и бросился обратно, однако движения бедолаги были столь неуклюжими, что он сразу же поскользнулся на ветке и рухнул в грязь животом и лицом.

Черная, жирная грязь миглом вползла ему на открытые участки кожи и принялась с чавканьем пожирать их. Толстяк закричал от ужаса и боли и попытался встать, но грязь, впившись ему в лицо и шею, как огромная пиявка, потащила его обратно.

Ставр, прорывав какое-то ругательство, хотел броситься ему на помощь, но Крев наставил на него выжигатель и коротко приказал:

– Стоять!

Затем снова глянул на толстяка. Тот уже не кричал. Тело его оплыло и смешалось с грязью. Еще несколько секунд – и грязь растворила его, подобно кислоте.

Крев повернул к угрюмо молчащим странникам бледное лицо и спросил:

– Вы тоже это видели?

– Да, – глухо ответил ходок, с ненавистью на него глядя и сжимая кулаки.

Крев вытер рукавом камзола испарину, выступившую на лбу, и облегченно проговорил:

– Хорошо. Значит, я не сумасшедший. А теперь объясните мне, какого дьявола здесь происходит? Но имейте в виду: если ваше объяснение мне не понравится, я вышибу вам мозги.

Несколько секунд все молчали, затем Ставр разомкнул плотно сжатые губы и, яростно сверкая глазами, проговорил:

– Ты в Гиблом месте, бродяга.

Крев облизнул губы. Бродягой его еще никто никогда не называл.

– И что? – спросил он. – Здешняя грязь – не грязь?

Ходок снова разомкнул губы – казалось, с еще большим усилием, чем прежде, и ответил:

– В Гиблом месте все не то, чем кажется, бродяга.

Крев сдвинул брови и гневно предупредил:

– Еще раз назовешь меня бродягой, и я...

И вдруг слова застряли у него в глотке. В глазах Крева потемнело, а голову пронзила острая боль, словно ему протаскивали сквозь виски раскаленную проволоку. Крев сжал зубы и

быстро и хрипло задышал. Выжигатель выпал из его разжавшихся пальцев в траву, а он этого даже не заметил.

– Что... – хрипло пробормотал Крев, сцепив зубы от боли. – Что со мной?

– Ты выпил воду из родника, – холодно объяснил ходок.

Новый приступ боли выдавил из утробы Крева глухой, долгий стон. Странники вскочили с бревен и стали пятиться от костра, с ужасом глядя на его голову. Крев поднял к голове трясущиеся руки и ощупал свой череп. Черепная кость пульсировала и разрасталась под пальцами.

– Как это прекратить? – с ужасом прохрипел Крев.

– Это уже не прекратишь, – отчеканил ходок.

Новый приступ нестерпимой боли заставил Крева упасть на колени и хрипло застонать.

– Бежим! – крикнул Ставр.

Он подхватил с земли сумку с провизией и амулетами, повернулся и первым бросился во тьму, указывая своим спутникам дорогу. Белокурый юноша и долговязый мужик побежали за ним.

За спинами у них послышался отчаянный крик, переросший в жуткий рев, который не мог принадлежать ни человеку, ни зверю. А затем что-то быстрое настигло их. Долговязый странник взвился в воздух, пролетел две сажени и упал животом на груды сухих веток, пронзивших его тело.

Юноша ускорил бег, но голова его вдруг на полном ходу с хрустом повернулась в обратную сторону. Он пробежал по инерции еще несколько шагов и упал на землю замертво с нелепо вывернутой головой.

Потеряв своих ведомых, молодой ходок остановился, выхватил из ножен меч и резко повернулся навстречу преследующему его кошмару.

– Давай, тварь! – крикнул он полным отчаяния и решимости голосом. – Давай!

Что-то темное понеслось из мрака к Ставру, оледенив ему лицо дуновением ветра.

– Бог Хорс, помоги мне! – прокричал ходок и, сцепив зубы, бросился навстречу темной твари.

Однако не успел он пробежать и двух шагов, как сильный удар сбил его с ног. Ставр упал на землю и хотел снова вскочить на ноги, но вдруг увидел рядом с собой высокую фигуру, закутанную в плащ. Полы плаща незнакомца развевались на ветру, как крылья, а в руке он сжимал меч.

– В сторону! – рявкнул незнакомец.

Голос показался Ставру знакомым, но он не стал вспоминать, где его слышал, а просто откатился в сторону.

Незнакомец в развевающемся плаще шагнул вперед, к высоченной двухсотлетней пихте, и ударил мечом по нижней ветке. В то же мгновение наверху что-то ухнуло, и огромные сосновые бревна обрушились вниз, прямо на голову выпрыгнувшей из чащобы твари.

Чудовище взревело от боли и заскрежетало лапами, пытаясь вырваться из западни, но безрезультатно. Ловушка из тесаных бревен прочно придавила его к земле.

Ставр перевел дух, изумленно взглянул на незнакомца и хрипло спросил:

– Кто ты?

– Охотник, – ответил тот.

– Это твоя ловушка?

– Да.

– Тварь, которая в нее попалась...

– Да, я знаю, – кивнул незнакомец. – Если тебе надоело лежать, ты можешь встать и посмотреть на эту тварь вместе со мной.

Незнакомец с лязгом вложил меч в ножны, затем сделал рукой неуловимое движение, и в руке у него появился странный предмет, похожий на обрубленный посох.

– Что это? – недоуменно спросил Ставр, поднимаясь с земли.

– Ольстра, – коротко ответил незнакомец. – Держись у меня за спиной, ходок.
И он первым шагнул к придавленному бревнами чудовищу.

(Продолжение – в романе «Гиблое место: Тайный враг»)